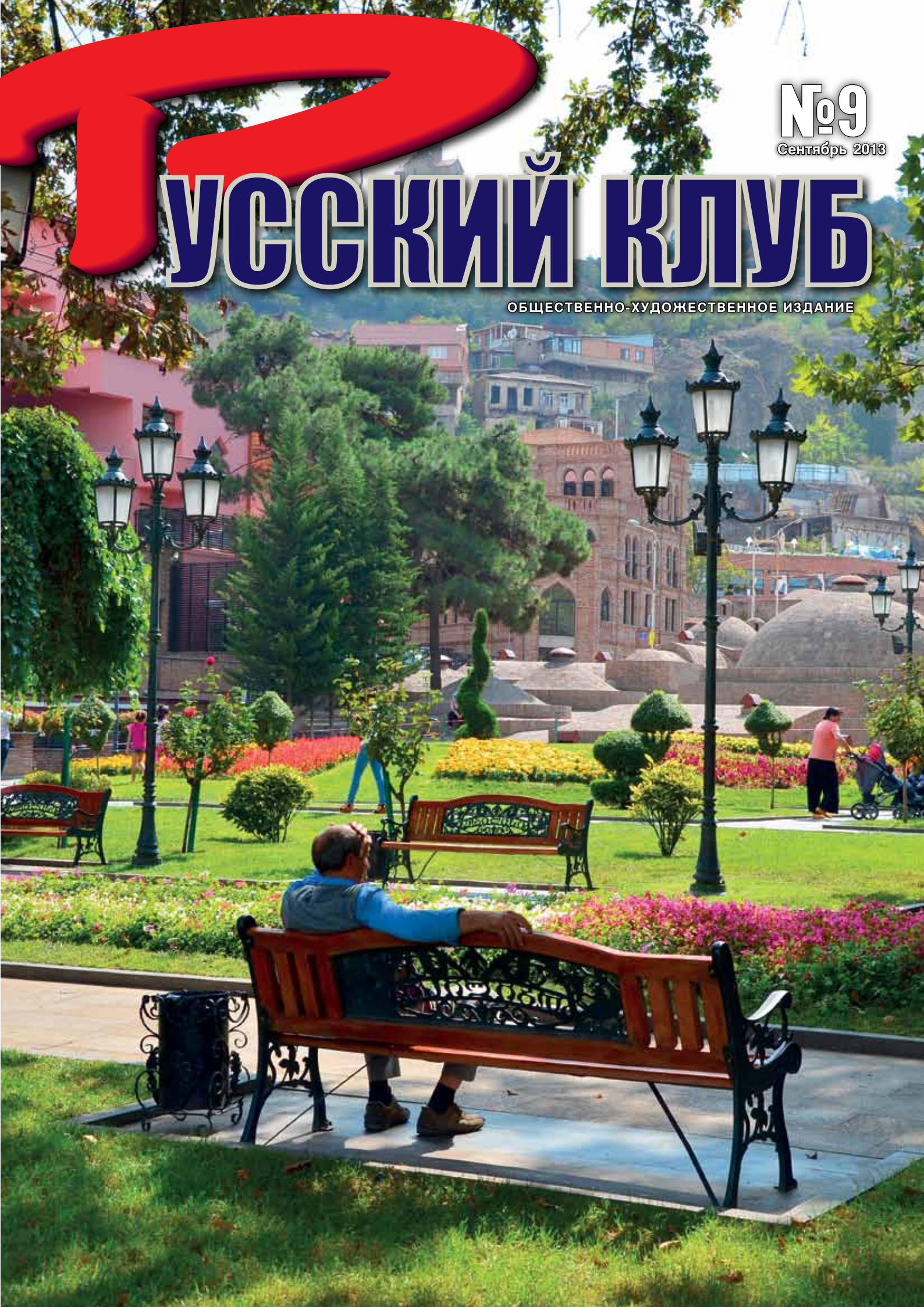

№9
Сентябрь 2013

РУССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Мир без преград

8 (800) 200-77-99

звонок по России бесплатный

www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ. Генеральная лицензия Банка России № 1000

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Арсен ЕРЕМЯН

Редакционная коллегия:
Вера ЦЕРЕТЕЛИ
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Донара КАНДЕЛАКИ
Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ
Владимир ГОЛОВИН

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
Зураб АБАШИДЗЕ
Важа АЗАРАШВИЛИ
Нани БРЕГВАДЗЕ
Гуджа БУБУТЕИШВИЛИ
Гоги КАВТАРАДЗЕ
Роин МЕТРЕВЕЛИ
Ирма СОХАДЗЕ
Гулбат ТОРАДЗЕ
Джансуг ЧАРКВИАНИ

Армения
Михаил БАГДАСАРОВ

Белоруссия
Валентина ПОЛИКАНИНА

Великобритания
князь Никита ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Венгрия
Олег ВОЛОВИК

Израиль
Давид МАРКИШ

Россия
Михаил НОСОВ
Евгений ТАБАЧНИКОВ
Александр ЭБАНОИДЗЕ

США
Алексей ЦВЕТКОВ

Франция
граф Петр ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

РУССКИЙ КЛУБ

№9⁽⁹⁵⁾
Сентябрь 2013

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ОСТАЛАСЬ ГРУЗИЯ В СЕРДЦЕ...
СЛОВО – УЧАСТНИКАМ ФЕСТИВАЛЯ
- 10 ПЕСНЯ МОЕЙ ЖИЗНИ
НИНА ШАДУРИ
- 13 ОДИН
ДАВИД МАРКИШ
- 19 «А ЗДЕСЬ У ДУШИ РАСПРАВЛЯЮТСЯ КРЫЛЬЯ...»
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА
- 20 ГРУЗИЯ ВХОДИТ В КРОВЬ СРАЗУ И НАВСЕГДА
НИНО ЦИТЛАНАДЗЕ
- 22 РОДИЛСЯ И ПОБЕДИЛ
АРСЕН ЕРЕМЯН
- 26 «ЗАВЛЕКАЮТ В СОЛОЛАКИ СТЕРТЫЕ ПОРОГИ...»
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 31 РАССКАЗЫ
ТОРНИКЕ ГУРДЖИНТАХИ
- 36 СО СВЯТЫМИ УПОКОЙ...
НАТЕЛА ЛАГИДЗЕ, ДМИТРИЙ БЕРИДЗЕ
- 40 ОТСТОЯЛИ КАВКАЗ
ЛЕВАН ДОЛИДЗЕ
- 43 СТИХОТВОРЕНИЯ
АЛЕКСАНДР МЕЖИРОВ
- 44 ЗОЛОТО НА ГОЛУБОМ
АЛЕНА ДЕНЯГА
- 46 РУКОТВОРНЫЕ СОКРОВИЩА
РЕГИНА ЯКОБИДЗЕ
- 48 ПАРИЖСКИЕ НАХОДКИ
ИРИНА ДЗУЦОВА
- 50 ПОВЕСТЬ ОБ АКТРИСЕ
СВЕТЛАНА КУРОЧКИНА
- 54 «КОЛГА» НА ВСЕ СЛУЧАИ ЖИЗНИ
МЕДЕЯ АМИРХАНОВА

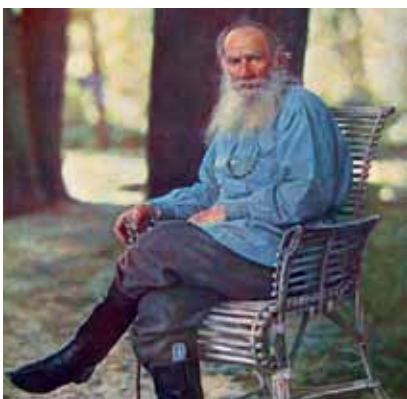
На обложке – Сквер в Абанотубани
Фото Александра Сватикова

ОТ ДО

ЮБИЛЕЙ ЛЬВА ТОЛСТОГО

9 сентября исполнилось ровно 185 лет со дня рождения великого писателя Льва Николаевича Толстого. Еще при жизни он был признан самым выдающимся представителем русской литературы. Самую первую Нобелевскую премию хотели выдать именно ему, но он отказался по идейным соображениям. Толстой был не только литератором, но и крупным общественным и религиозным деятелем. Его взгляды часто входили в противоречие с общественными и социальными догмами, он даже был отлучен от церкви. Автор «Войны и мира», «Анны Карениной», «Воскресенья», создатель религиозно-нравственного учения, граф Толстой прошел путь мыслителя, начинавшийся с чувства вины молодого аристократа перед крестьянами за свою сытую жизнь до сострадания всем страждущим на этой земле. Индийский философ Махатма Ганди говорил о нем, как о самом честном человеке своего поколения, оказавшем влияние на формирование его собственного мировоззрения. Оценивающие творчество Толстого, вне зависимости от национальной принадлежности, на редкость единодушны. Блок и Набоков, Томас Манн и Андре Моруа, Достоевский и Хемингуэй – все они считали его одним из величайших писателей в мировой истории.

ЗОЛОТОЙ ВЕК КОРОЛЯ-СОЛНЦА

Злые языки говорят, что великие реформаторы на самом деле являются самыми большими не-патриотами своих стран. И действительно, доля истины в этом злословии есть. Всех реформаторов не устраивал текущий уклад. Это касалось и великих людей древности, и нашего Петра I, и великого французского Короля-Солнце Людовика XIV, которому 5 сентября исполняется 375 лет. Судите сами – он вступил на престол, когда ему не было еще и пяти лет. Его страна была раздроблена, и в ней царил смута, называемая Фрондой. Все аристократические семьи восстали против королевского дома, и каждый норовил урвать кусок пожирнее. И соседи не дремали, спеша собрать армии для того, чтобы захватить французские территории. А мальчишка детсадовского возраста мог полагаться только на верность крестного – возлюбленного его матери, кардинала Мазарини, - и верную шпагу единственного надежного те-

лохранителя, легендарного Карла д'Артаньяна. Луи вместе с матерью и братом пришлось бежать из Парижа в простой карете, охраняемой единственным всадником-мушкетером, скрываясь от мятежной толпы. Конечно же, этот мальчик не любил Францию и не верил никому вокруг. Как и Петр I, видевший кровавое восстание стрельцов, убивших в один день всю его родню. Когда Людовик после смерти Мазарини взял власть в свои руки и стал настоящим королем, он, прежде всего, отстранил корыстных советников и создал полноценный кабинет министров во главе с Кольбером, единственным человеком, которого завещал ему умирающий крестный. И, невзирая на образ утонченного эстета, любителя танцев и увеселений, который рисуют нам в книгах и в кино, это был очень серьезный владыка, который перевернул всю жизнь своей страны и создал принципиально новую Францию. Он практически упразднил самовластие аристократов в их уделах. Он допустил к управлению на местах людей не благородного происхождения, а представителей

торгового и чиновничьего сословия. Он произвел крупную военную реформу, создав новую армию. При нем французские города лишились крепостных стен, потому что король сказал, что нужно защищать страну, а не каждый отдельный город. При нем были реализованы многие амбициозные архитектурные проекты – в частности, построен знаменитый Версаль. При нем произошел расцвет французской науки, культуры, искусств. Был построен флот, дороги, школы больницы. Время его правления называют Золотым веком. Он правил 72 года – дольше, чем кто-либо из европейских монархов. И он оставил после себя более обширную Францию с самой сильной армией в Европе. И благодаря Луи Франция и по сей день считается законодательницей стиля и моды, поскольку Король-Солнце действительно был модник, щеголь и галантный кавалер.

ГРУСТНЫЕ МУДРОСТИ СТАРОГО ПРИНЦА

В сентябре мы отмечаем юбилей еще одного выдающегося француза. Ровно 400 лет назад родился один из современников Людовика XIV, знаменитый французский мыслитель и моралист Франсуа де Ларошфуко. Он был старше Короля-Солнце и не был ему другом. Напротив, это был один из лидеров Фронды. Мы неплохо знаем его как персонажа мушкетерского романа «20 лет спустя» - там он выведен под именем принца Марсийяка. Этот французский аристократ из очень древнего рода только в молодые годы был любителем ратных забав, политики, заговоров и любовных походов. А в зрелости он стал одним из самых выдающихся французских моралистов, оставив после себя книгу едких, язвительных и грустных максим – так назывались

коротенькие философские новеллы. Цитируют ее и по сей день. А великий французский писатель Бальзак говорил, что на свете есть только два великих пессимиста – библейский Экклезиаст и герцог де Ларошфуко.

СЕКРЕТ ВЕЛИКОГО РАССКАЗЧИКА

В истории литературы помимо выдающихся писателей, блиставших изысканным слогом, изящными метафорами и смелыми образами, была еще малочисленная группа необычайных творцов – знаменитых рассказчиков. Не все они реализовались как писатели впоследствии. Чаще они оставляли о себе лишь воспоминания восхищенных слушателей, которые десятилетиями рассказывали о переживаниях, вызванных рассказами этих гомеров своего времени. Одним из таких рассказчиков по праву считается уроженец Грузии, знаменитый советский писатель, литературовед и мастер художественного рассказа Ираклий Луарсабович Андроников. Он родился в дворянской семье, восходящей корнями к древнему роду Андроникашвили, и почти сразу был увезен в Тбилиси. В семье детей было двое, и оба стали выдающимися людьми: Ираклий – литератором, а его брат Элевтер – знаменитым физиком, учеником академика Капицы. Ираклий отправился в Северную Пальмиру по окончании тифлисской школы и поступил в университет на филологический факультет. Еще в годы учебы он стал выступать как лектор филармонии, рассказывая перед началом симфонических концертов о композиторах и о произведениях, которых предстояло услышать зрителям. А после он начал работать в детских юмористических журналах «Чиж» (Чрезвычайно Интересный Журнал) и «Еж» (Ежемесячный Журнал), где работали в то время Маршак, Олейников и обэриуты Заболоцкий, Хармс, Введенский и другие. Параллельно он занимался исследованием творчества М.Ю. Лермонтова. Свои первые публичные выступления в роли рассказчика и теща Андроников начал еще до войны, в 1935 году. И с этого момента его слава только нарастала. На его концерты всегда не хватало билетов, и всегда был полный аншлаг. Его приглашали на торжественные мероприятия наравне с эстрадными звездами – певцами или танцорами. Его блестящие способности к устному рассказу и

актерское мастерство восхищали многих выдающихся людей того времени – писателей, актеров, государственных деятелей. Рассказывают, что его неоднократно слушал даже сам Сталин. А начиная с середины 50-х годов на центральном телевидении начались передачи цикла «Ираклий Андроников рассказывает». Его рассказы выпускались на пластинках, а позднее – на видеокассетах и компакт-дисках. Сейчас их можно найти даже в Youtube. Но почему-то главным своим трудом он считал работы о творчестве Лермонтова.

ЮБИЛЕЙ ГЕРОИНИ «ГУСАРСКОЙ БАЛЛАДЫ»

Знаменитой гусар-девице исполняется 230 лет. Все мы видели фильм «Гусарская баллада» и восхищались молодой, красивой барышней, которая отправилась на войну 1812 года и храбро сражалась с французами. И все мы решительно не понимали – как можно было так удачно скрыть принадлежность к женскому полу, что никто и не догадался об истинном положении дел. А ведь на самом деле, все это было на самом деле. Надежда Андреевна Дурова действительно является первой женщиной-офицером в истории русской армии. Но в жизни все было несколько иначе, чем в кино. Во-первых, она никогда не была гусаром, а служила в казачьих войсках и в уланах. Во-вторых, она пошла в армию, назвавшись именем своего брата, на семь лет раньше, чем ее персонаж – в 1805 году. К тому же, до войны она успела побывать замужем и даже родить ребенка. Да и инкогнито ее раскрыл вовсе не Кутузов, как в фильме, а ее собственный отец, дошедший в поисках сбежавшей дочери до самого царя. Александр I призвал беглянку пред свои царственные очи и собрался было отправить ее домой, но сменил гнев на милость, разрешив остаться в армии и пообещав не раскрывать ее тайну. Напротив, он даже разрешил ей пользоваться фамилией Александров – в честь самого себя. В дальнейшем многие, конечно же, дога-

дывались о том, что она женщина, но говорить об этом вслух было как-то не принято. Во время Бородинского сражения Надежда Дурова была в адъютантах у Кутузова и принимала участие в заграничном походе русской армии. Она покинула армию в чине капитана и прожила в Елабуге до 82 лет, оставив после себя литературные мемуары. Кстати, их глубоко ценил Александр Сергеевич Пушкин.

ПРАЗДНИК ГРАНЕНОГО СТАКАНА

В этом месяце мы отмечаем круглый юбилей одного из неотъемлемых предметов обихода советского человека – знаменитого граненого стакана. Ровно 70 лет назад, 11 сентября 1943 года, в столице российских стеклодувов, городке Гусь-Хрустальный, началось массовое производство граненых стаканов. По легенде, когда новое изделие продемонстрировали на заседании Политбюро, товарищ Сталин воскликнул: «Ой, а у нас в Грузии из таких пили вино! Только у них не было гладкого ободка». А Буденный проворчал: «наши казаки еще двести лет назад возили такие на поясе в мешочке».

Калинин же сообщил, что это похоже на стеклянные банки, в которых в 20-х годах привозили американскую тушенку. Вот вам и новинка. По слухам, граненый стакан разработала знаменитая Вера Мухина, автор скульптурной группы «Рабочий и колхозница». Другие утверждают, что это произошло при участии создателя «Черного квадрата» Казимира Малевича. А третьи говорят, что первый граненый стакан об пол разбил лично Петр I. Ничего нет более нового, чем хорошо забытое старое, что тут говорить. История граненого стакана, конечно же, уходит своими корнями в глубину веков.

Роб АВАДЯЕВ

ОСТАЛАСЬ ГРУЗИЯ В СЕРДЦЕ...

СЛОВО – УЧАСТНИКАМ ФЕСТИВАЛЯ

Грузия – это всегда счастье, а русско-грузинский поэтический фестиваль – счастье вдвойне, так как делишь его с людьми той же группы крови, той же культуры, что и твоя. Очень порадовало, что организаторы фестиваля, по-прежнему стремясь к межконтинентальному охвату пишущего по-русски мира, стали строже в отборе участников нашей встречи. Этот курс на высокий профессионализм, на то, чтобы диалог поэтов был не только оживленным, но и продуктивным, стоит, мне кажется, продолжать и дальше.

И о программе – она в этом году была насыщенной, чем когда-либо. Запомнились дискуссии о русско-грузинских литературных взаимосвязях, о поэтическом переводе, творческая встреча с Олегом Чухонцевым, концерт Мананы Менабде и, конечно, выступления перед теми, кто в Грузии по-прежнему тянется к русскому языку и русскому стиху. Жаль лишь, что почти все мы оказались не столько деятельными участниками, сколько благодарными (и вот именно что праздными) зрителями юбилейных торжеств. Может быть, имеет смысл в дальнейшем активнее включать русских поэтов в сорботничество, рассылать им предварительные материалы, устраивать (конечно, только для желающих!) заочные конкурсы, просить заранее подготовиться к разговору по той или иной конкретной теме.

Впрочем, не сомневаюсь, что креативная или, скажу лучше по-старинному, творчески настроенная и исключительно доброжелательная команда «Русского

клуба» подготовит к следующим встречам столько неожиданностей, сюрпризов и ярких идей, что всем нам мало не покажется. И вновь во весь голос прозвучат стихи – они, в конце концов, на поэтическом фестивале самое главное!

Сергей ЧУПРИНИН (Россия)

Когда здесь осенний сумрак, а прошедшее за горами, что – в памяти?

Ласточка, высидевшая птенцов в Музее Нодара Думбадзе. Юный танцор, застывший в энергичной стойке. Гурийское многоголосие, так живо кликнувшее псковских старух. Или, пусть простят мне, вожделенное лобие или пхали. А может та милая женщина из Поти, которая произнесла трагически, но с улыбкой – ГУМ, ЦУМ, Детский мир.

Наверное, все-таки, стихи. Точнее не они, материя слишком таинственна, а вот как не с эстрады, а друг другу, по ныне живучему обряду, сбившись в плотный кружок, зажатые скудным случайным пространством, соприкасаясь руками, коленями, головами разнонациональные и разновозрастные гости и хозяйева праздника читали друг другу с планшета, по заветной тетрадке, с уже вышедшей книжки, бубня под нос, упирая на сонорные, декламируя, стесняясь...

И еще – моя благодарность за рачительное великодушие.

Ирина ПОВОЛОЦКАЯ (Россия)

▲ Бахытжан Канапьянов и Сергей Чупринин

РАЗВЕ ЭТО НЕ ЧУДО?

...что я могу добавить к впечатлениям о Шестом Международном русско-грузинском поэтическом фестивале? Обо всех шести уже не раз высказывались мои друзья, блистательные мастера русской словесности. Мой же слог скуден. Слова, не ставшие предложениями, мучительно замирают, чтоб не прозвучать фейерверкерно. Сказано: «Мысль изреченная есть ложь» и «Не я пишу стихи. Они, как повесть, пишут меня», правы и Федор Тютчев, и Тициан Табидзе. Не хочу говорить о вине, льющемся водопадом, о низвергающихся на фантастическое грузинское застолье столах, о переворачивающем душу многоголосье с закликающим сердце: «Шен хар венахи...» Почему непонятные для меня слова взволновывают нечто, называемое прапамятью? Мы же такие разные. Но, верно, это и «очеловечивает человека». Вот уже почти десятилетие ловлю себя на повторяющейся иногда мысли: отчего, когда мне плохо в Вильнюсе, вспоминаю Тбилиси, Багдади, Батуми, когда хорошо и кажется: роднее города быть не может, нет-нет да и мерещатся улочки Кутаиси, Кобулету, Поти, гладь озера Палиастоми. Странна психика человеческая...

Николай Николаевич достойно продолжает традиции легендарной Главной редакционной коллегии по переводу и литературным взаимосвязям, созданной во времена оно Отаром Нодия. Разумеется, на ином историческом ландшафте и во времена не менее нелегкие... В 1983 году этот уникальный деятель грузинской культуры подарил мне шелкографический календарь с образом Владимира Маяковского, выпущенного годом ранее. Тогда праздновалось 90-летие Поэта. Думал ли я, что снова окажусь в Багдади спустя тридцать лет и что смогу в дни празднования 120-летия Великого Лирика передать легчайшую ткань сотрудникам музея со словами: «Передаю во временное пользование для экспозиции с условием, чтобы через тридцать лет в такой же юбилейный день в присутствии всех собравшихся календарь был возвращен его владельцу». Конечно, это надежда на чудо... А разве не чудо встреча с Олегом Чухонцевым, с которым общался сорок семь лет назад в стенах редакции журнала «Юность», с ираильтянином Давидом Маркишем, сокурсников которого по Литинституту я знал в Вильнюсе, с интеллигентнейшим парижанином Александром Радашкевичем, сумевшим п о н я т ь мои русско-литовские строфы, как никто из литературоведов, познакомиться с Александром Сватиковым, бесстрашным рыцарем рус-

ского культурного наследия на земле, ставшей ему родной, я был потрясен страстно-молодой речью неувядаемого Джансуга Чарквиани, мне было покойно и умиротворительно молчать друг против друга с Бату Данелия, учившимся на ВЛК, как и я, но в разные годы и слушавшему «моих» учителей. Этим и многих-многих друзей подарил мне фестиваль. Разве это не чудо? Будет ли у него продолжение? Верую, что да.

Юрий КОБРИН (Литва)

Организация фестиваля, слаженная работа команды, умение быстро и грамотно «разруливать» различные ситуации – выше всяких похвал.

Идея посещения различных городов и селений для меня, как для организатора литературных мероприятий, – находка, достойная подражания. Ведь именно таким образом фестиваль позволяет участникам познакомиться с наибольшим числом красивейших мест страны, с людьми, а населению – приобщиться к поэзии. Доброе отношение, радушие, взаимное уважение, интерес и восприятие песен и стихов на уровне сердца сделали свое дело. А осознание того, что мы, русские и грузины, любим и уважаем друг друга, что у нас открыты сердца и чисты помыслы – важны как никогда. И на мой взгляд, фестиваль справился с этой задачей на отлично.

Остались друзья, остались контакты, остались родившиеся на фестивале совместные проекты и осталась Грузия в сердце или сердце в Грузии...

Марина КАПАШНИКОВА (Австрия)

Я душевно благодарен Вам за счастье новой встречи с благоуханной грузинской землей, за новые и старые стихи собратьев-поэтов, за добрые дороги и светлые видения горных и дольных далей, за шелковое море и палящее солнце во встречных глазах, за бессонные ночи и сны наяву, за великое молчание «во весь голос».

Будьте счастливы и храни Вас Господь.

ГРУЗИНСКОЕ

*Там, где маки Ахалкалаки, где
бекасы Палеостоми и злое счастье
яви в кувшине саперави, бегут,
как на работу, бездомные собаки,*

▼ Дружба рождается в танце

*и, как в жизни позапрошлой, вслед
моргает теленок рыжий
иконным оком
Пиросмани,
и кажется, доехали до полной
остановки, до тополя дорожного и
воробьянка пегого на предпоследней
ветке, где так легко оплакать
и так легко восславить эти маки
Ахалкалаки и на кресте
озерном трех бекасов
Палеостоми.*

Сердечно Ваш,
Александр РАДАШКЕВИЧ (Франция-Чехия)

Большое спасибо за этот чудесный фестиваль. Нам случилось участвовать во многих действиях подобного рода, но с таким гостеприимством, радушием, душевной широтой мы встретились, пожалуй, впервые. Вероятно, причиной тому не только добрая воля и усердие организаторов, но и невиданная щедрость благословенной грузинской земли и ее жителей.

У нас возникло стойкое убеждение, что буквально каждый город, городок или деревушка отличаются не только кулинарным изобилием, но и бесконечными талантами и умениями. Замечательное мужское многоголосие, одаренные юные танцоры, певцы, музыканты, кажется, уже готовые к завоеванию мировых сцен, и, конечно же, незаурядные поэтические дарования...

▼ **Елена Скульская и Анна Шульгат**

Как говаривал Александр Володин, стыдно быть несчастливym. Вслед за ним хочется сказать: в Грузии стыдно быть неталантливым. И, наверное, не так уж важно, в чем выразится этот божий дар – в стихах, музыке, философии, танце, виноделии или кулинарии.

С теплотой вспоминаем мы Тбилиси, Гори, Багдади, Батуми, Кутаиси, Дом-музей Нодара Думбадзе в Гурии. Памятным стало для нас посещение Мегрелии: благодаря представителям центра культурно-исторического наследия «Роза Колхиды» мы побывали и в старинном еврейском поселении, и во владениях грузинской православной церкви, где нас принимали монахи и угощали целебным вином «Оджалеси» собственного приготовления. В этой поездке мы по-настоящему прикоснулись к священным истокам древней мегрельской культуры.

Анна ШУЛЬГАТ и Михаил ЯСНОВ
(Санкт-Петербург)

Фестиваль отшумел, а в душах и сердцах продолжает жить во всей полноте ощущений и переживаний. Сужу не только по своему восприятию – по письмам ко мне лично, комментариям, отзывам в том же фейсбуке. Он продолжает соединять нас всех, преодолевая расстояния и границы. И в этом главный смысл того, что происходило. Неразрывность культурного пространства, возвращение и сохранение чуть было не порушенных исторических связей русской и грузинской литератур. Политики пусть отвечают перед лицом времени за близорукость, эгоизм, случайную глупость или злонамеренность своих поступков, но люди, человеки, не должны терять чувство братства и дружества, чувство взаимного притяжения.

Фестиваль дарил взаимным творческим обогащением, рождал новые человеческие контакты, упрочищал прежние, согревал теплом доброты и любви. Это бесценно.

Для меня лично – счастливое открытие нового уже сложившегося поколения грузинских поэтов, возникшим чувством причастности к современной грузинской поэзии. Не буду называть имен, дабы не упустить случайно кого-то, но мы с этой когортой нового грузинского поэтического слова сердечно сдружились.

А какой круг замечательных русских – и не только – поэтов открылся на фестивале. И все это воистину

озарено любовью.

Было тяжело выдерживать нагрузку переездов, встреч, выступлений, мероприятий? Возможно. Но ведь надо было везде поспеть, учитывая, что фестиваль в своей программе держал во главу угла два славных юбилея – Владимира Маяковского и Нодара Думбадзе. Да и то, что участники фестиваля получили возможность широкого географического охвата Картли, Имерети, Гурии, Самегрело, Джавахети, Аджарии, представляется в итоге фактом очень позитивным.

Даниил ЧКОНИЯ (Германия)

▲ Юрий Кобрин, Олег Воловик, Гурам Одишария, Даниил Чкония

Мы благополучно добрались до дома, испытывая ко всем вам самые теплые и нежные чувства. Мы очень признательны за приглашение, за радушный и теплый прием, за внимание, за блестящую организацию фестиваля – поистине выдающегося, уникального действия, не имеющего нигде в мире малейшего подобия! Вы – настоящие добрые волшебники, излучающие и щедро дарующие радость и счастье всем вокруг.

Олег ВОЛОВИК и Ксения ЗАХАРОВА (Венгрия)

Судьбе было угодно, что именно благодаря Вам, Николай Николаевич, нашу соседнюю Грузию я теперь уже знаю не только по книгам, музыке и кино, но и «живьем» влюбленно чувствую ее природу, людей и поэтов.

Во время фестиваля грузинские поэты, к сожалению, мало прозвучали. Но этот «пробел» был восполнен живым и содержательным общением с ними, а главное – уникальными антологиями «Перекрестки» и «Новые сны о Грузии». За все книги, которые вы издали к Шестому Международному русско-грузинскому фестивалю, отдельное и преогромное спасибо вам и всем тем, кто так тщательно над ними работали. Любой литературный фестиваль, форум позавидовал бы столь урожайному творческому итогу.

Шестой фестиваль открыл для меня (думаю, и многим участникам) реликвию грузинской культуры, филологии, профессора Наталью Константиновну Орловскую.

Именно программа «на колесах» и позволила мне побывать на родине Нодара Думбадзе и Владимира Маяковского, увидеть Ахалкалаки, возложить венок к памятнику армянскому классику Деренику Демирчяну... Я рада, что, приехав в Хелвачаури, не только прочитала там стихи, но и подарила библиотеке Дома культуры свои книги на русском языке: «Они любили Армению» и «Дело №...»

Дай бог, чтобы никто и ничто не мешало Вам и руссколюбцам поддерживать интерес и любовь к поэзии.

Каринэ ХАЛАТОВА (Армения)

Дорогой Николай, огромное спасибо за потрясающий по своему замаху и размаху фестиваль! Ничего подобного я даже не ожидал.

Жаль, что не удалось отдельно посидеть и поговорить о фестивальной сотрудничестве. Однако очень хотелось бы перенять ваш опыт для работы по пропаганде русского языка и русской культуры в Украине и в Крыму. Было бы очень полезно в следующий раз организовать круглый стол кураторов разных фестивалей для обмена опытом, интересными идеями и создания совместных проектов.

Андрей Коровин (Россия)

Фестиваль как всегда был праздником, принесшим много радостей. Мне кажется, очень ценным было то, что мы ездили в разные места и встречались с местной интеллигенцией, было очень приятно читать для людей, которым самим, возможно, было бы трудно выбраться в большие города.

Мария ИГНАТЬЕВА (Испания)

Вот и пролетели прекрасные дни и ночи, проведенные в благословенной Грузии, когда еще не постигаешь где явь, а где сон, но все откладывается в четвертом измерении нашего сознания – памяти. С любовью и нежностью, сердечной признательностью и искренней благодарностью Вам, Николай Николаевич, истинному русскому интеллигенту начала XXI века, всем сотрудникам «Русского клуба», чья чуткость и внимание сопровождали нас с первых и до последних минут пребывания на древней грузинской земле. Мы прилетели на фестиваль одними из первых и уехали из Батуми последними.

Наше постижение Грузии, начиная с моего эссе «Зов дня грядущего и дня прошедшего» продолжится через наши будущие встречи в жизни и на страницах новых книг.

Бахытжан и Гульнар КАНАПЬЯНОВЫ (Казахстан)

Вот уже неделю – с того момента, как только в иллюминаторе нашего «Боинга» замелькали отметины взлетной полосы – я ищу слова прощания с Грузией и не нахожу их... Какие слова могут выразить все чувства, испытываемые и переживаемые мной, когда я думаю о Грузии? КАК и ЧЕМ можно передать ВСЕ ЭТО?.. Конечно же, есть слова, так или иначе обозначающие то, что переполняет меня, но я боюсь их произнести, боюсь их написать, потому что это – всего лишь слова, - они слишком избиты и затерты, и пока я не нашел каких-то других – единственных и незатасканных – я просто назову – попытаюсь назвать – все теми же старыми, банальнейшими словами то, в чем мне еще предстоит разбираться и с чем мне жить – РАДОСТЬ, БОЛЬ, ПЕЧАЛЬ, ГОРДОСТЬ, СЧАСТЬЕ, ГРУСТЬ... ЛЮБОВЬ...

Юрий ЮРЧЕНКО (Франция)

▲ Олег Воловик и Ксения Захарова-Воловик

ПЕСНЯ МОЕЙ ЖИЗНИ

Начнем издалека.

Несколько лет назад в Москве прошел Всемирный фестиваль русской песни, на который съехались соотечественники из 60 стран мира. Грузию на этом фестивале представляла... Как вы думаете, кто? Ксения Захарова-Воловик – профессиональная сольная народная певица, композитор, лауреат всероссийских и зарубежных фестивалей и конкурсов, обладательница почетного титула «Достояние национальной культуры», номинант на высокое звание Посол Доброй Воли ФАО ООН (FAO UN Goodwill Ambassador).

Это был, безусловно, поступок. Рискованный, в какой-то степени – вызывающий. И смелый. Что и говорить, мы живем во времена таких крайностей, что немногие могут позволить себе оставаться, говоря словами Ромена Роллана, «Au-dessus de la mêlée» - «Над схваткой». Для этого надо быть очень талантливым и независимым.

Так почему же российская певица выступала от Грузии? - спросит неискушенный читатель. К тому же, спустя короткое время после трагических событий августа 2008-го?

Ответ прост. Во-первых, таким образом, она поддержала проживающих здесь соотечественников. А вторых, еще раз доказала, что связь культур России и Грузии по-прежнему крепка.

Ксении пришла идея соединить русскую песню и грузинский танец. В результате из более 600 номеров, показанных на этом фестивале, лишь 19 – стали лауреатами, получившими право принять участие в гала-концерте в Колонном Зале Дома Союзов. Самым ярким среди них оказалось выступление народной певицы Ксении Захаровой-Воловик и грузинского танцевального коллектива «Багратиони» под руководством Отара Джишкарариани, вызвавшим овации зрителей.

Конечно, такой блестящий эксперимент естественным образом потребовал продолжения, которое с неизменным успехом происходило на самых разных концертных площадках.

Вообще, любовь Грузии и Ксении взаимна. Ксения – постоянная участница ежегодного Международного русско-грузинского поэтического фестиваля, ее выступления каждый раз становятся праздником для его гостей и участников. Так было и в этом году.

Ну, а если мы добавим, что именно в Грузии Ксения вышла замуж за Олега Воловика, президента Международной Федерации русскоязычных писателей, и их союз благословил Святейший и Блаженнейший Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II, то все станет понятно без дополнительных разъяснений.

Простите за банальность, но настоящие дружба и преданность и в самом деле не зависят от политических катаклизмов. А уж в сочетании с талантом они дают их обладателю ту степень свободы, когда он волен сам делать свой выбор. И оставаться «над схваткой», как и было выше сказано.

Помните известную шутку Фаины Раневской о «Джонке»? «Эта женщина уже сама может выбирать, на кого ей производить впечатление, а на кого нет».

Мне повезло, я оказалась в числе тех, на кого Ксения согласилась «произвести впечатление» - она дала интервью. И еще раз удивила – искренностью, тонкостью и чувством юмора.

- В обывательском восприятии – поймите меня правильно – в народной песне есть что-то архаичное... Почему вы – молодая современная певица – выбрали именно этот жанр, хотя ваш уникальный голос дает возможность петь все?

- Все очень просто. Я не выбирала этот жанр, а просто выросла в деревне, где жила вся моя большая и очень дружная семья. Все они – музыкально одаренные люди. Поют, играют на гармонии, баяне. Дедушка великолепно играл на балалайке, а бабушка так прекрасно пела, что послушать ее собиралась вся округа. У них было девять детей, и у каждого, родилось по два-три внука! Маме передался голос от бабушки, а от мамы – мне. Даже тембр похож. Петь для нас – это все равно что дышать, так же естественно и необходимо.

- А по каким поводам пели в деревне?

- Говорят, что хорошая песня хорошо звучит после хорошей работы. В деревне без дела не сидят. А в нашей семье держали и коров, и коз, и свиней, и овец. После трудового дня топили баньку. Потом садились за стол – огромный, богатый, как в Грузии. Все с огорода, все свежее. И начинали петь – и грустные песни, и веселые, и частушки. Плясали под гармонию. И в будни, и, само собой, в праздники. А порой коротали вечера за вязанием, шьем... Бабушка научила меня прясть – на прялке, скручивая нитку. Вечерами садились в круг у русской печки – большой, глинобитной. И, конечно, лилась русская песня. Часто мы, дети, давали концерт для взрослых – показывали сценки, читали стихи, стараясь всех порадовать, особенно бабушку... Она была верующей. По-настоящему веровала. Это передалось всем нам. Утром просыпались – она сразу же давала просвирку, святой водички. Перед едой обязательно читали молитву. Церковь находилась от деревни довольно далеко, километрах, наверное, в 80-ти – нужно было сперва выйти из деревни на большую дорогу, потом ехать на автобусе, потом очень долго идти по полям. Мы снимали, помню, сандалии, шли босиком и учили молитвы, и пели...

- Да вы словно из XIX века. Удивительный уклад жизни – трудовой, неспешный. Что вам это дало?

- Деревенская жизнь очень закаляет. Мне кажется, если ребенок вырос в такой атмосфере, он становится сильным, выносливым. Он не потеряется в большой жиз-

ни. Эти люди очень ценят труд, знают цену каждой вещи, берегут, понимают, что это – результат большого труда.

- И все-таки было желание уехать, раз вы не остались в деревне?

- У меня была причина. Шесть лет училась в школе-интернате. Все мое детство... Интернат подготовил к дальнейшей жизни, по-настоящему закалил.

- Одинок было?

- Если честно, было тяжело. Особенно в начале. Года через два-три привыкла. А потом, чтобы получить музыкальное образование, уехала в Пермь.

- Вы чувствовали, что хотите именно петь?

- Была уверена, что это – мое. Не думала, что могу стать певицей. Но очень хотела петь! В жизни я довольно застенчива, но когда выхожу на сцену – раскрываюсь, живу. Помню, как пришла в Пермский областной колледж искусств и культуры. Был последний приемный день. Подходим к женщине, которая принимает документы. Она спрашивает:

- «Музыкальную школу окончили?» - «Нет.» - «Так что же вы хотите? Где ж вы раньше были?» В общем, удалось как-то уговорить, чтобы профессор по вокалу Яков Павлович Герштейн, прослушал, как я пою.

- Ну, прямо как Фрося Бурлакова в фильме «Приходите завтра».

- Точно. Начала ему петь... Он: - «Вот это голос!». Пошел по всем инстанциям и настоял, чтобы меня допустили к экзаменам без музыкальной школы. Так и поступила.

- Тяжело было учиться?

- Очень. Жила на крошечную стипендию. Одеть было нечего. Для выступлений на сцене одалживала то юбочку, то блузку... День и ночь занималась – учила нотную грамоту, зубрила гаммы. Училась играть на баяне, на фортепиано. Изучала дирижирование, хоровое пение... Очень благодарна своему педагогу по вокалу Ларисе Анатольевне Белецкой – она дала мне настоящую путевку в жизнь. В Челябинске, на престижном конкурсе по громадному Уральскому региону я стала лауреатом

▲ Среди берез

и заняла призовое место. Это была большая победа и преподавателей, всего нашего колледжа. Потом, по результатам крупного регионального вокального конкурса, выиграла поездку в Москву – на российский конкурс молодых вокалистов Галины Вишневской и Ольги Воронец «Таланты России». Впервые я пела в Большом зале консерватории. Там такая акустика! Этот конкурс тоже принес победу, но главное, ко мне подошла выдающаяся русская певица Ольга Борисовна Воронец и сказала: «У вас впереди большая дорога. Вам обязательно надо учиться в Москве». Помню, я страшно удивилась и смутилась от того, что она говорила со мной на «вы». Навероятно приятно было получить подарок и от Галины Павловны Вишневской, сказавшей мне добрые напутственные слова... Начались концерты, поездки за границу.

- После Пермского колледжа вы поехали на учебу в Москву?

- Поехала! Говор у меня был – наш, пермский. Спрашиваю (замечательно имитирует): «Ну так а че? А куда идти-то?» А я же не знала, что (пародирует московский выговор) «в Маскве гварят иначе, а все другие – понаехали».

- Ах, жаль, что на странице не передашь, как вы это произносите!

- Позже, когда я училась уже в Государственном университете культуры и искусств, меня пригласили в коллектив к Надежде Бабкиной. Было лестно, но я ни секунды не сомневалась в том, что у меня собственный творческий путь. Тем более, что Господь опять послал мне Учителя – Михаила Ивановича Демченко, профессора, народного артиста России, композитора, основателя вокального факультета, кафедры сольного народного пения. Удивительный был человек. Он всегда помогал талантливым ребятам, которые приезжали издалека. Всех накормит-напоит, денег на дорогу даст, ведь в свое время он и сам приехал в Москву из провинции. Это был преподаватель вокала от Бога. К сожалению, был... Три года назад его не стало. Его ученики поют сегодня в лучших оперных театрах мира – те, которым он дал технику, приемы, раскрыл секреты мастерства.

- У каждого они свои?

- Существуют универсальные приемы. Но есть, конечно, индивидуальные. Их стараются не раскрывать. Особенно вокалисты в академическом пении. У них свои тонкости. (Изображает, как они распеваются) «Что-о-о?

Не звучи-и-ит, голова-а-а не звучи-и-ит... Ма-ми-мо... Ма-ми-мо». Это всегда очень забавно.

- Демченко считал, что народная песня – это ваше?

- Да. Он мне говорил: «Тебе Господь уже все дал! Пой! Песня сама полетится».

- Как складывалась ваша профессиональная жизнь?

- Была солисткой университетского ансамбля. Работала с разными артистами и коллективами. Много выступала, ездила по всей России. Постоянно приглашают и поныне на государственные концерты, правительственные приемы, ответственные выступления перед главами государств и правительств. Пою всегда вживую, часто без микрофона. Работала солисткой Центрального образцового оркестра Военно-Морского Флота имени Римского-Корсакова. Затем – солисткой Московского Государственного Академического театра танца «Гжель», где познакомилась с Людмилой Рюминой. Мы выступали в самых лучших залах страны. Помню, у меня был чудесный номер – я начинала а капелла «Что стоишь, качаясь, тонкая рябина», затем вступала музыка, выплывали девочки – «березки», они меня заплетали в хоровод... Очень красивый был номер.

- Ваша деятельность очень многогранна...

- Одно из важнейших для меня направлений – благотворительная деятельность для детей. Всегда мечтала, еще в школе-интернате, что обязательно буду помогать детям, создам специальную школу. У меня есть опыт работы преподавания вокала. Между прочим, проверено и доказано, что народная песня как бы восполняет многим деткам нехватку любви, заботы, внимания. Еще я пишу музыку, песни. У меня своя студия звукозаписи, где я провожу довольно много времени.

- Как появляются песни – сперва возникает музыка или вы пишете на слова?

- По-разному. Порой пишу на свои слова, а иногда читаю какое-нибудь стихотворение, и приходит мелодия. Поэтому мне так интересно творчество участников поэтических фестивалей.

- Стихи себе присматриваете?

- В первую очередь мне интересны люди. У каждого – своя судьба, свой характер, свой стиль. Они дарят книги, и зачастую из их стихов рождается песня. Так, например, появились новые песни на стихи Валентины Поликианой, Лидии Григорьевой...

- Три года назад вы вышли замуж в Тбилиси, и «Русский клуб» сердечно пожелал Вам и Вашему супругу с обложки нашего журнала – «Совет да любовь!» Как сбылось наше пожелание?

- Мне очень повезло! Я встретила своего человека. Мой дорогой муж Олег – моя опора, мое счастье, мое золотко любимое, мое солнышко!

- Знаете, вы всегда выглядите, как молодожены. Ей-богу, завидки берут! А как вы встретились?

- Случайно, на моем концерте. Февраль. Ужасный холод. Я была простужена, хотела отказаться от выступления, отлежаться. Но в последний момент, все-таки, поехала на концерт. И встретила там свою судьбу.

К нашему разговору присоединился Олег Воловик.

- Олег Евгеньевич, а вы помните ту встречу?

О.Воловик: - Конечно. Я тоже не собирался никуда ехать. Мороз, метель. Какой еще концерт?! Можно сказать, что попал я туда достаточно случайно. Но когда я увидел Ксению, сказал всем: «Мне кажется, она будет моей женой...»

- Да ну!

К.Захарова: - Правда-правда. Он так сказал своим друзьям. Посмеялись. Оказалось, что зря...

- В чем секрет семейного счастья?

О.Воловик: - В любви и уважении друг к другу.

К.Захарова: - Полностью согласна!

Нина ШАДУРИ

ОДИН

Эта яма, наполненная коричневатой прозрачной водой, зияла посреди пустыни; две или три пальмы с финиковыми сережками под зелеными шляпами лепились к влажному обводу ямы и отбрасывали скудную тень на кряжистый камень под ними, а больше ничего здесь не было: ни животных, ни людей.

Края и нутро ямы были прилежно обмазаны глиной, так что вода не уходила в песок и не пропадала втуне. Водоем, надо думать, подпитывался каким-то источником – донным ключом, что ли, или чем-то иным. Но, глядя с берега вглубь, угадать, как держится вода в яме здесь, в синайских песках, под расплавленным солнцем, было невозможно.

Стоя в ажурной тени пальмы, я лениво раздумывал над этим вопросом, когда мимо меня проскользнул возникший как бы из ничего, из жары и марева, молодой бедуин и, не замедлив легкого, почти летучего шага, прыгнул в воду. Он нырнул в чем был – в белой просторной рубахе до земли, из шейной прорези которой выглядывала голова, покрытая жесткими волосами, свернутыми в колечки. Лицо бедуина имело приятный оливковый оттенок. Возможно, предком этому паренюку приходился чернокожий, завезенный сюда из Африки арабами, промышлявшими работоторговлей три-четыре века тому назад. Такое случается в этих местах.

Бедуин плавал и плескался в яме, поглядывая на меня вполне дружелюбно. «Хамма-Муса!» – прокричал он, опуская палец в воду, а потом несколько раз зазывно встряхивая мокрой ладонью: иди, мол, купаться! Чего стоишь на берегу!

Что такое «Хамма-Муса» я знал и без него: пророк Моисей, проходя здесь в свое время, умылся в вечно горячей воде источника, наполнявшей яму. Меня так и подмывало последовать примеру Моисея, но оставлять без присмотра солдатскую форму, автомат «М-16» и военный джип, на котором я сюда приехал из расположения воинской части, было бы чистым безумием: беду-

ины, возникавшие из ничего, не признавали частной собственности, и воровство было для них расхожим делом.

Жара была разостлана над водяной ямой и слежавшимся пыльным песком, рассыпанным до самого горизонта. Ни плескавшийся бедуин, ни назойливый рой крупных черных мух, внезапно прилетевших, не могли расстроить великой тишины пустыни. Ее и война, только что здесь прокатившаяся, с танковым ревом, взрывами и стрельбой, не смогла ни разрушить, ни даже поколебать.

За две с половиной тысячи лет, со времен Моисея, здесь ничего не изменилось: жара, торжественная тишина высокого театрального зала, докучливые мухи, от которых, хочешь не хочешь, приходится отмахиваться и отбиваться.

Моисей и отбивался, и отмахивался: стаи мух с отвратительным жужжанием вились вокруг его головы, они и мертвеца вывели бы из себя. Моисей не знал, откуда они здесь взялись, ни с того, ни с сего. Ведь только что, когда он сюда пришел и сел на камень под пальмой, не было ни видно, ни слышно ни одной мухи – и вдруг они возникли и появились, как будто кто-то высыпал их из мешка прямо на голову пришельца. Синайские мухи – явление чудесное, нам не дано в нем разобраться.

Моисей и не пытался. Сидя у воды, он вспоминал песьих мух, как он наслал их на египтян и как люди фараона мучились от них, прямо с ума сходили. Сначала гнусных мушек наслал, но это не помогло, и тогда уже дело дошло до песьих мух.

А теперь он почему-то не может избавиться от этого жалкого клубящегося роя, который не дает ему спокойно посидеть у воды.

Он почувствовал, как кто-то потянул его за рукав и повернул голову. У камня стоял подросток Зихри. Моисей помнил его имя, но не знал, приходился ему мальчик двоюродным внуком или троюродным правнуком. И это

обстоятельство не играло в его жизни никакой роли и не имело для него ни малейшего значения, как не имеет и для нас, отделенных от той картины прозрачной кладкой времени.

- Дедушка, прогони мух! - попросил Зихри. - Ну, что тебе стоит!

Сказать мальчику, что справиться с такой плевоей задачей он не в силах, что он уже пробовал, но ничего не выходит – этого Моисей не мог себе позволить. Всемогуший выбрал его и направил, чтобы он вывел народ из рабства и привел в Землю обетованную, Господь дал ему силу и навык истреблять египетское семя и разверзть море – и вот, к смущению сердца, жалкие мухи на берегу водяной ямы неподвластны ему. Открыть это мальчику Зихри – и завтра весь стан жестоковыйного народа восстанет против Моисея, утратившего дар творить чудеса от имени Бога. Молча опустив голову на грудь, Моисей испытывал неловкость души.

А Зихри, удовлетворенно что-то выкрикнув, вроде «Йа!» или «Йо!», прыгнул с берега в воду, и только его длинная, до земли, белая рубашка мелькнула в воздухе, как оперенье птицы.

Моисей поднял тяжелую голову и обнаружил с облегчением, что нет никаких мух ни вокруг него, ни в стороне, как будто порывом сильного здорового ветра вымело их отсюда прочь. Хотя и не было, вроде, никакого ветра.

Глядя на Зихри, плескавшегося в коричневатой воде ямы, Моисей мучительно думал и размышлял над тем, почему – его? Почему Господь выбрал именно его из многих и поставил над народом? Да, он убил надсмотрщика палкой, как вонючего шакала, и он не жалеет об этом: египтянин безнаказанно издевался над евреем и бил его. Но разве, чтоб встать над людьми и повести их, обязательно нужно кого-то убить палкой? Обязательно и достаточно?

Однозначно ответить на этот нелегкий вопрос Моисей не умел, но и такая расплывчатая неопределенность, как видно, входила в замысел Творца. Благоговейно исходя из этого предположения, Моисей принимал сущее как проявление непостижимой Божьей власти и тем самым немного подслащал свою надсаду. В ажурной тени пальмы он вспоминал ту давнюю историю с над-

смотрщиком, и как, таясь, присыпал тело убитого камнями и песком. Сидя здесь, на берегу синайской ямы, Моисей тяжело думал над этим уходящим вглубь времен несложным действием – убийством человека человеком. А Господь с охваченной пламенем горы здесь, по соседству, призывал и повелевал: «Не убивай!»

На прошлой неделе, шепчутся люди, у подножья этой горы Моисей убил три тысячи человек. Правда, он буйствовал и кричал страшно и неразборчиво, разбил каменные плиты с наставлениями Всевышнего и обратил свой гнев против соплеменников – буйных, как он сам, и жестоковыйных. Какие три тысячи?! Хорошо, если тридцать человек, заводил и бунтовщиков, легли под мечами верных левитов, которых он послал для расправы. Верно: Моисей разрушил золотого тельца, бросил идола в огонь, размешал прах и пепел в воде и заставил пить эту бурду тех, кто святотатственно и предательски поклонился кумиру. Много чего еще случилось в тот длинный день... Но не от руки Моисея свалились те тридцать на камни, и дыхание жизни их покинуло. А теперь разве придет кому-нибудь в голову кивнуть на левитов? Куда проще вопить: «Моисей убил три тысячи человек, взял и убил из-за тельца, и вот плачут вдовы и сироты над изрубленными трупами!» Моисей, значит, убил! Как, каким образом Моисей «взял и убил»? Ну, как... Если он наслал мору на египетских первенцев и истребил множество, то и эти три тысячи смог преспокойно уложить... Вот ведь как.

Праздно сидеть у воды, в тиши полдня. Дремать с открытыми глазами, словно бы паря над землей, в теплой синеве неба. В таком отстраненном паренье вопросы к Богу не всегда остаются безответными. Его слова приходят то ли из высших сфер, то ли из недр земли. Приходят и достигают слуха того, кто вслушивается... В тот длинный день Моисей, сходя с горы к мятежному народу, вслушивался всею душой, и вот Бог повелевал ему послать левитов, чтоб они мечом истребили бунтовщиков и заводил – не сам же он это придумал и решил! Бог сокрушил каменные доски с заповедями – и уже после этого, как бы временно отменив письменные указания, включая и «Не убивай», внушил Моисею послать левитов на их кровавую работу.

Аарон, собственноручно изготовивший золотого рогатого идола, выглядел виноватей всех других – но Бог не настаивал на истреблении его с лица земли; во всяком случае, Моисей не расслышал ничего подобного. А если б Всевышний и указал на Аарона истребляющим перстом, Моисей вступился бы за брата. Собрался с силами и вступил бы в спор с Всевышним. Бог допускал спор с людьми; Он, с запасом терпения, выслушивал их претензии, зачастую довольно-таки дерзкие. Может быть, благодаря отменному упрямству сберегли евреи, всему вопреки, свою приверженность и преданность Невидимому. Бог был Главным Устроителем; на него можно было ворчать, но против него нельзя было роптать.

Потом, после разрушения идола и наказания заводил, когда народ под горой немного одумался и пришел в себя, Моисей снова поднялся на гору Синай. Указания Всевышнего, рукописно изложенные на каменных скрижалях и в приступе гнева и ярости разбитые Моисеем, должны быть восстановлены. Заповедь «Не убивай!» никто не отменял, и теперь она вернется в еврейский стан после короткого перерыва.

Мальчик Зихри продолжал плескаться в обмазанном глиной водоеме. Моисей глядел на него рассеянно, его мысли клубились на каменистом склоне горы, объ-

ятой пламенем и опоясанной тучей, недалеко отсюда. Опустив морщинистый лоб с мощными надбровными дугами на руку, в расставленные пальцы ладони, Моисей видел перед собой эту пылающую гору и себя на ней – точкой на дымной тропе. Подъем был крут, Моисей тяжело дышал, почти задышался. Его вели наверх и тянули к вершине накопленные мучительные вопросы, он проборматывал их или даже не высказывал, а лишь представлял себе. И в ответ слышал голос, и то был голос Бога.

Вопросы эти, по большей части горестные, требовали, по разумению Моисея, неукоснительного и немедленного запрета. Только запретом, необратимым «нет» можно удержать народ от разброда и гибели. Запрет на смертоубийство, на воровство. Запрет на создание идола и поклонение ему. Запрет на соращение жены ближнего или дальнего – это равноценно воровству чужого имущества. Запрет на пренебрежение старыми родителями, уже неспособными оберечь и накормить себя усилиями своих рук.

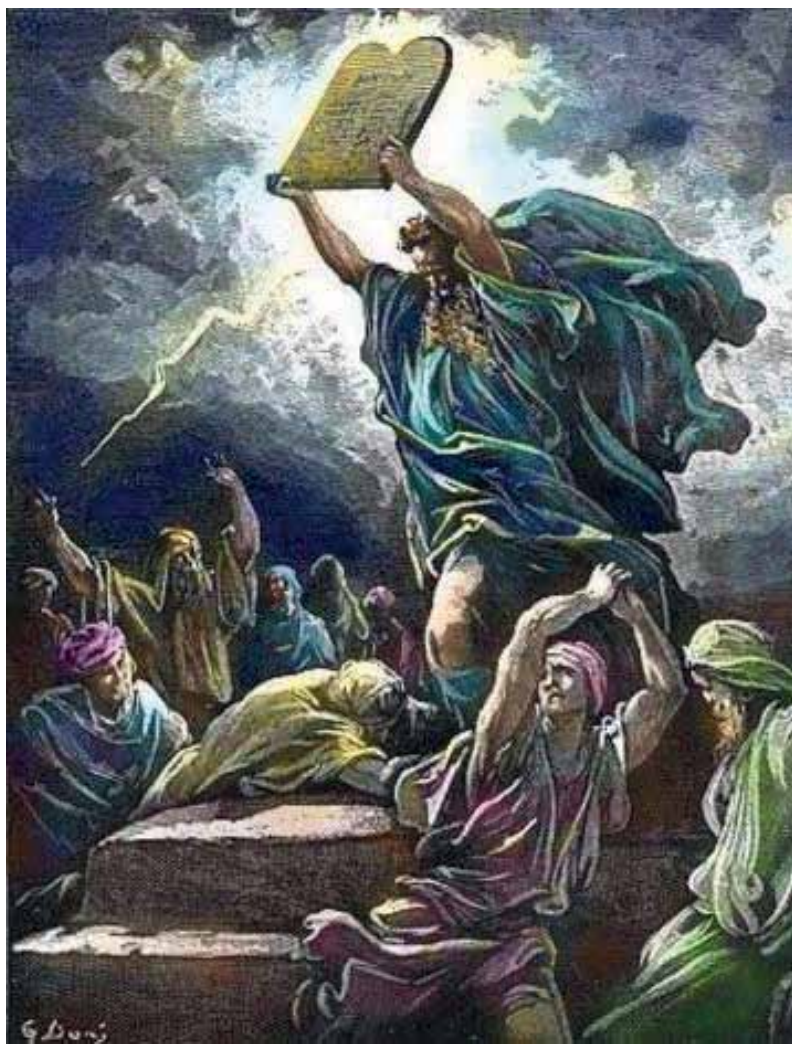
Тот ответный голос не был насыщен звуком и поделен на слова. То был, скорее, гул, а то и гула не было никакого, а только осмысленная сверкающая тишина, обволакивая Моисея на каменном склоне горы и беспрекословно подтвердившая верность его разумений: да, не убивать, не создавать кумиров. Не красть. Не желать и не соблазнять. Не бросать стариков на произвол судьбы.

Моисей не видел подтвердившего – ни лица его, ни спины, хотя и знал, кем был Тот, Кто Подтвердил, и не сомневался в своем знании – как и в том, что, увидев он Бога своими глазами, от него в тот же миг не осталось бы ни пепла, ни праха. Ничего.

Это не пугало Моисея: за особые отношения с Богом следовало платить, и высшей мерой платы служила сама жизнь; он в этом не сомневался. Был он уверен и в том, что Невидимый и Всемогущий своей волей выбрал его из многих и назначил своим уполномоченным, и вот он, Моисей, стал тем, кем является. И, так и не свыкшись с новым положением, Моисей старательно исполнял возложенное на него.

Спасти евреев от фараонова рабства, вернуть им свободу и привести в Землю обетованную; вот, собственно, и все. На этом задача Моисея исчерпывалась. «Рабами были мы в земле египетской...» - это воспоминание останется в памяти народа как тавро, как горький сон.

Останется... Откинув назад, так что они пластами легли на плечи, густые седые волосы, Моисей думал и размышлял над тем, что свобода может искалечить или убить, она убивает человека не хуже и не лучше, чем рабство его убивает. Это не вполне понятное ему самому открытие Моисей привычно адресовал Богу и, напругая слух, ждал разъяснительного ответа, но ответом служила непроницаемая глухая тишина, висевшая над водяной ямой. В обитаемом мире – на илестых землях Египта, в черной Нубии, горном Моаве и совсем уже таинственных краях на восток от реки Иордан все жители разделяются на два сорта: вольные и рабы. Рабов куда больше, чем вольных, но общий счет невольникам никто не ведет – даже египтяне, которые, несмотря на кажущееся легкомыслие и ветреность нрава, по праву служат примером пунктуальности и организованности для окружающих народов. Что уж тут говорить о черных нубийцах и горных дикарях! А ведь не надо забывать и о кочевниках пустыни – этих головорезах, которые и чужое, и свое привыкли считать сквозь пальцы. Откуда же

им знать, сколько у них рабов? Вчера двоих продал, третьего дня одного убил – и забыл, уже не помнит об этом ничего за текущими делами. Какой же тут может быть поголовный подсчет взамен расплывчатого «один, два, три, много»? Сами рабы тоже ничего не считают, им это ни к чему, хотя могли бы и озаботиться, и прикинуть хотя бы в общих чертах, для будущих поколений. Хотя и тут не все просто: разница между рабом и хозяином иногда носит условный, чисто формальный характер.

Ну да, ну да, раб трудится на хозяина, и это его подневольное предназначение. Но и хозяин, вместо того чтобы отдыхать и бить баклуши, трудится, не покладая рук и не смыкая глаз: глядит за рабами и скотиной, рачительно управляет хозяйством, наблюдает за порядком в доме – а без этого каждый из домочадцев делал бы то, что ему в голову взбредет и расшатывал бы заведенный порядок вещей. Рабы живут при доме, а иные приближенные невольники и в самом доме какого-нибудь чиновника или начальника средней руки, на правах как бы членов семьи. А то, что хозяин вправе прибить раба, и тот побаивается, иногда от всей души – так что ж? Есть управа и на хозяина, и он тоже боится, что чиновник повыше рангом его пришибет – за дело или ни за что, ни про что. Но и чиновник повыше рангом боится своего начальника, который еще повыше, и чем он выше, тем сильнее боится его те, кто пониже, просто дрожат перед ним. А самый высокий придворный чиновник как огня боится фараона, который по своему усмотрению может всякому подчиненному отрубить голову, или даже, как последнего раба, живьем скормить крокодилам. Но и

фараон боится – отравы, змеи, ядовитого паука.

И все боятся Бога – и раб в хижине, и хозяин в поместье, и чиновник в доме, и фараон во дворце. И Моисей, сидящий у воды.

Получалось так, что каждого человека преследует горе или страх перед горем, и только объятые высокой идеей и захваченные ею без остатка закрывают глаза перед горькими обстоятельствами жизни и пребывают в счастливом ослеплении. У раба есть все необходимое для существования, кроме свободы – но можно ли попробовать свободу на вкус, как мясо в похлебке? Раб получает пропитание от хозяина, а свободный земледелец протягивает ноги от бескормицы в голодный год. Зачем тогда свобода, если она таит в себе смерть? Свобода, которую нельзя положить в карман или в котел? Моисей поднял народ, пообещав освобождение от привычного рабства, посулил прекрасную свободу, о которой никто толком ничего не знал. Одержимые мечтой о неизвестной свободе, евреи готовы были сражаться за нее и рисковать ради нее жизнью. Где-то в отдаленье, за пустыней, их ждет собственная земля, на которой они проживут счастливо, расплодятся и размножатся, заведут скот и рабов. И эта земля, заповеданная им Невидимым и сочащаяся млеком и медом в своем далеке, была для них куда более представима и предметна, чем свобода тащиться по бесплодным пескам и камням Синая.

Моисей знал об этом. Он один и знал – из всего своего поколения. Его соплеменники видели в нем светящегося хранителя идеи, вожака и возглавителя, и готовы были подчиниться его воле – из страха перед ним и от преклонения перед идеей. Он, грозно предостерегший народ от создания кумиров, сам сделался непререкаемым кумиром, своего рода золотым рогачом, высеченным из одухотворенного камня символом освобождения и Исхода, которому не дано закончиться никогда, потому что рабство духа приходит к человеку с первым

вдохом, а уходит с последним выдохом. И Бог этому не препятствует.

Моисей знал и это. Всемогущий не появлялся над водоемом, не подтверждал знание Моисея, но и не опровергал его. А Моисей ждал подтверждения – знака или звука, ждал и надеялся, и не показывал вида, потому что надежда это слабость, а проявление слабости несовместимо с поведением вождя. Человеческие чувства не пристали символу, их подавление приносит боль душе – но и это входит в миссию Моисея: испытывать боль, но не выказывать ее.

За спиной Моисея послышались шаги. Он оглянулся, ожидая увидеть Аарона, для которого брат был доступен во всякое время дня и ночи, в то время как другие люди остерегались нарушать спокойствие вождя и приближаться без веской причины. Но то был не Аарон, а Ципора – жена, дочь Иофора из Мадиама.

- Я за мальчиком, - объяснила свой приход Ципора. - Заберу его, чтоб он тебе не мешал... Зихри! А ну, вылезай!

Зихри выбрался из воды и, двумя руками выкручивая мокрый подол длинной, до земли, белой рубахи, остался стоять на глиняном обводе ямы. Он хотел побыть здесь, а не тащиться обратно в стан по солнцепеку. Да и Моисею хотелось того же – мальчик своим беспокойным присутствием оживлял унылый вид этого пустынного угла обитаемого мира. Да и Ципора здесь, как ни странно, была к месту. Это немного удивило Моисея: год за годом жена как бы вовсе не существовала для него, а когда она изредка появлялась в поле зрения, ничего, кроме глухого раздражения и неловкости он не испытывал. И вот сейчас, здесь, у тихой воды, на него вдруг, неожиданно-негаданно повеяло надежной крепостью семьи – давно забытым чувством, пережитым им на холмах Мадиама, где он, по обыкновению и по правилам жизни, пас скот своего тестя священника Иофора, отца Ципоры. Тривиальное начало истории – дочери священника подогнали овец к колодцу, молодые люди им препятствовали и задирали, случившийся здесь Моисей вступился за девушек и прогнал задир, завязалось знакомство с благодарными пастушками, потом с их отцом Иофором. А потом сватовство и свадьба. Мужчина и женщина. Муж и жена. Брачный шатер. Семейный очаг, освещающий наклонные полости жилища, а за ними простерт недружелюбный бескрайний мир, до которого нет дела двоим у послушного костра. Медовые узы, подверженные распаду, как и все в нашем мире.

Но вот, рядом со старухой Ципорой и мальчиком, то ли внуком, то ли правнуком – потеплело на душе! Только что палило и пылало – а тут пришло благотворное тепло, целебное, и душный вихрь избранничества отступил. У воды сидел состарившийся пастух Моисей, а не грозный Посланец Божий. Ципора увидела это своими старыми глазами, и золотые блики того давнего костерка в темном шатре она разглядела.

- Хочешь, принесу тебе твою свирель? - спросила Ципора. - Я быстро...

- Откуда она у тебя? - повернув голову к жене, спросил Моисей. - Неужели сохранилась?

- Я ее берегу... - сказала Ципора.

Моисей улыбнулся, опустив голову и пряча лицо. Он не смог бы вспомнить, когда улыбался в последний раз, а люди – те и вовсе этого не знали. Сберегла пастушкой дудку, на которой он играл, когда гонял скот Иофора, своего тестя! Сидел в теньке, под деревом, как сейчас, и наигрывал на дудочке, что на сердце взбредет. Тростниковая свирель с дырочками на спине. Моисей

пробежал по ним пальцами, и дул тихонько, и пел несмело – сам себе не мог поверить, что слова вольно, как у всех людей, вытекают изо рта. Это было чудо! Такое же чудо, как его разглаженная речь при обращении к Богу: слова не спотыкаются, вольно текут, не оскорбляя слуха Всемогущего.

Как это у него получается? Когда он говорит к Богу, или поет, речь его гладка, как обточенный водою кругляк, а когда он, по мере надобности, разговаривает с людьми, дефект речи дает о себе знать, слова сбиваются с пути и вызывают у слушателей ухмылку, а то и обидный смех в рукав.

Может, поэтому, много лет назад, он так любил играть на свирели и петь в одиночестве, если не считать овец, прядавших ушами на холмах Мадиама. Никто не знал об этом его пристрастии к пению, один Бог знал.

- Бережешь... - вслед за Ципорой повторил Моисей. - Скажи кому-нибудь, пусть принесут свирель в мой шатер.

Да, пусть принесут – но не сама Ципора пускай несет, а кто-нибудь другой. Ципоре нечего делать в его шатре: вождь, выведший евреев из египетского рабства, не может быть скручен семейными узами. Его удел – наставлять народ, а не внуков с правнуками нянчить.

Придерживая влажный подол, Зихри нашел травянистое местечко недалеко от Моисея и сел. Солнце пекло, распяленная на коленях длинная рубаха быстро сохла. Мальчик откинулся назад, оперся вытянутыми за спиной прямыми руками о землю и застыл; он теперь был похож на крупную диковинную птицу, изготовившуюся к взлету.

Моисей, Ципора, Зихри. Полдень у воды.

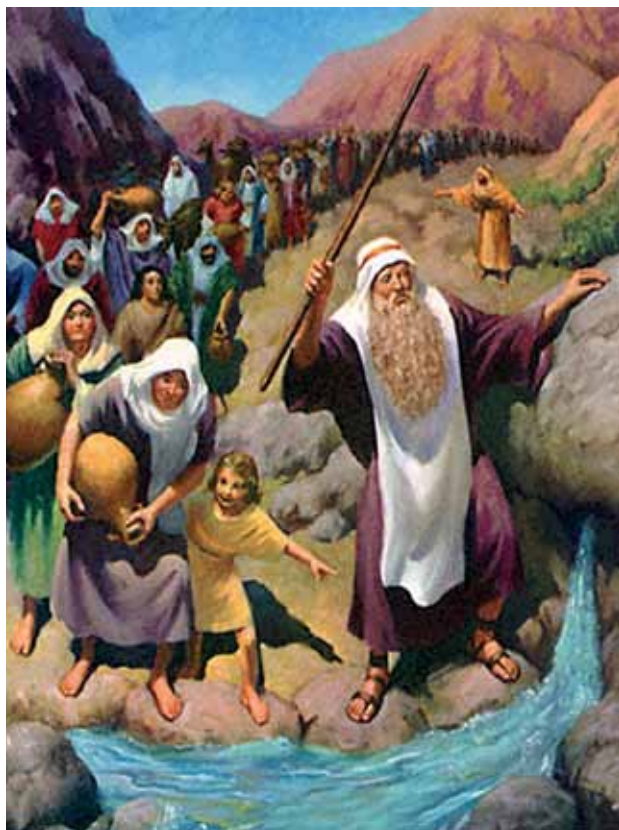
- А помнишь, - нарушая горячую тишину, сказала Ципора, - как Хагай пришел?

Моисей помнил Хагая хорошо, но не вспоминал о нем никогда. Этот Хагай был овечий человек, он пас овец неподалеку от шатров Иуфора, в соседней долине. Общее занятие время от времени сводило Моисея с Хагаем на меже их пастбищ или у водооя. Они не были близкими друзьями, а так – приятелями, и это неудивительно: немногословный Моисей предпочитал одиночество, а говорун Хагай, которого неодолимо тянуло к общению, рта не закрывал, как только предоставлялась возможность его открыть при встрече с пастухами или даже вовсе незнакомыми путниками, шагавшими пешком с посошком по своим делам. Может, мнимая таинственность Моисея, происходившая от его замкнутости и вынужденного молчания, влекла к себе рубаху-парня Хагая, как влечет мотылька или комара золотой лепесток огня над масляным светильником. Хагай шестым звериным чувством, в нем отменно развитым, чуял в своем соседе сдерживаемую силу, которая, вырвись она наружу, сполна себя проявит неведомо каким образом и кому на пользу.

На свадьбу Моисея с Ципорой, объявленную загодя, приглашений никому не передавали: все желанные, а других и не нашлось в окрестностях, могли прийти и праздновать вместе с молодыми. Явился и Хагай.

Хагай явился вскоре после полудня, с первыми гостями. Он отозвал Моисея в сторонку, приобнял его за плечи и, приблизив лицо к его лицу, сказал:

- Жениху почтенье и благословенье! Тебе скоро понадобится много дополнительных сил и твердости, Бог тебе в помощь, Моисей! И он поможет, вот увидишь. Я в этом не сомневаюсь ни капельки, потому что знаю тебя; Бог тебя любит. И вот, по такому случаю, я принес тебе в узелке того, кто распалит твою жениховскую страсть и

укрепит твои чресла. Вот, держи! Дарю от всего сердца, хотя, честно говоря, от сердца и отрываю. Нет-нет, не благодари!

И он передал Моисею завернутую в промасленную тряпицу небольшую, с кулак, фигурку рогатого тельца, вырезанную из дерева и покрытую облупившейся здесь и там позолотой.

- Я получил это от моего отца, - пояснил Хагай, с удовлетворением глядя, как Моисей, оцепенев, уставился на рогача в своей ладони, - а мой отец от своего отца. Но ты не беспокойся, у меня еще есть: козел, осел, кормящая женщина.

- Это же идол! - запинаясь, вымолвил Моисей. - А я единобожец.

- Ну и что ж! - ничуть не озаботился Хагай. - Одно другому не помеха. У нас тут много живет единобожцев, они утром молятся главному богу, а после обеда второстепенным, но тоже очень полезным. От этого никому хуже не бывает, а только лучше.

Бросив золоченого тельца на землю, себе под ноги, Моисей, сдерживая ярость, принялся с силою сжимать и разжимать кулаки. Что сделать ему с этим безмозглым болтуном, осмелившимся принести на его, Моисееву, свадьбу рогатого идола и в придачу призывавшим молиться рогачу, чтоб тот наделил жениха дополнительной мужеской силой! Убить Хагая? Это было бы проще всего, это было бы, наверно, угодно Единственному, но Моисей не хотел проливать кровь и портить праздник, еще толком не начавшийся. После того египтянина, пришибленного палкой, Моисей никого не убивал; этот, строго говоря, необходимый труд был ему отвратителен. И вот он стоял над рогатым идолом, сжимая и разжимая кулаки, и раздумывал, что теперь сделать и как выйти с честью из ужасного положения. А Хагай стоял против него, чуя своим шестым звериным чувством, что дело принимает нехороший оборот и пора, не мешкая, бежать отсюда без оглядки.

Ципора подошла неслышно и, выглядывая из-за его плеча, встала позади Моисея.

- Он это принес, - сказал Моисей и указал ногой на идола, лежавшего на земле, на боку.

- Он принес, пускай сам и уносит, - сказала Ципора.

То было разумное предложение, оно избавляло Моисея от тяжких хлопот. Пускай уносит, и подальше. Так он и сказал Хагаю.

- А потом возвращайся, - добавила Ципора. - Как раз мясо поспеет.

- Только руки почище вымой! - предостерег Моисей, повернулся и зашагал к шатрам. Ципора поспевала за ним.

А Хагай наклонился, подобрал тельца с земли и поспешил в противоположенном направлении. Опасность миновала, от души у него отлегло.

Он припрятал свой непринятый подарок среди камней, в неприметном месте, в узком горле долины, а когда вернулся, пиршество было в разгаре, и Хагай незаметно присоединился к гостям. Едоки обмакивали душистый хлеб в оливковое масло, нахваливали потроха – печень, почки и мозг, предшествовавшие нежному телячьему мясу, и пили вино, сладкое, как смоква, и хмельное, как сон. И это было только начало. Ждали своей кухонной участи овечки и козы из стад Иофора, и вино отдыхало в бурдюках, прежде чем наполнить собою объемистые высокие кувшины, и хлеб, хлеб, этот несравнимый ни с чем на свете небесный дар вызервал и розовел на раскаленных стенках круглых каменных печей – празднество было рассчитано на три дня и три ночи, и только жених с невестой обладали правом время от времени покидать пиршество и удаляться для кратковременного отдыха в брачный шатер. Благо расположенные гости – те из них, которые проявили незаурядную крепость, выдержали нагрузки и перегрузки и, не напившись допьяна, сохранили трезвость взгляда – насчитали двенадцать таких походов Моисея с Ципорой в новобрачный шатер.

И никто не ругал Хагая за его деревянного тельца, не пришедшегося здесь ко двору, и самого себя ему не за что было корить: не по злему умыслу он принес его сюда, а по наивности сердца.

Только три Божьих души знали об этом случае: Моисей, Ципора и сам Хагай. Но Хагай был уже не в счет: на другое лето после свадьбы, когда он с треском пробирался сквозь сухие тростниковые заросли у Горького моря, пастухи Моава приняли его за дикого вепря, направили собак, и те кинулись на него и порвали.

- Помнишь? - с робкой настойчивостью повторила Ципора.

- Помню, - откликнулся Моисей.

- Мне уйти? - спросила Ципора.

- Побудь еще, - сказал Моисей. - И мальчик пусть посидит.

В свой шатер Моисей вернулся к вечеру.

Шатер, стоявший немного в стороне от стана, был похож на гору: подошва, торс, вершина. Закатное солнце, падая на склон шатра, окрашивало суровую ткань в цвет червонного золота.

Свирель лежала на ложе Моисея – узком топчане на квадратных ножках, застланном шерстяным плотным покрывалом. Войдя, Моисей с порога различил тонкую белую дудочку на коричневой шерсти покрывала. Мигал огонек масляного светильника, вечерний ветер пел и гудел над шатром.

Хорошо, что Ципора появилась там, у воды. Хорошо, что ушла вовремя и послала кого-то принести сви-

рель в шатер. Моисей взял дудочку в руки, приблизил ее к губам. Она почти ничего не весила, как будто была вырезана из звуков, а не из дерева. Да и время, протянувшееся от пастушьей долины, где Моисей играл когда-то на этой свирели и вольно пел в совершенном одиночестве, вплоть до нынешнего дня, нельзя было взвесить, потому что оно не весило ничего. Время, состоящее из ушедших в туман прошлого дней, нагруженных по самый край, как груженные доверху сыпучим зерном нильские барки, тяжким трудом, и ночей, полных зыбучими снами. Да и дальше той долины уходило прошедшее время – к Нилу, к его тростникам, в которых покачивалась просмоленная плетеная корзинка с трехмесячным младенцем-подкидышем. Вяло пошлепывали по берегу смуглые ладошки волн, младенец Моисей глядел из своей корзинки на мир, уместившийся в бездонном небе над рекой. Там, высоко, на распяленных пальцах Творца сверкали нити наших судеб, которые никто из нас – ни младенец, ни старец – не умеет разгадать.

Пробежав пальцами правой руки по трем круглым оконцам в белом теле свирели, вдоль ее прохладной спины, Моисей заиграл. Он не забыл, как обращаться с ней, чтобы ее голос звучал по-старому – чисто и уверенно, как правда. Он играл и, недалеко отводя дудочку от лица, пел, и слова без помех лились из его рта. Моисей пел о том, что ноша, возложенная на него Богом, непомерно тяжела, он жаловался Всевышнему на него самого, жаловался и ворчал – но не роптал. Каменная ответственность, невыполнение которой означало верную смерть, стала его жизнью. Освободил его Создатель от этой ответственности, он испытал бы гибельное опустошение души и умер бы в тот же миг. Ему, скрытно говоря, нравилось быть ответственным, и непомерная тяжесть, происходившая от этой ответственности, тоже нравилась. Таким образом, он искренне жаловался и ворчал – но и того, что может утратить свое ответственное назначение, страшился тоже совершенно искренне. Этот страх его не отпускал, и сама мысль, что он может стать прежним Моисеем, пасущим овец теста, ему и в голову не приходила. Не приходила, но без спроса витала вблизи от его сердца – соблазнительная и желанная. Такая двойственность – желание и вместе с тем его отвержение – была непонятна, и Моисей не хотел в ней разбираться: ее темный исток, по его разумению, уходил в область Божьего промысла, недоступного смертному человеку.

Деревянная дудка, этот наделенный голосом обструганный обрубок прошлого, побудил Моисея оглянуться назад, и то, что он увидел там, тронуло его душу теплом. Но и будущее, начинавшееся сейчас, в темном шатре, наполненном звучаньем свирели, внятно обозначилось перед Моисеем. Дорога дней уходила вперед и вела его к горе над рекой, скользившей в зеленых берегах. Вершину горы венчала ровная площадка, с нее можно было разглядеть всю землю заречья вплоть до самого моря. И нагорная эта площадка была видна отовсюду в мире.

- Я выполню возложенное, - пел Моисей, - приведу народ мой к Иордану, и здесь определен для меня конец пути: взойду на гору Нево, и, сытый днями, продолжу свое восхождение к Богу.

Давид МАРКИШ
июнь 2013

Дорогой Николай Николаевич, дорогие грузинские друзья! Чем больше времени проходит после фестиваля, тем слаще воспоминания. Поистине, «большое видится на расстоянии...» Да, было большое – стопроцентное – счастье! Была радость встречи с вами, с поэтами Грузии и других стран, с моими земляками – белорусами, живущими в Тбилиси. Была дивная красота, которую хотелось вобрать в душу – и не рассеять... Было потрясающее внимание людей к творчеству, к поэзии, настоящее родство душ... Представляю, сколько вдохновенного труда вложено, чтобы состоялся этот уникальный фестиваль. Бесконечно вам благодарна! Это вы поймете по стихам... Признаюсь, долго ждала, когда они напишутся (их ведь не выдумаешь, не высидишь, не вымучаешь, они должны просто прийти). Возможно, они испытывали мое терпение – и вот, наконец, появились. Можете поместить их в «Эхо фестиваля» или в журнал, как вам будет угодно. Потом я пришлю еще и фотографии.

С огромным уважением, **Валентина Поликанина**

«А ЗДЕСЬ У ДУШИ РАСПРАВЛЯЮТСЯ КРЫЛЬЯ...»

ИЗ ЦИКЛА «ГРУЗИНСКИЙ ДНЕВНИК», 2013

Словно сквозь годы прошел
Свет – вечной жизни основа...
Господи, как хорошо!
Вот оно, точное слово.

Солнечных дней череда.
В церкви – святое причастье.
Мирно пасутся стада...
Вот оно, тихое счастье.

Как здесь мудры старики
И поэтичны просторы!
Воду из чистой реки
Пьют разомлевшие горы.

И никуда не спеша,
В милях от милого Минска,
Снова стремится душа
Петь и мечтать по-грузински.

Природа звучала оркестром парадным.
Мелькали и множились гор этажи.
И речка тянулась, как нить Ариадны,
Крутилась, терялась, петляла, как жизнь.
Вся злоба в тот вечер была погребенной.
Смеялась-кутила людская родня.
И в души смотрел попрошайка-ребенок
Глазами грядущего Судного дня.

МАЯКОВСКИЙ

Его строка бездомно опустела,
Успев сказать сиротское «прости».
И если б пуля мимо пролетела,
Он все равно нашел бы, как уйти...
Потерянный, как остров, всем неверный,
Он – не последний грех на временах.
И в двадцать первом мы «немножко нервно»
Опять читаем «Облако в штанах».

Покровом зеленым все горы укрылись.
Храм сверху похож на большую свечу.
А здесь у души расправляются крылья...
И кажется, вновь беззаботно лечу,
Забыв, как косынку внизу, осторожность,
Почувств прозора манящий размах,
Над миром устойчивым и не тревожным,
Надежным и светлым, как в радостных снах.
Смелее, подруга! Подумаешь, годы...
Мираж разноцветный так нами любим!
Очнемся: мы – птицы на грани свободы...
Все реже летаем, все чаще скорбим.

Рука в руке, глаза в глаза.
Слеза разлук – не вздор, не шалость...
Ах, виноградная лоза,
В какие строки ты вплеталась!

Кто перечислит имена
Всех, обращенных в «генацвале»?
Гостеприимная страна,
Какие люди здесь бывали!

Лей, Грузия, свет-благодать.
Помилуй, Бог, тебя за это.
Не перестала ты страдать –
И быть пристанищем поэтов.

ФЕСТИВАЛЬНОЕ

И было желанье по-детски простое:
Мне всех вас хотелось обнять добротой –
Друзей, что сошли с поэтической выси,
«Сябров»-белорусов, живущих в Тбилиси...
И души царили, и правило слово,
И дружбой приятельство виделось снова.
И кто-то подвел прозаично итоги,
Что выросли сильные крылья у многих.

▲ В мастерской семьи Вепхвадзе

ГРУЗИЯ ВХОДИТ В КРОВЬ СРАЗУ И НАВСЕГДА

После долгого перерыва Тбилиси посетила делегация деятелей культуры из России. За несколько дней гости побывали во Мцхета и Сигнахи, посмотрели «Рамону» в Театре марионеток Резо Габриадзе, приняли участие в заседании круглого стола в Институте грузинской литературы им. Шота Руставели. Одно из главных мероприятий прошло в Тбилисском театре Грибоедова. Гости говорили о литературных связях двух стран, показали документальные фильмы «Белые ночи: из жизни петербургских мостов», «Голоса Санкт-Петербурга» и «Блокада: эффект присутствия», представили билингву «Витязя в тигровой шкуре» на грузинском и русском языках с комментариями Н.Сулава и иллюстрациями Л.Абашидзе-Шенгелия, а также новое издание «Блокадной книги» Даниила Гранина и Алеся Адамовича.

*В столь плотном графике время для интервью выкроила директор Дома-музея Бориса Пастернака в Переделкино **Ирина Ерисанова**.*

- Ирина Александровна, поделитесь первыми впечатлениями от Грузии?

- Впечатления колоссальные. У нас даже нет ни минутки свободной. По правде, впечатления нужно бы систематизировать и написать книжку. Я думаю, для любого интеллигентного человека Грузия начинается очень рано. Хотя бы с «Мцыри». Потом идут замечательные грузинские фильмы, например, мой любимейший «Жил певчий дрозд». Грузия входит в кровь сразу и навсегда. И потом, с годами, ты просто ее открываешь. Я помню стихи Галактиона Табидзе в переводе Беллы Ахмадулиной. Это все свое, чудесное.

- Вы на Грузию и как режиссер смотрите?

- Я режиссером была в меньшей степени. Это не

моя основная профессия. Я многим занималась в жизни. В советское время было страшно неприлично заниматься разными делами, менять профессии, переходить с места на место. Таких людей называли летунами. Так вот, я летун в том смысле, что осваивала какую-то территорию, а потом уходила в другую профессию, где узнавала что-то новое.

- Совместно со студией АРДИС вы уже много лет занимаетесь озвучиванием книг. Можете назвать самые-самые?

- Я озвучила около тысячи книг. Даже не считала сколько. Мне самой интересно. Поначалу я стала читать книги для слепых. Как ни странно, чем труднее книга, тем легче она читается. Трудность книги не в

том, что она может быть написана сложным языком. Главное, чтобы она была наполнена, чтобы в ней была пружина, которая держит весь текст. И наоборот, чем проще книга, примитивнее, тем труднее ее читать. Мне попадались такие книжки, их немного, но мне приходилось непросто. Должна сказать, я не знаю, почему так происходит. Из самых любимых могу назвать Ницше «Веселая наука», «Замок» Кафки, «Игру в бисер» Гессе – все читалось на одном дыхании. Чтение необыкновенно вкусное. Из последнего я читала Жозе Сарамаго. Очень понравилось. Его трудно читать, у него почти нет знаков препинания. Но внутренняя логика удивительная, ты за ней следуешь. И оказывается, что точки и запятые совсем необязательны.

- Вы обучались этому?

- У меня был недолгий опыт актерского существования. Хотя, я считаю, что актеры книги читать не должны.

- Почему?

- Потому что у актеров неизбежно начинается самолюбование. А книгам это не полезно. Книгам полезно, когда в них погружаются. Книгам нужно довериться, читать так, будто вы читаете своему маленькому ребенку. Не нужно зауми и украшательства. Хорошая книжка не требует никаких раскрасок. Даже иллюстрации не всегда нужны.

- Пастернак и Грузия – тема живая и интересная. Что грузинского есть у вас в музее?

- У нас есть керамика. Когда к Пастернаку приезжали гости из Грузии, то привозили в подарок керамические кувшинчики, вазы. Есть фотография, сделанная в день, когда Пастернак узнал, что ему присудили Нобелевскую премию. А в этот день Нина Табидзе, вдова Тициана, приехала к Зинаиде Николаевне, жене Пастернака, на день ангела. И попала на этот пир – на столе грузинское вино, виноград, яблоки.

- Ваш Пастернак – он какой?

- А он для меня все время открывается. Ведь стихи это очень личное. Ты начинаешь их любить, либо не начинаешь. Это вовсе не значит, плохи они или хороши. Просто они или твои, или не твои. Иногда – просто время еще не пришло. Как у меня с Пастернаком было. Первым моим потрясением в поэзии стал Осип Мандельштам. Он ведь не лежал на полке, его достать было практически невозможно. Иногда преодоление трудностей разогревает аппетит. А Пастернак был в доме маленькой книжкой, я его читала, но он меня не пронзил. Это потом, со временем, стала находить в нем что-то свое. Он мне стал необыкновенно близок по-человечески. О нем приятно рассказывать, он сам по себе чистая и честная человеческая конструкция. Время было страшное, и невероятных усилий стоило не потерять лица. Пастернак был таким. Он говорил: если я люблю своего друга сегодня, то почему я по чьему-то приказу должен его разлюбить? Почему, если его арестовали, я должен изменить свое отношение к нему, к его семье? И он всей жизнью доказывал свою преданность друзьям, близким. Власть ему этого не простила. Представляете себе, «Доктор Живаго» в России вышел в 1988 году, через тридцать лет после того как он впервые был опубликован в Италии на русском языке.

- Сколько человек работает в музее?

- Маловато, надеемся, что штат расширят. У нас жизнь забурлила. Мы хотим встречаться, общаться. Хотим, чтобы вы к нам приезжали. В скором времени планируем презентацию книги о творчестве Пастернака. И очень хотим, чтобы в доме звучали стихи и му-

зыка. У нас ведь стоит нейгаузовский рояль. Надеюсь, к нам придет много гостей. До нас теперь легко добраться на электричке. Когда Борис Леонидович въезжал на дачу в Переделкино, они еще не ходили.

- Какова культурная политика государства по отношению к музеям?

- Мне сказать довольно сложно. Во-первых, все музеи разные. Мы – государственный музей с 1990 года, при том, что мы отдел Государственного Литературного музея. Моя должность полностью – «заведующая отделом «Дом-музей Бориса Пастернака». Проблем много – в первую очередь финансирование, устарев-

▲ Ирина Ерисанова

шие фонды. Что касается нашего музея, то он очень живой. Это редкий случай, чтобы обстановка сохранилась целиком.

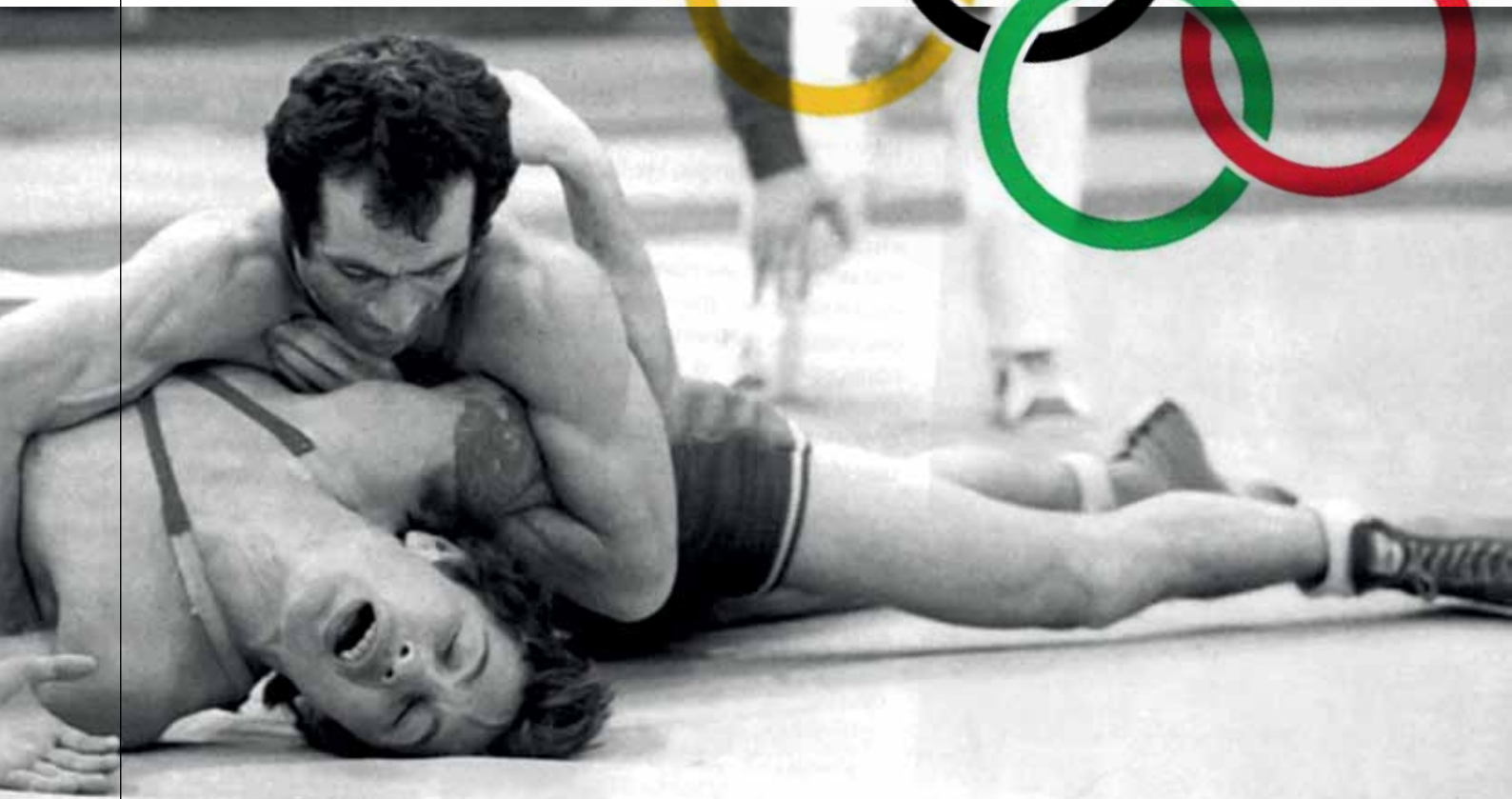
- Ирина Александровна, как вы все успеваете?

- Я ничего не успеваю. Я в ужасе от того, как много интересного вокруг, и как мало у меня времени. Я совершенно не мотор, хотя, может, на первый взгляд так кажется. Просто, мне никогда в жизни не приходилось заниматься тем, что мне не нравилось. Я не помню, чтобы приходила на работу с мыслью, какая я несчастная и как мне все надоело. У меня такой работы просто не было.

- Напишите что-нибудь о Грузии?

- Не буду ничего обещать. Могу сказать только, что Грузия – это провокатор чувств. И эмоций за последние дни у меня накопилось столько, что хватит надолго. И это самое прекрасное. А вот что я знаю точно: через два года мы с вами вместе отпразднуем два замечательных юбилея – 125 лет со дня рождения Бориса Пастернака и 120 – Тициана Табидзе. И сделаем это именно вместе. В память о той чудесной и верной дружбе.

Нино ЦИТЛАНДЗЕ

РОДИЛСЯ И ПОБЕДИЛ

Какой подарок всего желаннее в день рождения? 26-летний динамовец из Тбилиси Вахтанг Благидзе выбрал золотую олимпийскую медаль и сам себе подарил. И не было счастливее его среди борцов греко-римского стиля 23 июля 1980 года.

А соперник у него не подарок – чемпион мира 1979 года в легчайшем весе Рац, по имени Лайош, что на его родном венгерском языке означает лев. Этот парень неробкого десятка приехал в Москву отменно подготовленным, и за час до финального поединка пребывал в отличном настроении в тренировочном зале. Узнал, что у Благидзе побаливает колено, а значит, не с руки эмоциональному, взрывному по характеру грузину темповая борьба, в которой он преуспел.

Сам Благидзе был иного мнения.

Но проследим за развитием событий. Его соперник лежал на тренировочном ковре, отдыхал. Вахтанг разбегается и над головой венгра пробегает по вертикальной стене 12 шагов. На три – три с половиной метра поднялся. Особым достижением это не считал, но к психологическому давлению на соперников нередко прибегал. Как сработала заготовленная «бомба» рассказали потом ребята. Лайош встал, посмотрел на точку, до которой добежал Вахтанг, отмерил шагами это расстояние на ковре, сел и глубоко задумался.

В схватке, решавшей судьбу золота Олимпиады, почти не боролся – испугался. И понять его можно. Как бороться, когда соперник по стенам, как по земле, бегаёт?

Финальный поединок Вахтанг выиграл с астрономическим счетом 19:1. Джемал Мегрелишвили, тренер и старший друг, на руках унес его с ковра. В зале нахо-

дились супруга, оба брата и земляки олимпийщика из грузинского села Баилети и шумно приветствовали эту ожидаемую победу.

В олимпийской деревне Вахтанга поселили в одной комнате с капитаном сборной Николаем Балбошиным. Олимпийский чемпион в полутяжелом весе и знаменосец советской спортивной делегации в Монреале, пятикратный чемпион мира, ему сказал: «Ты станешь чемпионом!» После травмы Балбошин выбыл из московского турнира, а в товарища верил до конца.

Победа Вахтанга Благидзе была из ряда выдающихся – в его категории, несмотря на бойкот Московской олимпиады Западом, выступали сильнейшие атлеты планеты – румын Нику Джинга, венгр Лайош Рац, очень сильные борцы Младен Младенов из Болгарии, грек Карла Холидис...

Но всех превзошел Благидзе, обладатель изумительной техники.

Любопытный факт: три схватки с финном Таисто Халоненом, греком Холидисом, Антонином Елинеком из Чехословакии он завершил чистыми победами, затратив в сумме 11 минут 21 секунду. И только у Младенова, избравшего с самого начала оборонительную тактику, выиграл по баллам.

О разгроме, учиненном Благидзе Рацу. В окончательных цифрах, которые зажглись на световом табло, заключался некий парадокс. Единственный балл, «заработанный» венгром, ему дали рефери за «пассивность» соперника, который в поте лица набрал 19 полноценных баллов. Судите сами, кто из финалистов уклонялся от борьбы.

После победы Благидзе над венгерским львом раз-

▲ Вахтанг Благидзе

разился грандиозный скандал. Телекамера крупным планом показала, и весь мир увидел, что советский боец, победив, прилюдно перекрестился.

Что тут началось! Руководителей сборной вызвали «на ковер» - чемпиону Олимпиады грозила пожизненная дисквалификация. Тренеры оправдывались как могли: дескать, сельский парень, еще очень молодой, но очень перспективный для сборной, обещали подтянуть его идейно-политический уровень до требуемого. Отстоять Вахтанга от наказания так и не смогли – всех олимпийских чемпионов по борьбе наградили орденами, и только Благидзе – медалью «За трудовую доблесть».

Орденами его наградили потом, дома – Вахтанга Горгасала 2-й степени и Чести.

Борьбой Вахтанг всерьез заинтересовался в 1969 году, в 15 лет, после того, как учитель физкультуры его, шестиклассника, вместе с другими школьниками привез в город Махарадзе, на чемпионат Грузии по греко-римской борьбе. Тогда одним из победителей стал их земляк Джемал Мегрелишвили, второй тренер будущего чемпиона.

Втайне от домашних Вахтанг записался в группу другого выдающегося грузинского тренера – Михаила Таваркиладзе.

Приезжал в город три раза в неделю, а когда денег на автобус не было, топал пешком 12 километров.

После тренировок возвращался домой впотьмах, было страшно.

Потом появился у него попутчик и друг – Дмитрий Купрадзе из их группы. Дима старше на четыре года, выступал в первом полусреднем весе и трогательно заботился о младшем: провожал до села Баилети, а потом возвращался в город, подарил борцовское трико, в которое могли влезть два Вахтанга, пришлось матери ушивать форму и подгонять по фигуре сына, но первой экипировкой он остался доволен.

Дима первый разглядел в нем задатки чемпиона, а когда его подопечный потерял интерес к тренировкам, приехал в Баилети, поговорил с семьей – матерью Вахтанга, Верой Кигурадзе, и старшим братом Зауром, убедил Вахтанга продолжить занятия, учил всему, что умел и подглядел на соревнованиях.

Словом, как потом признавался Благидзе, Диме Купрадзе во многом он обязан, что стал настоящим борцом.

И все же, не умаляя великих заслуг его тренеров, скажем, что Вахтанг, не наделенный от природы богатырскими качествами, выступал кузнецом собственного счастья, строил свое тело будущего «маленького танка», каким его признали на мировом ковче.

Послушаем олимпийского чемпиона в Сеуле (1988) и президента Федерации спортивной борьбы России Михаила Мамиашвили: «Однажды я подошел к нему и спросил: «Ваха, правда, что ты 800 раз в день отжимаешься от пола и по 50 раз лазаешь по канату?» Он ответил: «Миша, посмотри на мои руки...» Взглянув на его ладони, сухие, потрескавшиеся от тяжелой работы, я подумал: так, наверное, выглядит пустыня Каракумы».

В 17 лет Благидзе стал чемпионом Грузии среди взрослых. Переехал в Тбилиси, поступил в школу тренеров, стал заниматься у Джемала Мегрелишвили, чемпиона СССР 1972 года.

Тренеры сборной впервые обратили на него внимание на чемпионате СССР в феврале 1976 года в Ульяновске, когда он, бронзовый призер, разгромил (16:2) 4-кратного чемпиона мира минчанина Владимира Зубкова. В следующем году, на престижном Мемориале Николы Петрова в Болгарии в упорном единоборстве (8:7) победил Нику Джингу – своего главного соперника, чемпиона мира. Универсиаду в Софии же выиграл с чистыми победами над Рацем, Джингой (через год румын – двукратный чемпион мира), южнокорейцем Баг Дае Ду, турком Карадагом.

1978 стал победным для Вахтанга Благидзе, когда он сокрушил всех соперников на Мемориале Петрова и чемпионате Европы в Осло, одолел в финале Лайоша Раца.

Вот тогда Джемал Мегрелишвили сказал: «Хорошо поработали и пришла удача. Будем готовиться к чемпионату мира».

Итак, Мехико. Здесь, на «мире», снова сошлись их с Джингой пути-дороги, в невыгодной для Вахтанга ситуации – в стартовой схватке он уступил один балл Николе Борисову и проиграл, а румын победил этого очень сильного болгарского атлета.

Схватка старых соперников проходила с переменным успехом. Открыв счет, Джинга навязывает позиционную борьбу, он много двигается, осуществляет захваты, но все это для отвода глаз судей, – фактически прекращает бороться, всеми силами стремясь удержать преимущество. Вахтанга больше устраивает открытая борьба, в которой оба обмениваются бросками. За 8 секунд до гонга счет ничейный – 7:7. Румын не скрывает

▲ В перерыве. Слева – Джемал Мегрелишвили

▼ Так чествовали победителей олимпийских

радости, предвкушая победу, третью на чемпионатах мира – он первым провел двухбальный прием.

Ваханг слышит голос Романа Рура: «Мужчина ты или нет? Вперед! Шесть секунд осталось!» Благодзе проводит бросок – румын в партере, а потом, для верности, еще и накат. После гонга судьи совещаются, как оценить прием – в один или три балла. Роман Рура, обрадованный, кричит: «Что-то обязательно дадут. Чемпион мира ты, парень, чемпион!»

Ваханг Благодзе – заслуженный мастер спорта СССР! По итогам 1978 года – второй спортсмен Грузии. Первое место в десятке спортивные журналисты присуждают 17-летней чемпионке мира по шахматам Майе Чибурданидзе.

Цель достигнута – он сильнейший в мире.

Судьба готовит Благодзе новые испытания. На сборе в Минске на тренировке он неудачно упал и ударил голову. На реабилитацию ушло полгода. На место лидера сборной в его весе претендует Камиль Фаткулин из Ташкента. Его делегируют на чемпионаты Европы (май, Турция) и мира (август, США), где он особых лавров не снискал, став соответственно третьим и вторым, уступив первенство Рацу и Джинге. Тренеры сборной СССР, приученные Благодзе к победам, терпеливо ждут его выздоровления. И он, еще не полностью восстановив былую спортивную форму, выходит на старт 7-й Спартакиады народов СССР-79, занимает третье место после Фаткулина и Павла Чижая. Вопрос лидера в сборной остается открытым, но после контрольной встречи Благодзе – Фаткулин все становится на место.

Ваханг еще раз заставил поволноваться своих почитателей – на чемпионате СССР 1980 года в Москве он только третий, а победил Павел Чижая, второй – динамовец из Еревана Бенур Пашаян. Тем самым, Па-

шаян сделал заявку на место в олимпийской команде.

Наставники не спешат с выводами. Благодзе занят на престижном турнире в Германии, где в очередной раз демонстрирует превосходство над главными претендентами на победу Джингой и Рацем. Турнир выигран, а последовавшая контрольная встреча Благодзе – Пашаян снова в пользу грузинского атлета. В такой же последовательности они оказались на финише февральского чемпионата СССР-81 в Ростове-на-Дону. Благодзе – чемпион, Пашаян – второй. В августе Благодзе среди участников чемпионата мира в Осло, где в очередной раз катком прошелся по своим конкурентам.

Вахтанг Благодзе – дважды чемпион мира. Затратил 8 минут на весь чемпионат, набрал 37 баллов, не отдав ни одного! Чистые победы над японцем Мияхара, венгром Рацем, финном Халоненом, болгаринном Цецковым...

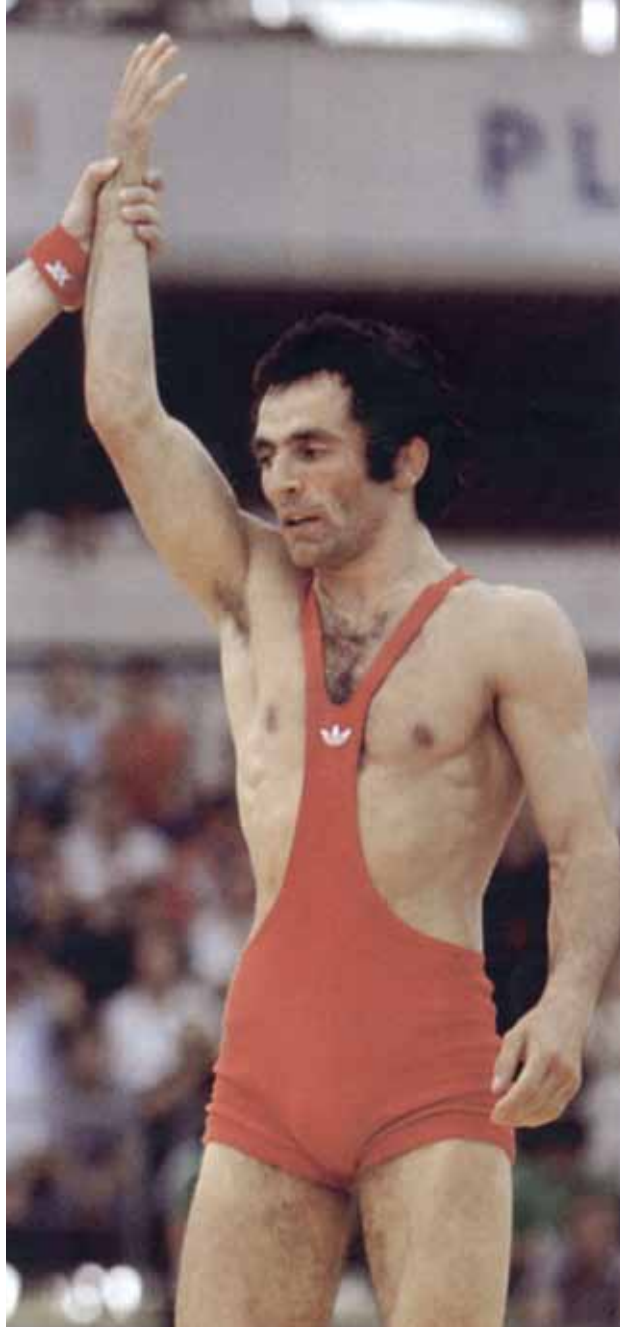
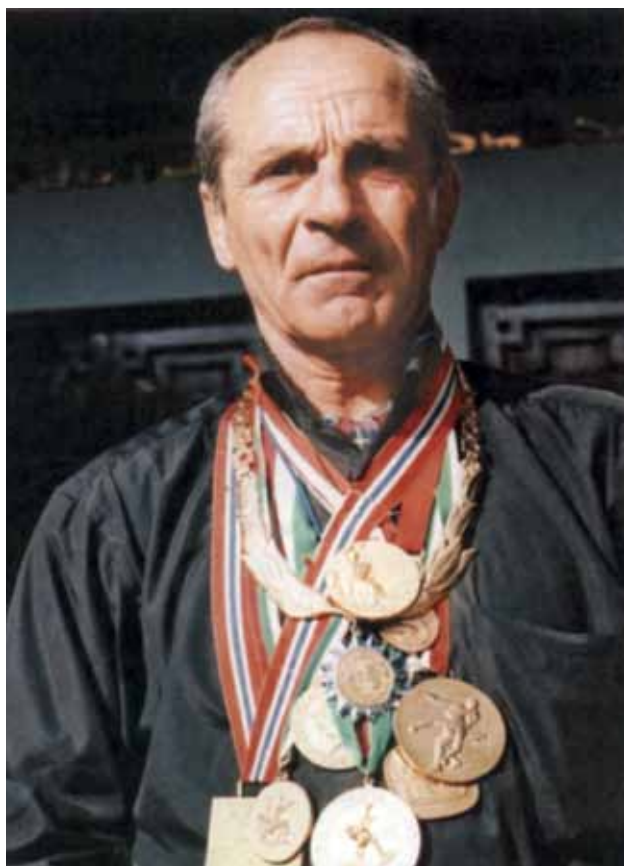
Завоеваны высшие титулы за исключением одного – Кубка мира. За ним в 1983 году он отправляется в Венгрию, на родину Лайоша Раца, своего вечного оппонента на ковре, которому остается уповать на родные стены. Но по ходу их решающей схватки счет 11:0 в пользу Благодзе, которому, по новым правилам, до чистой победы нужен один балл. Истекают последние минуты...

Вахтанг падает за пределами ковра, у него вывихнуто плечо, правая рука беспомощно повисает. Врач вправляет плечо. 3 минуты до гонга. Вахтангу во что бы то ни стало надо продержаться в интересах команды, и он, фактически однорукий, борется до конца, более того, успеваает добыть последний, победный балл.

Несмотря на тяжелую травму плеча, он находит в себе силы и выходит на ковер 8-й Спартакиады народов СССР, чтобы принести зачетные очки команде Грузии. В схватке с Пашаяном, которого в то время мог победить он один, ведет со счетом 6:2, но по настоянию врачей вынужден сняться с турнира.

Это последние выступления выдающегося грузинского борца. Ему 30 лет, покорены все спортивные вершины, а в перспективе операция, новое отчуждение от соревнований как минимум на год.

▼ Награды за спортивные достижения

▲ Вахтанг Благодзе – олимпийский чемпион

Потом был бойкот Москвой Олимпиады в Лос-Анджелесе, где чемпионом стал японец Мияхара, кого Вахтанг легко победил на чемпионате мира в Мехико, а на международном турнире в Германии положил на 15-й секунде. Сам Вахтанг считает, что мог вторично выиграть Олимпиаду, но, как говорится, не судьба.

Вахтанг Германович принимает решение уйти из большого спорта. Выпускник юрфака Тбилисского государственного университета работает по специальности – старшим следователем по особо важным делам Прокуратуры республики, в юридической комиссии Парламента Грузии, помощником прокурора Аджарии, на таможне, директором Глданской специализированной школы борьбы.

На мировом ковре его победную эстафету подхватывает давний соперник и товарищ по сборной Бенур Пашаян – чемпион СССР 1982 года, в сентябре того же года в польском городе Катовицы побеждает на чемпионате мира, оставив позади Цекова, Раца, Баг Дае Ду, Мияхару и других виртуозов ковра, кого до этого многократно обижал Вахтанг Благодзе. В 1983 году Бенур Пашаян во второй раз стал чемпионом мира.

Арсен ЕРЕМЯН

▲ Сололаки, 1960-е годы

«Завлекают в Сололаки стертые пороги...»

Литературные страницы старого района

Признаюсь, дорогие читатели, приглашая вас на литературные страницы Сололаки, я рассчитывал, что страниц этих будет несколько. Ну, максимум, десять. Исходя из того, сколько мест, связанных с ушедшими в историю людьми, известны мне на улицах моего детства. Известны не только по мемориальным доскам – увы, мы убедились, что ими отмечены далеко не все достойные того здания. Но в этом районе, как и во всем Тбилиси-Тифлисе, еще и из уст в уста, поколениями передаются собственные варианты ЖЗЛ, жизни замечательных людей. А тут мемуары, старые газеты, справочники, другие источники и подтвердили и расширили очень многое из того, что можно было бы назвать легендами или байками...

Не успел я погрузиться во все это, как на сайте

wikimapia.org, приглашающем в Тбилиси гостей, прочел о Сололаки следующее: «Здесь нет никаких знаменитых достопримечательностей, но он ценен своей бытовой атмосферой». Что ж, последние слова бесспорны. Но вот первая часть этой фразы... Дело даже не в неуклюжей тавтологии, ведь любой словарь разъяснит, что «достопримечательность – место или объект, заслуживающие особого внимания, знаменитые». Главное: когда мы «читаем» сололакские дома и улицы, воскрешаются непредсказуемые переплетения судеб людских, строки и строфы (знакомые и не очень), давно ушедшие времена с их неповторимым колоритом. И получается, что литературные страницы объединяются в адресную книгу столетий. Книгу, дающую неоспоримое доказательство того, что Сололаки богат

достопримечательностями, да еще какими – связывающими разные культуры: грузинскую, русскую, армянскую, азербайджанскую, украинскую... Иначе вместо предполагавшихся нескольких страниц на эту тему он не распахнул бы перед нами целых двадцать пять! Я и сам такого не ожидал, но это как в археологии: стоит только копнуть поглубже и...

А сейчас мы прощаемся с этим удивительным районом. И перед тем как расстаться, давайте бросим еще один взгляд на его улицы. Чтобы вспомнить какие имена, дорогие и для Грузии, и для России, и для других стран встречались нам.

«Рекордсмен» по количеству таких имен – улица Мачабели. Это сейчас она перегружена автомашинами и шумна – после того, как городские власти «вдруг обнаружили» на Пушкинской улице, недалеко от дома, где жил Александр Сергеевич, древнюю городскую стену, четко обозначенную на всех старинных картах и планах. Участок стены раскопали и с большой помпой явили миру, уничтожив при этом один из основных выездов с главной площади города. И поток машин хлынул на небольшую сололакскую улочку, некогда одну из самых тихих и уютных. А в те времена, когда здесь вообще было царство тишины и зелени, стоял в огромном саду на только застраиваемой Сергиевской улице дом вдовы начальника артиллерии Отдельного Кавказского корпуса Прасковьи Ахвердовой, урожденной Арсеньевой. Она – троюродная сестра матери Михаила Лермонтова и наставница Нины Чавчавадзе, жены Александра Грибоедова. Именно здесь оба эти поэта были своими людьми, тут снимал флигель князь-поэт Александр Чавчавадзе, собирался цвет грузинской и русской интеллигенции Тифлиса. Теперь на месте усадьбы – Дом писателей Грузии. Тот самый, в котором, как мы видели, умывался ночью во дворе Осип Мандельштам, регулярно встречались Юрий Тынянов и Тициан Табидзе, обсуждали планы Рюрик Ивнев и Симон Чиковани, появился со своими первыми стихами школьник Булат Окуджава... Вообще же, чтобы просто перечислить все замечательные имена побывавших здесь литераторов, понадобится очень много места и времени.

Но и это не все! На этой улице Иван Тхоржевский, один из лучших переводчиков Николоза Бараташвили, в конце позапрошлого века издавал журнал и газету «Аргонавт». Один из основателей грузинского символизма Сандро Шаншиашвили принимал у себя Николая Заболоцкого, Ираклия Андроникова, Николая Тихонова и многих других друзей из России. А в страшные для Грузии 1990-е годы пишущих на русском языке тбилисцев согревал здесь кружок «Музыка слова» Глеба Коренецкого.

Еще один «лидер» по числу литературных достопримечательностей – параллельная улица, сменившая немало названий (Дамская, Гановская, Церетели, Табидзе) до того как принять нынешнее имя – Галактиона. Здесь, в доме Смирновых, потомки Александры

Смирновой-Россет, создавшей в Санкт-Петербурге пушкинской эпохи легендарный литературный салон, продолжили ее традиции, собирая на протяжении полтора веков деятелей грузинской и русской культур. На этой улице, вернувшись из Петербургского университета, жил великий грузинский поэт Акакий Церетели. Здесь писал блестящие статьи и очерки в российскую и грузинскую прессу выдающийся общественный деятель, публицист и литературный критик Нико Николадзе. Здесь жил знаменитый актер, режиссер, драматург и переводчик Валериан Гуния, получивший образование в России.

Ни в славных именах своих обитателей, ни в количестве переименований (Лабораторная, Петра Великого, Троцкого, Дзержинского) не уступает и улица Ингорюк. Каждый раз, видя алые маки, я вспоминаю воспевшего их и жившего здесь поэта Ладо Асатиани. Здание, в котором он провел свои последние годы, увы, не сохранилось. Но еще противостоит времени дом прошедшего через сталинский лагерь поэта Александра Цыбулевского, ближайшего друга русских литераторов поколения Беллы Ахмадуллиной. Цел, хоть и весь покрылся трещинами, и дом писателя и поэта

▲ Дом Бозарджианца на улице Гудовича (ныне Чонкадзе). 1915

Левана Челидзе, который был в первом выпуске московских Высших сценарных курсов. В угловом с улицей Читадзе (бывшей Ермоловской) доме, пытаясь реформировать школьное образование, жил, работал и погиб публицист, педагог Шию Читадзе. У него часто бывала великая украинская поэтесса Леся Украинка, дружившая с ним много лет. А упирается эта улица прямо в дом замечательного писателя, поэта и переводчика Вахушти Котетишвили.

Параллельно идет улица, носящая имя жившего на ней поэта Паоло Яшвили (ранее Ртищевская и Джапаридзе). Здесь обитал классик грузинской литературы Константинэ Гамсахурдиа, а практически напротив – легендарный литературовед Георгий Гиголов. Угловой с улицей Леонидзе дом, двор которого сейчас полуразрушен и напоминает результаты бомбежки, связан с

Константином Бальмонтом. В нем поэт жил у своего друга Александра Канчели, и жена этого юриста, писателя и журналиста Тамар вдохновляла его, когда он работал над переводом «Витязя в тигровой шкуре» на русский. Ниже на этой улице, носившей имена и Сололакская, и Кирова, прошли детство и юность Николая Гумилева. Потом, в доме по соседству, поражал своей эксцентричностью поэт Владимир Эльснер...

Звучат имена поэтов и на крутых подъемах в гору. На улице Амаглебис (Вознесенская, Давиташвили) Ованес Туманян, говоря словами Сергея Городецкого, «эсперанто изобрел сердец». Футурист Кара-Дарвиш готовил здесь полное издание своих стихов на почтовых открытках – единственное в мире. На улице Ладо Асатиани (Садовая, Бебутовская, Энгельса) сохранились дома писателей Левана Готуа и Рюрика Ивнева. На Коджорской жил и писал стихи Сергей Есенин, принимали русских друзей актриса Нато Вачнадзе и кинорежиссер Николай Шенгелая. Потом они переселились оттуда, но Сололаки не изменили, встречая гостей на нынешней улице Вукола Беридзе (Ново-Бебутовская, Цхакая). А еще на Коджорской был дом поэта Владимира Панова.

Великий грузинский писатель, поэт и общественный деятель Илья Чавчавадзе прославил улицу Сулхан-Са-

▼ Сололакский дворик

ба (Ираклиевская, Фрейлинская) тем, что разместил на ней редакцию своей газеты «Иверия». А на улице Дадзани (Вельяминовская) одна из звезд «тифлисского Серебряного века», жена известного художника Вера Судейкина создала знаменитый литературно-художественный салон, в альбоме которого произведения Ладо Гудиашвили, Якова Николадзе, Зиги Валишевского, Григола Робакидзе, Ильи и Кирилла Зданевичей, Василия Каменского... С писателем-разночинцем Даниилом Чонкадзе связана улица его имени, бывшая Гудовича...

Замечательны сололакские улицы и тем, что с их литературных страниц мы легко смогли заглянуть и в другие примечательные места города. На проспекты Руставели (Головинский) и Агмашенебели (Михайловский, Плеханова), площади Свободы (Эриванская, Закфедерации, Берия, Ленина), Саарбрюккенскую (Воронцовская, Карла Маркса) и Ираклия II (Экзаршескую). В районы Авлабар и Вере, Чугурети и Мтацминда, на улицы Грибоедова (Комендантская), Котэ Абхазы (Шуабазари, Армянский базар, Потребкооперации, Берия, Леселидзе), на Метехское плато... Да что, там Тифлиси! Из Сололаки литературные тропы привели нас не только в Батуми и Армению, Кахетию и Карталинию, но и в Петербург, Москву, Одессу и даже в Париж XVII века и в лагеря ГУЛАГа...

Мы не только видели знаменитых и не очень поэтов и писателей, не только читали их строки, но и знакомы с интереснейшими людьми, напрямую не связанными с литературой, но связанными с Тбилиси. Это художники и композиторы, актеры и режиссеры, промышленники-меценаты и ученые, политические деятели всех мастей и военные, философы и пленительные южные красавицы, аристократы и простые, но такие колоритные горожане многих поколений...

И знаете, что еще примечательно? Почти половину – двенадцать – литературных сололакских страниц мы распахнули в годы дат, юбилейных для их героев. У двоих это и светлые и печальные даты. Во время рассказа о великом Илье Чавчавадзе исполнилось сто семьдесят пять лет после того, как он родился, и сто пять лет после его убийства. Константин Бальмонт родился за сто сорок пять лет до нашей встречи с ним и за семь десятилетий до нее скончался.

А сколькими юбилеями со дня рождения своих персонажей отмечены наши страницы! Для Александра Островского и Владимира Соллогуба это двести лет, для Валериана Гуния – полтора столетия, для Шио Читадзе – сто сорок лет, для Ивана Тхоржевского – сто тридцать пять, для Ладо Асатиани – девяносто пять лет. И еще исполнилось четыреста лет Царскому дому Романовых, два замечательных представителя которого провели детство в Тифлисе.

Ну и, конечно, не обойтись без грустных дат – столетие после прощания с Лесей Украинкой, семьдесят лет со дня смерти Юрия Тынянова, четверть века после ухода Андрея Тарковского.

А еще эти страницы помогли нам опровергнуть некоторые спорные утверждения современных исследователей и журналистов. Например, о том, что Гумилев был свидетелем проводов в Трансвааль князя Николая Багратион-Мухранского, вошедшего в историю как борец за свободу бурского народа Нико Бур. Или о том, что Владимир Соллогуб был в Грузии лишь два раза – мы убедились: он приезжал сюда трижды. Ну и, конечно же, опровергнуто безапелляционное утверждение, что Лермонтов якобы участвовал в Тифлисе в убийстве

▲ А.Арутюнов. «Гамлет»

любовника своей пассивности.

Задумался я над тем, что написал, и понял: получается нечто вроде «отчета о проделанной работе», да еще приправленного статистикой. Но, наверное, иначе и не получится, если оглядываешься назад. Если, благодаря всему этому, благодаря Сололаки, мы еще раз прониклись духом удивительного города, столько давшего миру. Столько перенесшего, но не теряющего надежды на лучшее будущее. Несмотря на то, что и сейчас ему живется не так уж легко.

*Один знаменитый француз,
певец мушкетера-повесы,
раздутый как спелый арбуз
от славы и деликатесов,
прошелся по этим холмам,
далеким от Сены с Монмартром,
сразил комплиментами дам
и город сравнил с амфитеатром.*

*Он прав был, великий Дюма,
знаток драматического действия.
Со склонов смотрели дома
на то, как добро и злодейство
творили историю тут,
сплетая такие сюжеты,
что вам никакой Голливуд
не снимет картину об этом.*

*А мы в этом действе росли,
подсказки суфлера не ждали,
и старые пьесы спасли,
и новые пьесы создали...
Не будем программки листать
– увы, в них не все достоверно.
Мельчает актерская статья,
костюмы не те в костюмерной...*

*.....
Вот новый спектакль готов.
А мы... Мы выходим во дворик,
и хватит вокруг черепов,
чтоб тихо сказать: «Бедный Йорик!»*

Ну, как не вспомнить шекспировского героя и, глядя на фотографию, которая хранится у меня уже много лет. Ее автор – замечательный человек и блестящий профессионал Александр Арутюнов, которого весь город знал как просто Алика. И которого вспоминает до сих пор, после 1987 года, когда трагически погиб фотограф, из мозаики своих работ складывавший портрет Тбилиси. Снимок, сделанный в 1969-м, автор так и назвал – «Гамлет». Мальчику, стоявшему на уже тогда истертом временем пороге, сейчас около полувека. Мы не знаем, кто он, не знаем, как сложилась его жизнь. Разделил ли он дальнейшую судьбу своего города? Или, храня его в душе и напутствуемый им, отправился открывать для себя новые места? Как бы то

ни было, будем надеяться, что главный гамлетовский вопрос решен был им однозначно – «Быть!»

Мне очень хочется думать, что для детей, которые сейчас растут на этих, таких непохожих на музейные залы улицах, обязательно придет время узнать, кто бродил по дворам, которые они считают своими. Кто жил в домах, где они родились, кто встречался в местах, где они сейчас встречаются со своими друзьями...

Да, Сололаки – не музей. Или очень странный музей, существующий только в памяти, в душах. Не у всех, увы, не у всех... Чтобы попасть в него, нужен особый ключик. Пусть таким ключом станут записки, воспоминания, фото... О безжалостности времени говорить излишне. Но что сказать о наших современниках, которые срывают с домов памятные доски или лишают людей возможности бывать в таких памятных местах, как, скажем, Дом-музей Смирновых-Россет?

Очень многие глупости в мире творятся не столько из-за зла и корысти, сколько из невежества. Я уверен, что человеку, выросшему на стихах Паоло Яшвили, никогда не придет в голову разрушить его дом и построить на этом месте... ну, скажем, супермаркет. А разве те, кто в квартире Цыбулевского стирали драгоценную роспись Гаянэ Хачатурян, ведали, что творят? Нет, они просто делали ремонт, об этой художнице слухом не слыхали, и Цыбулевского, конечно же, не читали... И тот, кто разбазарил великолепную библиотеку Туманяна, оставленную им в дар городу, и тот, кто пытался продать его дом, понятия не имели о том, что собирались когда-то в этом доме и грузинские поэты-символисты, и такие, знаковые для мировой литературы поэты, как Брюсов, Бальмонт, Городецкий... И если человек, с упоением читавший великолепную «Литературную богему старого Тбилиси» Иосифа Гришашвили, на всю жизнь запомнил слова о воздухе Тифлиса, который «надышала сама поэзия», принял и понял законы, по которым жил и строился этот город, он никогда не позволит себе изуродовать старые кварталы несоразмерными, кичевыми сооружениями. И уж, точно, ужаснется идее снести Сололаки, а вместо него построить что-то вроде Рублевки – элитный район с офисами. А ведь, увы, были и такие веяния...

Невежество разрушительно. Интересно, понял ли ведущий литературной телепередачи, который заявил: «Для меня Лев Толстой – всего лишь офицер вражеской армии», что это – публичное признание в соб-

ственной дремучей невежественности?

Но, слава Богу, есть и другое. Искусствоведы и фотографы бродят по извилистым улочкам, фиксируют сохранившиеся росписи, решетки, витражи – и вот уже нас восхищает книга «Подъезды Тифлиса»... В Интернете энтузиасты выставляют картины и фото, проводят конкурсы, пытаются узнать историю каждого дома. Издан прекрасный путеводитель «Неизведанный Тбилиси. Сололаки», готовятся такие же книги о других районах города. И в их создании участвуют совсем молодые люди, причем, не только из Грузии, но и из России, Украины. Им, как и тбилисцам, это интересно, важно, нужно. И огромное спасибо им за это! Как там, у Владимира Семеновича? «Значит, нужные книги ты в детстве читал...»

Будем надеяться, что руки именно таких людей приняли ключ, открывающий удивительную поэзию сололакских улиц. На которых осыпается штукатурка, но живет душа.

*Сололаки, Сололаки...
Улиц древний аромат.
Здесь понятие «мокалаке»
выше всяческих наград.*

*Здесь года судить не вправе
за ошибки, за вину.
Здесь подъезды словом SALVE
засыпают в тишину,
где столетий свет нерезкий
ниспадает с этажей
на остатки старой фрески
и останки витражей.*

*Здесь равны и цесаревич,
и мацонщик, и вдова...
Бродит Александр Сергеич
(даже не один, а два).
Время стены раскололо,
но по-прежнему дворы
ждут Булата и Паоло
вместе с Беллой – на пиры.*

*Отбивая все атаки,
непохожий на музей,
сберегает Сололаки
дух поэтов и князей.*

Владимир ГОЛОВИН

SALVE

КУДА И ПОДАТЬСЯ, КАК НЕ...

Обитаю я в Чохатаури. Прежде он гордо величался райцентром, а нынче никто в нем и жить не желает. Все норовят куда-нибудь смьгься. И, бывает, смываются. Да! Это я о своих ровесниках-сверстниках. Чем я сам от них отличаюсь? А многим! Могу больше трех минут продержаться под водой в речке Губазоули, и к тому же обувка у меня сорок седьмого размера. Мать говорит: сам виноват! О чем думал, когда босиком бегал в школу?! Тут у нас отчего-то все вбили в головы, что от босоты ноги здорово вырастают. Здешний житель ваще какой-то этакий... странный!..

По вечерам гоняюсь за светлячками. Хочу подарить Цисане. Очень засело в башке, что Геле, земляку, подфартило – стоило ему отнести своей девушке сие насекомое, как тут же удалось договориться насчет свадьбы. Авось, думаю... ан нет, не дался, негодник. Да и Цисана эта, признаться, как-то чего-то...

Наконец-то! Закончил школу имени Нодара Думбадзе. Мало того, удостоился славы знаменитого рэпера. Наслушался 2 РАС, в каких-то два месяца наострился в скороговорке, - мы, гурийцы, и так-то не медлительны, сыплем, как из решета, – и приноровил к ней еще и рэп. Кого нынче в Гурии удивит магнитофоном? Да никого! К тому ж я и сам склонность питаю к здешним, родимым напевам. Ну, связал их, натурально, с рэпом. На выпускном вечере здорово отличился. Задал хлопмастерам ра-

ботенку. И Цисана чмокнула – правда, в щеку (гурийцы эти, замшелые, до сих пор терпеть чмоков не могут, особенно при ком постороннем). Мы прошлись по проложенному через Губазоули мосту имени Нодара Думбадзе и по улице Нодара Думбадзе вышли к дому-музею Нодара Думбадзе. У поворота к нему красовался огромный билборд с афоризмом:

Лучше смерть, но смерть со славой,
Чем бесславных дней позор.

Нодар Думбадзе

Помнится, вроде и Руставели писал чего-то похожее, а? Во дворе дома-музея нарвал для Цисаны яблок. Она надкусила одно и прямо-таки скривилась. Оказалось, на дух не переносит зеленых дичков. Чего тогда, спрашивается, надкусывала?! Принялся было толковать ей о своих чувствах, так она совсем свернула вывеску набок. Посидели во дворе на здоровенном камне, помолчали. Тянуло приятным теплом и уютом, будто бабушка Ольга и Зурикела все еще где-то здесь неподалеку.

- Ну, и как тебе? Понравился? - брякнул-таки я.

- Чего это?

- Как чего? Рэп мой!

- Да так себе... вроде...

Вот это да! Я взбесился, впился обеими руками ей в

уши. Дальше что? Чмокнуть, что ли? Или как?.. Кто ж мог подумать, что она окажется такой силачкой. Еще чуть-чуть, и положит на лопатки. С трудом унял: ладно тебе, говорю, пошутил. А ваще хоть убейте, чую я, знаю, по этим чертикам в глазках, что ли, не так уж она и против.

Пришлось, однако, - школу-то кончил, - оставить Цисану в Чохатаури и податься в Тбилиси. Продолжал и там, что и говорить, упиваться 2 PAC и SNOOP-ом. Вряд ли на лоне земли найдется кто, чтоб сыпал словами шустрее меня. Да мало ли в чем еще я блистаю и отличаюсь! В Тбилиси, столице, первый раз в жизни, а прошвырку по Руставели освоил мгновенно. Вот только, правда, прошвыриваться прошвыриваюсь, а тут это, приставучее, не дает покоя: все в башке крутятся Гурия да Цисана. Отмахиваюсь, а не отстают. Про ГПИ мне забыть бы, кабы не дядя Джондо. А мать еще говорила: могла б я себе вообразить, что завселяю села Хидистави, во всякую погоду щеголявший в ботах, заделается ученым профессором. Однако... поглядели бы вы, как осанисто шествует он по коридорам института, как... а в Чохатаури казался мне тощим, хилым и даже чуточку кривобоким. Так оно, не так, а в том, что я оказался студентом, роль сыграл исключительную. В студентах, бывало, думаю: ну, возмусь за учебу... ну, вгрызусь во все предметы! А что вышло? Только и было разговоров, что о моем отчислении. Зато я вышел на рэперов, сущих горийских рэперов. Они прямо-таки очумели от моего темпа. Во, потрясались, выдает! Во выучка! Прошел слух про конкурс, кажется, Джеостара, - и как же, спрашиваю я, было не выйти на кастинг?! Натурально, пошел. Порядком пришлось выстоять в очереди, ну, да ничего, так вызвали. Вышел на сцену. Перед внутренним взором: филармония, букеты, гурийский рэпер, гастроли, клипы, лопающиеся от гордости чохатаурцы... всякое-разное. Ну, так, стало быть... жюри: две тетки, лет за сорок уже, наверно... и дядька, помоложе, должно быть, гуриец, светлый такой, рыжеватый.

- Ну!

- Чего? Начинать?

- Начинай! Чего ж еще? - встряла сидевшая посередине чернявая.

Я выгнул правую кисть, выкинул руку вперед на манер 2 PAC, минутная пауза... и...

- Стоп! Стоп! Ого-го... Будет тебе! Довольно! - развизжалась чернявая. Обе тетки, не скажу о дядьке, не сводили с физий ухмылок.

Я чего-то пробормотал, уверенный, что получу поло-

жительный отзыв.

- Ну, ступай, парень, ступай! - бросила не помню какая из теток.

Дядька чего-то примолк, усомнился, должно быть, в гурийском понту.

- Господи-Боже, да что ж это такое? - проворчал я, недовольный, и... в самом деле, что ж такое: в первый раз в жизни с уст сорвалось, упомянул Господа Бога. А ведь атеист. Был им, скорее. Не верил ни в бога, ни в черта. Не думал даже, не вспоминал. Мать, случалось, когда журила, то и дело вставляла:

- Чтоб ты лопнул, безбожник этакий!

Ну, думаю, надо, надо внушать себе... насчет Господа. Прогуливаясь, - большую к этому склонность испытываю, - хотя бы чуть-чуть приближаться. А как? Представить его себе надобно, лик, то, се. А ни черта не представляется.

Рэперская группа распалась. Вроде была перспективная-перспективная, и на тебе, слиняли горийцы обратно в Гори.

Рождались в Грузии герои, - красовался на площади Саакадзе билборд. Стих Ладо Асатиани! Правда, конец начисто смыло дождем.

Соскучился по Цисане. Позвонил ей. Пока ждал ответа, выдал зверский рэп. Перебросились парой-другой слов, так, ни о чем, вроде без смысла, а все же... В груди всклокотала странная какая-то энергия, будто рвалась проломить ее. Погоняла по городу, затащила в Ваке. Пригнала к церквушке Троицы на Чавчавадзе, и вот тут-то я впервые осенил себя крестным знаменем, с трудом подчинив руку непривычному, чуждому покамест движению. Доходило до того, аж колени гудели. В парке Ваке набрел на каких-то хипхопелей: нам, объявили они, требуется солист! Вот те на, думаю, подфартило. Свели меня куда-то в подвал, к старому старичку.

- Ну, как? Начинать? - любопытствую у него.

- Начинать, говоришь? Ехал бы ты, парень, к себе домой! - передразнил старичок мой гурийский выговор. Ах, ты, думаю про себя, матушку бы твою разэтак, и рванул за билетом на автобус. Очереди особой не оказалось. Кто нынче ездит в Чохатаури? Паче того, туда возвращается?!

Дорогой прошел мимо дома Цисаны. Она чуть было не пустилась в обнимашки, - забылась.

- Совсем, - спрашивает, - вернулся?

- Да кто ж его, - объясняю, - знает!..

Э-ге! Явно не совсем ровно ко мне дышит. Вот при

этой мысли мне Боженка впервые и примерещился, и я покорно опустил перед ним глаза.

- Ничего-таки в городе не вышло?

- Да что там может выйти-то у безбожника?!

Ответить-то нечем, отмолчалась. Зато односельчанин наш, Гизойя, с сочувствием на меня поглядевши: уж если рэпера там, говорит, обрэпили, то, подумать только, что на душе у бедняги. Что уж об этом и говорить...

А я и говорить, как все, разучился, - когда и не требуется, все равно трещу, как сорока.

- А знаешь, - догадавшись, должно быть, о чем-то, воскликнул этот Гизойя, торговец козым молоком, - я тебе вот что скажу...

- А что? - процедил я сквозь зубы с напускным равнодушием.

- А то, что... ступай-ка ты в дьячки!

- Чего-о?!

- В дьячки, говорю! В псаломщики, что ли... или как их там, в причетники вроде. Потолкую насчет тебя с батюшкой Зосиме... из Спас-Преображения...

- Откуда?

- Из храма Спаса в Шемокмеди.

- И чего?

- Да ты службы никогда не слышал, что ли? Там почище рэпа выдают, не угонишься. Процветешь там, вот посмотришь.

- Брось! - аж передергиваюсь. - Чего это ты?..

- Ладно, ладно! Звоню отцу Зосиме.

Не думал никогда, не гадал, не вспоминал, и вот, пожалуйста, собственными ногами шагаю к храму Преображения. Этот назойливый Гизойя и впрямь звякнул батюшке, да еще и надул его, будто бы я большой дока в деле. Паства с нетерпением ждала меня. Я как мог благоговейней принял в руки молитвенник, пустился вскачь по страницам и так припустил, что и священнослужители, и послушники как взглянули на меня, так и не отрывали умиленного взора. Я, между тем, так увлекся, что помнить не помнил, где нахожусь, что бубню, и как поддам 2 РАС! Батюшка Зосиме сначала вроде и не усек, а опамятавшись и сообразясь с обстоятельствами, как хватил меня за вихор да как выволочет из храма! Я аж отлетел ко вратам. Что, кумекаю, делать? Не признаваться ведь, что недавний безбожник, что нахожусь только в начале пути ко Господу. Так что горестно развел руками, понурился и повинился батюшке: фан, говорю, рэпа да поклонник 2 РАСа. Ладно, смиловившись отец Зосиме, возвращайся, да чтоб я рэпа этого твоего слыхом никогда не слышал в храме. Что было делать, как не сдерживаться да не сосредоточиваться. При пенье псалмов особенно приходилось подавлять подступающие чувства и поддавать темпа, так что, когда однажды чуть было не занесло, батюшка Зосиме пригрозил скинуть с себя рясу да отхлестать меня ее полами. А уж слово у него никогда не расходится с делом.

Так продолжалось чуть не месяц. А с некоторых пор я все норовлю оставаться один во дворе церкви и беседовать с Боженкой. По большей части - о Цисане. Рэп почти выколотил из башки, недалек час завяжу совсем. Псалмы учусь выпевать поблагостней да помедленнее, хотя все и толкуют мне, что помедленней у меня та же скороговорка и что ладно уж, мы-де к ней притерпелись. Ну, ладно так ладно! Теперь об одном только и взываю ко Господу - дать мне знать про Цисану, как у нас с ней будет дальше.

Отозвался-таки Господь! Через год, правда, а отозвался. Через саму Цисану. Ее устами. Когда она на мосту имени Нодара Думбадзе через речку Губазоули совсем близко приникла к моей груди и прошептала, что, мол... что, вроде...

- Ну, и?..

- Ну, да.

15.09.2010

ПОИГРАТЬ В АВТОМАТКИ

Некий Роберт держал в нашем дворе увешанную фотками Аль Пачино и голых девиц будку, увлекался в ней холодным сапожным делом и ни за какие коврижки не желал с ним завязать. И, ей-ей, не из-за скудости, готов вам поклясться мамой. Прикипел! Уют в будке создавал, удобства всякие. Нужничок оборудовал, унитаза поставил - загляденье: удобный, мягкий, одно удовольствие. Любил, короче, комфорт. Чего не выносил - так это игру в автоматки. Это да! Претила она ему. Самому играть уже было не по летам, а завидит нас с автоматами-самоделками - раздражается, расстраивается, поварчивается. Мы в ответ только посмеивались и гнули свое - силились своротить челюсть на сторону по примеру Сильвестра Сталлоне и выгибать стан, как Чак Норрис. Часами носились по двору и забегали - чего уж там! - в туалет сурового Роберта. Рук на бегу, разумеется, не мыли. До того ли бывало. Покамест отвертишь кран и оботрешься захватанным полотенцем Робертовой жены, какой-нибудь Сашка или Коба, а то и Валера так обстреляют и изрешетят, сам будешь не рад.

На полке у Роберта всегда теснились книги, но не стоймя, как положено, корешками вперед, а одна на другой. И что удивляло и даже немножко обижало нас, то, что он рвал их на бумагу для туалета. Я и сам, признаюсь, прихватывал из стопки, пока не узнал, кто таковы эти Марк Твен да Майн-Рид. Что ж, грех по неразумию (ведать не ведал тогда, что творил). Сейчас, впрочем, осознал, что незнание тот же грех, и даже больше - несчастье. Роберт, меж тем, так расходился - принял за взимать за посещение туалета плату - двадцать тетри, и не малейшей скидки. Помню, ни за что не пустил меня как-то за десять.

Папенька мой автоматов мне сроду не покупал,

все больше пробавлялся ластиками, пенами, диафильмами – вот, думал, радуется сыночка. Столько лет пробежало, а его и сейчас не разуверишь, что было-то не так. Вот и приходилось обходиться своими сметкой да силами. Из Робертовых «Приключений Гекльберри Финна» я сработал надежный ствол, из «Принца и нищего» прочный приклад, «Приключения Тома Сойера» пошли на дуло, а из «Всадника без головы» вышел безотказный курок. Готовое изделие я нарек Твен-Ридом. Сошло! На фабричную-то игрушку денег взять было негде. Озвучивал оружие – порядком оглушительно: да-да-да-да! - я сам, и когда врывался со двора домой с этим возгласом, отец горестно восклицал, что я окончательно отбилась от рук, доставляя мне этим признанием несказанное удовольствие – по спине пробегал приятный маленький холодок, - и я все тверже убеждался в справедливости присвоенного мне дворовой ребятней звания «боевика», а взрослыми прозвища «командо». Для проявления иных чувств не было ни минуты, война не знает лирических излияний. Твен-Рид свой я, возвращаясь, вешал на стену, так, чтоб, обреченно сидя за уроками, не терять его из вида, паче, что из башки никак не вытряхивалась мысль о том, как бы поскорей снова поднять во дворе пальбу и в меру невеликих возможностей разыграть сцену ранения, героической гибели. Недовольный неубедительностью изображаемой ребятами смерти, сам я, в науку им, стоило попасть в меня легкой воздушной пуле, валился медленно и, содрогаясь «в агонии», припадал к земле не хуже, чем, как я полагаю, сам Бельмондо.

Роберта за какие-то делишки с товаром, случилось, задержали, так что я целый месяц то и дело взбегал по надобности домой, а когда тот вернулся, то поднял цену за туалет на целых десять тетри. Мы же тем временем разнообразили и модернизировали методы и способы ведения боев – мой друг Сашка был возведен в пушкари-артиллеристы – пушки, как таковой, у нас, правда, не было, - но гром от нее наводил на мысль о некогда происшедшем в столице Великобритании. Твен-Рид мой несколько разлезся и поистрепался – еще бы,

ведь я не складывал оружия перед наступающим врагом даже и под дождем, но вот перед безжалостным градом, увы, не устояло и оно. У Роберта, однако, книги не переводились, и я соорудил из Розанова и Климова внушительный пулемет, так, что соперников у меня отныне не было и в помине.

Папенька мой обычно смотрел вечерние новости с таким напряженным вниманием, что у виска его набухла толстая темная жила, и когда я как-то отвлек его, ворвавшись с привычным да-да-да-да и со свирепеющим лицом Штирлица перекинул через плечо Розанова-Климова, родитель мой с испуганным, подержанным еще и прогнозом погоды, сорвал с меня грозное оружие и обратил его в клочья. С тех пор я свой пыл боевика несколько поунял и держался куда осторожнее прежнего, во всяком случае дома.

Роберт, оказалось, припас бумагу повышенного качества – однотомник Байрона на плотном, почти картонном ватмане, хоть и выказывал беспокойство относительно его применимости по прямому назначению, при том, что я выпячиванием нижней губы недоумевал по поводу его выносливости и мазохизма. Выяснилось, что зря, - из Байрона он сам сварганил для меня наган, презрительно присовокупив при вручении: считай, что он свалился тебе на голову с неба, оттого что я сызмала терпеть не могу эти ваши поделки. Мой пушкарь Сашка, восхищенный, буквально взмолился о Калашникове для себя, в ответ на что последовал столь мощный бросок в него каблуком некоей Лауры, что, по природе проворный и юркий, он едва увернулся. Сашка был русский, истый славянин, светловолосый и медовоглазый. Мой одноклассник и однополчанин. Как несравненный боец, он наизусть знал все «Бородино», хоть при чтении почему-то уже с середины от полноты чувств начинал сбиваться и запинаться. Подросши же, сам принялся слагать целые поэмы на манер своего любимого Лермонтова.

Пулемет мой тоже... Впрочем, до пулемета ли сейчас?... Распался на листы и наган, побудив меня к чтению «Дон Жуана». В голове грохотало привычное

да-да-да, очень многое не просекалось, но несколько строф взяли-таки за душу и порядком прочно засели в мозгу. Тем временем и любовь к автоматкам несколько поостыла, хоть я петушился и держался среди ребят прежним боевиком. Запросил даже у Роберта новых книг под оружие, получив вялое позволение взять их в нужнике. Я выбрал несколько томов Дюма и Доде.

- Зачем тебе столько? - опешил Роберт.

- Пересаживаюсь на танк! - незамедлительно выпалил я.

- Так-таки и не закругляетесь с этой паршивой автоматкой? - огорченно процедил Роберт и бросил на меня грустный укоризненный взгляд.

Чтение все более занимало меня, и я привлекал к нему и Сашку. Бедный Роберт испытывал явную нехватку в своем платном заведении. На что только не горазд человек! Творить чудеса, вынашивать поразительные замыслы, созидать как Бог, восстанавливать разрушенное недоумками-неприятелями, строчить протяженнейшие, как у Дюма, романы, а потом использовать их с прагматичной целью. Вначале было до слез обидно, что с ними обходятся так безжалостно, но в этом ощущении я со временем усомнился. Как силен должен быть творец, писатель, чтоб без напряжения и усилий привлечь к себе внимание не причастных к чтению типов. Более того, даже стремиться попадать в руки к невеждам. И хоть лелеемый замысел не сбрасывается и плод мучительных раздумий, а порой и страданий оборачивается то подставкою под утюг, то самоделькою-автоматом, то подносом, то поддержкой для ножки стола или стула, то... все равно им не избежать хотя бы беглого взгляда на раненые, но не гибнущие строки. Великие пробирают даже самых тупых и плоских. Такое доступно лишь книге, лишь ей, и более ничему.

Сашка, подумать только, засел за сочиненье ужасиков. Правда, от чтения их разве что расхохочешься. По окончании школы вернулся в Россию. На прощанке трижды выпил за наше непреходящее братство. Я подарил ему на память о наших грозных да-да-да новенький надежный бумажный автомат. Мы продолжали дружить и на расстоянии, обменивались обстоятельными письмами. Он настойчиво звал: отпросись у начальства и дуй ко мне, повидаемся. Съездить, увы, не съездил, - не удалось. Он же тем временем женился, обзавелся дитем. Мало того – обнаружил не сказать родного, но сводного брата, - в Екатеринбурге. Отцова тайного отпрыска от какой-то бортпроводницы. В общем, ехать резон был, и немалый.

Но только было я внутренне выбыл из рядов боевиков, как русские открыли огонь по Картли. Созревшие поля окутались дымом, возведенные ценой великого труда мосты обрушились в реки, измотанные пахотой, выращиванием яблок и персиков земледельцы обратились в беженцев, уцелевшие сдавали в больницах кровь для раненых. На сей раз нам вручили настоящие автоматы, и айда, мол, становись стеной за отчизну. Я был объявлен резервистом и предупрежден, чтоб покамест не возникал и помалкивал. Двухнедельную боевую подготовку я, правда, прошел, но автомат держал в руках, как мотыгу.

В небе, однако же, показались-таки бомбардировщики.

- Вот он! Вот! Скорее спасаться! - крикнул я незнакомому совзводнику, и мы рванули – кто куда, врассыпную.

Кутерьма поднялась, самому черту было не разо-

браться в логике наших тогдашних действий.

- Вау! Вау! Мать твою так и этак! - грозил я бомбардировщику, палил в него из автомата, и он отчетливо отзывался мне столь привычным, увы, уже давним да-да-да, да-да-да... Впрочем до него ли было сейчас? Бедолаги-вояки падали вокруг замертво, не успевая опомниться и простаться с миром. Я в смятении огляделся – оказалось, стою один в пустом, покинутом, зловеще отрешенном ото всего дворе. И вдруг на голову мне опустился приклад автомата:

- Стоять!

Впрочем, как тут и не стоять, - попробуй двинься в такой ситуации. Я поднял-таки взгляд, и...

- Да это же я! Я это! Не узнал меня, что ли?

- Убью, сука! - обрушился на темя удар приклада.

- Так ведь это я! Ты что?

- Говорю, убью!

- Сашка! Брось! Я это... я-а!.. - в отчаянье вопил я, между тем как он оттолкнул меня к дереву, облил автоматную очередь, и перед моим темнеющим взором понеслись двор с ребятами, Робертов нужничок, да-да-да, «Дон Жуан» по стволу пулемета, и Сашка!.. Сашка... В голову мне полетела пуля... он не проконтролировал меня, не сомневался, должно быть, что уложил.

Когда я пришел в себя, никого рядом не было. Догорало жнивье, охватывая поле черным покровом.

Война кончилась. Мы проиграли ее, как повелось в последнее время, но кричали, что выиграли.

Я был побежден, подавлен, убит тем, что Сашка стрелял в меня, но я выжил, опаматовался. Выжил! Groш цена этому «выжил». Две недели беспробудно пью, браню-клянчу Сашку и жизнь вообще.

- Да-а! - реву на звонок в телефонную трубку.

- Это я, Сашка! Жив? Во здорово!.. Да Сашка я, слышишь?

Кровь в моих жилах похолодела, с плеч повалил пар от подступившего жара.

- Да пошел ты, сука!

- Алло! Алло! Не слышно! Отвечай! Там у вас этот мой смурной братец воевал. Вчера хвалился мне, что прострелил там кому-то голову. Я чуть не околочился, так по описанию убитый был похож на тебя. Слава Богу, что ты живой! Когда б не так, я бы вышиб дух из этого... - связь прервалась.

- Сашка! Алло! Сашка! - потрясенный, не мог сдержать я рыданий. Можно жить дальше, можно даже любить, даже возвращаться мысленно к давнему да-да-да. Я сгреб в ладонь шапку и рванул к будке Роберта. С неба на улицу струился дождь надежды на обыкновенную, на живую жизнь.

Роберт отворил мне, и я с ходу влетел по обыкновению в туалет.

- Чего тебе? Эй! Нет там больше книг!

- А где же они?

- Читаю я их теперь. А что?

Я сначала окаменел-онемел, ткнулся головой в грудь Роберта, крепко сжал руки у него на спине.

- Сходим, может... по стакану, а? - поднял-таки на него взгляд.

- Это всегда так... Депрессия после войны... После войны – депрессия... Сходим, ясное дело!..

14.10.2010

Торнике ГУРДЖИНТАХИ
Перевод Майи БИРЮКОВОЙ

▲ Константин Андроников и Натела Лагидзе

«Здесь похоронены сны и молитвы...»

Роберт Рождественский
«Кладбище под Парижем», 1984

СО СВЯТЫМИ УПОКОЙ...

Авторы этой статьи – наши соотечественники, более двадцати лет живущие и работающие во Франции. Оба находились на ответственной дипломатической работе, связанной с деятельностью Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), чья штаб-квартира расположена в Париже. В настоящее время Натела Лагидзе руководит деятельностью созданной во Франции ассоциации «Мерани, диалог культур», призванной распространять грузинскую культуру за рубежом. Дмитрий Беридзе – один из членов-основателей международной Академии развития и солидарности, учрежденной во Франции в 2004 году.

Каждый раз, проходя эти ворота, возникает ощущение, что ты пересек невидимую границу и попал в какой-то другой мир – мир тишины и покоя, успокоения и тихой печали, мир забвения и вечной памяти... Когда ветрено, здесь слышен шелест берез и верб, им тихо вторит церковный колокол. Мы пришли в удивительно красивое место, на знаменитое русское кладбище городка Сент-Женевьев-де-Буа, что в 30 километрах от Парижа.

История русского кладбища Сент-Женевьев-де-Буа сегодня широко известна. О нем написаны многочисленные статьи, сложены стихи и спеты песни. Ведь здесь покоятся люди, сыгравшие немаловажную роль в истории России и те, что составили славу русского и мирового искусства прошлых двух веков. А положило основу этому кладбищу одна из крупнейших геополитических катастроф начала XX века – русская революция 1917 года и последовавшие за ней развал Российской империи и братоубийственная гражданская война. Более двух миллионов человек было вынуждено покинуть родину и стать беженцами, изгнанниками-эмигрантами. Мало кто из них тогда предполагал, что это – навсегда, что их жизненный путь закончится на чужбине. Уже в начале 20-х годов прошлого столетия в среде русских эмигрантов во Франции встал вопрос о необходимости оказания организованной помощи престарелым соотечественникам. Своим существованием Русский Дом – приют для русских стариков – в городке Сент-Женевьев-де-Буа обязан княгине Вере Мещерской, дочери последнего царского посланника в Японии. В 1927 году был приобретен участок на местном муниципальном кладбище. Так начиналось знаменитое русское кладбище.

Здесь нашли последний покой около десяти тысяч военных, священнослужителей, писателей, художников, артистов, ученых. А среди них какие имена! Идешь и будто перечитываешь карамзинскую «Историю государства Российского»: Голицыны, Долгорукие, Васильчиковы, Волконские, Вяземские, Романовы, Струве, Хитрово, Юсуповы... Не уступает им и пантеон имен, составивших славу русской культуры: писатели первый русский лауреат Нобелевской премии Иван Бунин, Гайто Газданов, Зинаида Гиппиус, Дмитрий Мережковский, Алексей Ремизов, Надежда Лохвицкая (Тэффи), Виктор Некрасов, поэты Георгий Иванов, Александр Галич, художники Мстислав Добужинский, Александр Бенуа, Константин Коровин, Константин Сомов, Зинаида Серебрякова, звезда немого кино Иван Мозжухин, кинорежиссер Андрей Тарковский, балерины Матильда Кшесинская, Ольга Преображенская, балетмейстеры и танцовщики Серж Лифарь, Рудольф Нуреев...

Это кладбище всегда было святым местом для русской эмиграции, а с 90-х годов прошлого века стало местом паломничества для тысяч российских туристов.

Привел нас сюда и интерес к грузинской истории и памяти нашего народа, той самой истории, волею которой сошлись и слились в единое целое судьбы двух стран – Грузии и России, а значит, и судьбы людей, живших на их территориях.

А что же наши грузинские предки?.. После революции 1917 года значительная часть аристократической знати оказалась выброшена в эмиграцию. Путь многих из них лежал через Крым на Кавказ, в Грузию, тогда еще Демократическую Республику. Здесь в течение нескольких лет их жизнь была относительно спокойной. Но бег пришлось продолжить... Батум, Константинополь, далее везде... В 1921 году новая волна вынесла на французский берег вождей уже бывшей Грузинской Демократической Республики, их семьи и сподвижников. Небольшая часть оказалась похоронена на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа, а большинство – в городке Левилль под Парижем, где с 1921 года обосновалась грузинская колония – сатвистомо, и на кладбище которого сложился знаменитый некрополь – «грузинский квадрат».

...Их было немного на французской земле, к началу 80-х годов прошлого столетия где-то около двух тысяч человек. Здесь продолжалась их жизнь, совсем не похожая на прежнюю, и все же такая же, как и у миллионов французов, их новых сограждан и соседей. Свадьбы и похороны, рождения и смерти, война, разлука с близкими, потери, радость редких и зачастую тайных встреч с соотечественниками и родственниками, жившими за «железным занавесом»...

Мы расскажем о грузинах, чьи имена сохранились на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Их немного, не больше двух десятков, но среди них значимые имена и за каждым именем стоит СУДЬБА.

Размеры журнальной статьи не позволяют подробно написать о каждом, поэтому ограничимся простым перечнем имен, найденных на страницах кладбищенского архивного списка: Дадиани, Чавчавадзе, Эристави, Джорджадзе, Андгуладзе, Гамсахурдия, Пайчадзе, Амилахвари, Туркия, Мхеидзе, Дадешкелиани, Тархан-Моурави...

Некоторым из наших соотечественников было суждено внести важный вклад в жизнь своей новой родины – Франции. Широко известно имя кавалера ордена Почетного легиона, подполковника, князя Дмитрия Амилахвари (1906-1942) героя французского Сопро-

тивления, соратника Шарля де Голля. На кладбище Сент-Женевьев-де-Буа похоронена семья князя Иосифа Дадиани: он сам, его жена Тархан-Моурави и две дочери – Екатерина и Саломе.

Саломе погибла в 1957 году вместе со своей двоюродной сестрой Ириной – женой Дмитрия Амилахвари в автомобильной катастрофе, когда они по приглашению генерала де Голля направлялись на вечер памяти Дмитрия Амилахвари.

Большой вклад в жизнь послевоенной Франции внес князь Константин Ясеевич Андроников (1916, Петроград – 1997, Париж) - переводчик с французского, английского и русского языков, в разное время официальный переводчик трех президентов Франции (Ш. де Голля, Ж. Помпиду и Ж. д'Эстена), философ, доктор теологии, декан Свято-Сергиевского богословского института в Париже, автор многочисленных статей и книг... Отец трех детей. Старший сын, Эммануил Константинович Андроников, доктор математических наук, скоропостижно скончался в 1995 году и похоронен в семейной могиле на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Остались дочь Анна (1949), профессор психологии Парижского университета и младший сын Марк (1960), врач, заведующий отделением больницы в г.Кларам. С женой Надин Бартелеми они воспитывают четырех сыновей: Михаила, Ивана, Киприана и самого младшего – Яссе.

Натела Лагидзе вспоминает:

- Впервые с Константином Ясеевичем Андрониковым я встретила в начале 1990-х годов, приехав на дипломатическую работу в Париж. Встреча, о которой я мечтала, была не случайной. У князя К.Андроникова в Тбилиси оставались многочисленные родственники, которые и просили меня передать весточку «дорогому Котику». Надо отдать им должное, все эти трудные годы они свято хранили память о его семье и предках:

дедушке и бабушке Константина, князе Иване Захарьевиче Андроникашвили, его жене Лидии Николаевне Плещеевой (племяннице поэта Алексея Плещеева) и их детях – Саломее (известной петербургской красавице, музе поэтов О.Мандельштама и А.Ахматовой), Марии и Яссе (отце Константина).

Слушал меня К.Андроников внимательно и изредка задавал вопросы. Статус официального переводчика французского президента помог Константину узнать подробности о своем отце Яссе (1893-1937), чья жизнь трагически оборвалась, когда он, узник Соловков, был расстрелян. Дети Константина – Анна и Марк скрупулезно собрали уцелевшие письма, стихи, воспоминания деда, издав в Париже в 2009 году книгу Яссе Андроникова «Я просто шел, не ведая куда...»

Позже я несколько раз присутствовала на лекциях Константина Андроникова. Меня поразило, как красиво он говорил по-русски. Кстати, этот его дар восхищал друзей и коллег, опубликовавших в 1999 году сборник воспоминаний «Прислушиваясь к Слову», посвященный памяти К.Андроникова. Позже мне стало известно, что князь К.Андроников был одним из основателей Высшей школы и международной ассоциации профессиональных переводчиков-синхронистов. Сохранилась фотография, снятая в 1994 году в ЮНЕСКО на открытии памятника «Рождение Нового Человека» известного скульптора и художника, президента Российской Академии художеств Зураба Церетели, жена которого Инесса Андроникашвили была рада встрече со своим близким родственником.

А вот могила с крестом с грузинским орнаментом и именами представителей знатной грузинской фамилии Эристави. Нас в данном случае интересует имя женщины, чья судьба тесно переплелась с историей трех стран – России, Грузии и Франции начала прошлого века. Ей посвящали стихи, художники спешили запечатлеть на полотнах прекрасное лицо.

Мери Шервашидзе (1895-1986) - дочь члена Государственной Думы генерала Прокофия Шервашидзе, женщина легендарной красоты, наделенная к тому же и другими добродетелями, была фрейлиной последней российской императрицы Александры Федоровны.

В 1921 году Мери покинула любимую Грузию и обосновалась в Париже с мужем Георгием (Гигушей) Эристави, бывшем флигель-адъютантом Николая II. Как и многим эмигрантам, ей пришлось зарабатывать на жизнь. Было нелегко, но прекрасная внешность по-

могла Мери. Так она пришла в знаменитый дом Коко Шанель. Французское гражданство она, как и многие другие грузинские эмигранты, получать не захотела. Скончалась, так и не увидев родную Грузию. До самой старости (а умерла Мери Шервашидзе в преклонном возрасте на 91-м году жизни) сохранила царственную осанку и удивительную красоту. Такой ее запечатлел Реваз Табукашвили, писатель, переводчик, кинорежиссер, снявший в 1985 году по заказу Грузинского телевидения документальный фильм «Парижские дневники» - о грузинах, живущих во Франции.

Самую большую известность Мери принесло то, что она была музой великого грузинского поэта XX века Галактиона Табидзе. Молодой поэт посвятил ей знаменитое стихотворение «Мери». «Венчалась Мери в ночь дождей...» (перевод Беллы Ахмадулиной), «Венчанье то было? Нет, я не верю – Поминки справлялись по той, что люблю...» (перевод Игоря Оболенского).

Еще одна могила, почти примыкающая к церковной ограде. Елена Абхази (1881-1942)... Имя, выгравированное на трех языках: грузинском, русском и французском с трудом читается на надгробном камне. Благодаря статье журналиста Малхаза Эбралидзе и более раннему исследованию Реваса Габашвили мы теперь знаем, что речь идет о вдове генерала Котэ Абхази (1867-1923) - блестящего офицера царской армии, племянника Ильи Чавчавадзе, сына его сестры Нины. Истинный патриот своей страны, Котэ Абхази активно участвовал в становлении независимой Грузии. В 1917-1918 гг. был председателем учредительного общества Тбилисского университета и одним из основателей грузинской национальной гвардии, руководителем военного центра Комитета независимой Грузии. В 1923 году

расстрелян большевиками вместе с другими лидерами движения. Знаем и то, что их сын с невесткой жили после войны в канадском городе Виктория, детей у них не было... вот и покрылась зеленой плесенью надпись на надгробном камне Елены Абхази.

Хрестоматийная история любви великого русского поэта Александра Грибоедова и княжны Нины Чавчавадзе здесь открывается новыми преломлениями. Вот могила Евфимии Лавровой (1901-1985), урожденной княжны Херхеулидзе. Думал ли командир императорского кавалерийского полка, полковник Николай

Лавров, что он, исконный псковитянин, найдет свою суженую на Кавказе, в далеком Тифлисе? И вот в уже далеком 1919 году молодые (Евфимии было 18 лет, а Николаю – 37) обвенчались в русском православном соборе св. Давида, что на Мтацминда. После революции Лавровы оказались в Париже. Семья разрасталась, родились три сына – Игорь, Лев и Олег. Сегодня жив только Олег, заслуженный французский инженер на пенсии. Вся жизнь Евфимии Михайловны была посвящена воспитанию детей, а затем и многочисленных внуков. Эти немногие сведения сообщила одна из невесток – Ирина Георгиевна Лаврова, которой 84 года.

Среди деятелей русской культуры, оставивших след в истории Грузии начала XX века, ярко светит имя русского композитора Николая Черепнина (1873-1945). Замечательный дирижер и педагог – ученик Николая Римского-Корсакова, он преподавал в Петербургской консерватории. Среди его учеников – дирижер Александр Гаук и композитор Сергей Прокофьев (последний посвятил своему учителю несколько сочинений, в том числе Первый фортепианный концерт).

С 1918 по 1921 год Николай Черепнин возглавлял Тифлисскую консерваторию, одновременно являясь дирижером оперного театра. Среди его сочинений – две оперы, несколько балетов (в том числе «Нарцисс и эхо», написанный в 1911 году для труппы Сергея Дягилева), симфонические произведения.

В своей книге «Достопримечательные русские церкви и кладбища» Наталия Смирнова сообщает о том, что Н.Н. Черепнин в последний раз дирижировал в 1944 году в парижском концертном зале «Плейель»,

где исполнялись его «Грузинские погребальные песни».

В одной могиле с отцом похоронен и сын – Александр Николаевич Черепнин (1899-1977), композитор, пианист и дирижер, учившийся в Петроградской и Тифлисской консерваториях и закончивший Парижскую консерваторию. Как пианист, концертировал по всему миру, а в 1967 году, будучи американским гражданином, гастролировал в СССР (Москва, Ленинград, Тбилиси). В своем творчестве А.Черепнин активно использовал русский, грузинский, китайский музыкальный фольклор. Автор пяти балетов (среди которых «Шота Руставели», написанный в 1945 году для постановки в Парижской опере Сержем Лифарем), четырех опер, нескольких симфоний, множества хоровых и камерных сочинений. Будучи студентом Тифлисской консерватории, написал «Грузинскую рапсодию» для виолончели и оркестра. Мы не знаем, исполнялись ли когда-либо эти произведения в Грузии.

А сейчас мы стоим перед могилой Зинаиды Серебряковой (1884-1967), одной из ярких представительниц известной в мире искусства семьи Лансере-Бенуа. Прекрасные полотна этой художницы, большая часть творческой жизни которой прошла в Париже, украшают Третьяковскую галерею и Русский музей в Петербурге. Ее брат, также художник, Евгений Евгеньевич Лансере (1875-1946) в трудные 20-е годы прошлого века нашел приют в Грузии, куда был приглашен профессором в недавно созданную Тбилисскую Академию художников. А в 1927 году в составе группы грузинских художников Е.Лансере был направлен Тбилисской Академией художеств в творческую командировку в Париж. Вместе с Василием Шухаевым он внес значительный вклад в воспитание и формирование нового поколения грузинской художественной интеллигенции.

Последнее в нашем поминальном списке имя – Нина Беридзе (1922-2008). А между этими двумя датами, от рождения в Москве до смерти в госпитале в Лонжюмо во Франции – 85 лет жизни, из которых 40 лет прошло в Тбилиском педагогическом институте им. А.С. Пушкина (ныне является составной частью Университета Ильи). Нина Захаровна Беридзе была методистом преподавания русского языка в грузинской школе. Ею подготовлены многие поколения учителей-русистов, она была любима своими студентами, которые часто собирались в ее гостеприимной тбилисской квартире. Автор учебника русского языка для грузинской школы, выдержавшего много переизданий вплоть до 2003 года, заслуженный деятель науки Грузинской ССР, кавалер ордена Чести (2002).

Вся жизнь Нины Беридзе прошла в горячо любимом Тбилиси, но судьба повзала ее уже в пожилом возрасте в далекую поездку во Францию, в страну, где работал ее сын, сотрудник международного Секретариата ЮНЕСКО, и которая стала ее последней гаванью в этой бременной жизни.

Нина Беридзе покоится на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, практически закрытом для новых захоронений, как жительница коммуны, здесь, в Русском Доме, прошли последние три года ее жизни. Так русская Франция отдала дань уважения грузинке, чья жизнь была примером взаимопонимания и дружбы грузинского и русского народов в XX веке.

Натела ЛАГИДЗЕ
Дмитрий БЕРИДЗЕ
г.Париж

ОТСТОЯЛИ КАВКАЗ

План «Блау III» - захват, завоевание Кавказа – Гитлер утвердил в январе 1942 года. Директивой №45 от 23 июля 1942 года началась операция «Эдельвейс» с далеко идущими планами третьего рейха. И хотя о битве за Кавказ было написано немало, лишь сравнительно недавно увидели свет новые воспоминания участников тех событий, публикации историков, архивные материалы, позволяющие по-иному взглянуть на события 70-летней давности. Да и в моем архиве немало материалов на эту тему.

Весна – лето 1942 года оказались для Советского Союза особенно трагическими. Фашисты, хотя и несли потери, смогли обескровить крупные воинские объединения, взять в плен сотни тысяч человек. Дважды пришлось сдавать Харьков, Крым. Особенно трагична для Грузии крымская катастрофа – вследствие грубых ошибок командования фронта погибли и были искалечены десятки тысяч воинов, в основном – новобранцы. Об этом мне в 1975 году неофициально рассказал генерал армии Павел Иванович Батов, дважды Герой Советского Союза. Кстати, Батова, служившего в Тбилиси в ЗакВО, на должности командира 51-й в декабре 1941 года сменил наш земляк генерал-лейтенант Владимир Львов, который героически погиб в крымской бойне 9 мая 1942 года.

Новая, гораздо больших размеров катастрофа приближалась к Грузии. На Кавказ двинулась 900-тысячная фашистская группа армий «Центр А» под командованием генерал-фельдмаршала Вильгельма Листа – 13 пехотных, 4 моторизованных, 5 танковых и 3 конных дивизий и других спецподразделений, 1640 самолетов. Преимущество врага было и в людских ресурсах, и в вооружении. Фашисты вышли к Северному Кавказу, заняли не только перевалы Санчаро, Клухори, Марухи... Враг стоял в 20 км от Гудаута.

Германия засылала в Закавказье разведывательно-диверсионные группы. По данным архивов НКВД СССР, только в 1942 году германские спецшколы выпустили свыше семи тысяч разведчиков и около 2,5 тысячи диверсантов и радистов. Немалая их часть была послана на Кавказ. Особое внимание гитлеровская агентура уделяла Грузии, для этого были специально созданы диверсионные организации «Тамара-I» и «Тамара-II». В составе группы армий «Центр А» были и кавказские национальные батальоны из числа эмигрантов, пленных, перебежчиков. Грузинским батальоном командовал бывший генерал-губернатор Тифлиса 46-летний Шалва Маглакелидзе, советник вермахта. Кстати, он единственный грузин, который стал генералом третьего рейха...

В это время премьер-министр Турции Сараджоглу в беседе с германским послом фон Папеном заявил, что «как турок, он страстно желает уничтожения России. Русская проблема может быть решена Германией, только если будет убита по меньшей мере половина всех живущих в России русских». Турецкий Генштаб, имевший к тому времени на границе с СССР, а это Армения и Грузия, почти миллионную армию, не скрывал, что вступление Турции в войну почти неизбежно. Оно может произойти в тот момент, когда турецкая армия будет располагать достаточным количеством вооружения, что могла обеспечить Германия, захватив богатые военные и другие ресурсы Закавказья.

По приказу Сталина молниеносно был осуществлен 25 августа 1941 года ввод крупных советских воинских подразделений в Иран, обеспечив безопасность подбрюшья Закавказья. Об иранском фронте никогда не упоминалось в прессе, ничего не сказано ни в одной энциклопедии, в том числе в военных, изданных как в СССР, так и в более поздний период. Задействованы же

на этом фронте были крупные армейские части, огромное количество боевой техники, сотни бойцов невидимого фронта, среди которых было немало уроженцев Грузии. Кстати, одним из таких нелегально засланных в Иран в первые дни ВОВ был сын Лаврентия Берия, 17-летний Серго, тогда лейтенант-радист. В тот период были обезврежены сотни немецких шпионов.

Недавно мне подарили редкую книгу – воспоминания генерала госбезопасности Варлама Какучая, непосредственного участника битвы за Кавказ, организатора сверхсекретных операций советских разведслужб. Возглавлявший в начале 1941 года НКВД Грузии Варлам Иванович в первый день войны был назначен в Особую группу (впоследствии 4-ое Главное управление) НКВД СССР, к Павлу Судоплатову одним из его заместителей.

«17 августа 1942 года, - вспоминал В.Какучая, - я был срочно отозван с линии Западного фронта по приказу Л.П. Берия. В Москве я тут же был принят наркомом, который, сказал: «Едем в Кремль, к хозяину». Около 12 часов ночи нас принял Сталин. Задав несколько вопросов, где я сегодня был и что видел, Сталин сказал: «Положение на Кавказе очень серьезное, почти катастрофическое. В результате преступной халатности командного состава отдельных наших частей немцам удалось прорваться к перевалам Главного Кавказского хребта и занять основные из них. Гитлер растрюбил по всему миру о якобы невиданных доселе в истории войн подвигах. На самом деле положение там очень серьезное, и от того, сохраним мы или нет этот бастион, сегодня зависит исход войны! (Обратите внимание на эти слова Сталина, что от битвы за Кавказ зависит исход войны – Л.Д.). Согласно секретному договору между Германией и Турцией, со вступлением фашистской армии на низменные территории Грузии Турция миллионной армией выступает против нас, угрожая оккупацией Баку, падение которого равносильно поражению. В этой ситуации способны ли вы восстановить положение на тех перевалах, в частности в Сванетии, которые заняты немцами?» Сталин вопросительно взглянул на Какучая. Я с пафосом ответил, что готов умереть за Родину! «Умирать должны немцы, а не вы, - перебил меня Сталин. - Утром в 5 часов улетаете в Тбилиси на моем самолете и с моим летчиком. Руководителем вашим будет Берия. Желаю успеха», - закончил Сталин и пожал руку».

Весьма важны воспоминания Павла Судоплатова, в его мемуарах «Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930-1950 годы». «В августе 1942 года Берия и Меркулов поручили мне экипировать всего за 24 часа 150 альпинистов для ведения боевых действий на Кавказе. Как только альпинисты были готовы к выполнению боевого задания, Берия приказал мне вместе с ним и Меркуловым несколькими транспортными самолетами вылететь из Москвы на Кавказ. Перелет был очень долгий, в Тбилиси мы летели через Среднюю Азию на «С-47», самолетах, полученных из США по ленд-лизу. В Баку полковник Штеменко – начальник кавказского направления Оперативного управления Генштаба, доложил об обстановке. Было решено, что наше спецподразделение попытается блокировать горные дороги и остановит продвижение частей отборных альпийских стрелков врага...»

Опасения, что Тбилиси и весь Кавказ могут быть захвачены врагом, были, как сказано, вполне реальны. В задачу Судоплатова также входило секретнейшее задание – создание на месте подпольной агентурной сети на случай, если Тбилиси оказался бы под немцами.

Из воспоминаний сына Лаврентия Берия, Серго: «В салоне самолета находились вместе с отцом 18 человек, из которых, за исключением генерала Павла Бодина (он был назначен начальником штаба Закавказья – Л.Д.), все были уроженцами Грузии – Григол Каранадзе, Лаврентий Цанава, Николоз Рухадзе, Варлам Какучая, Богдан Кобулов, Соломон Мильштейн, Михаил Мике-

ладзе и другие».

Поздно ночью, как вспоминает Варлам Какучая, головной самолет приземлился в Тбилиси, где Берия и его команду встречали командующий Закавказьем Иван Тюленев, члены Военного Совета фронта – первые секретари ЦК КП(б) Грузии Кандид Чарквиани, Азербайджана – Мир Джафар Багиров, Армении – Григорий Арутюнов, и другие, на вид которых Берия обратил внимание и стал сурово отчитывать: «Что это такое? Отраспали бороды, своим видом вы можете внушить народу паническое настроение. До нас дошли слухи, что город захламлен, нет воды, трамваи не ходят, что, и трамваи ушли на фронт? Вы способствуете пораженческому настроению».

Берия прибыл на Кавказ с особыми, неограниченными полномочиями, а не только как член Государственного Комитета Обороны, и пробыл здесь почти месяц.

Всем было приказано отправиться в штаб Закавказья. Было за полночь, когда по вызову начали сходитьсь командиры отдельных частей, руководители ведомств. Берия работал и действовал как всегда, со знанием дела, оперативно, жестко.

Характерный пример приводит Какучая, семья которого жила в ста метрах от штаба. Он попросил отлучиться на 5-10 минут, чтобы повидаться с семьей, которую уже второй год не видел. Берия ответил: «Сейчас не до семьи, запрещаю даже звонить им. Наступит время, и навестите их». Таким же требовательным был он к самому себе. А ведь в Тбилиси жила пожилая мать и сестра, но он не навестил их до улучшения дел на фронте.

Все решалось в кратчайшие сроки – в 5 утра один усиленный полк спецшелоном был отправлен через Сухуми к Клухорскому перевалу. Вслед за ним выехал Какучая с усиленным батальоном особого назначения НКВД СССР через Зугдиди в Бечо с задачей уничтожить врага, дислоцированного в группе Бечойских перевалов. Прибывшие на транспортных самолетах чекисты и десантники вместе с альпинистами не позволили фашистам вторгнуться в Кабардино-Балкарию. В то же время с помощью местных сванов, знавших в горах каждую тропинку, взорвали цистерны с нефтью и уничтожили в горах моторизованные части немецкой пехоты, а также нефтяные скважины Моздока. Кстати, именно сваны и другие горцы Грузии смогли заблокировать все проходы Кавказа, а их было до сорока.

С прибытием Берия и его группы ситуация на Кавказе менялась в лучшую сторону. Порой принимались неординарные решения. Так, были доставлены до 5 тысяч буйволов из Западной Грузии и ослов из Кахетии. На них доставлялись защитникам Кавказа боевое снаряжение, продукты, медикаменты, вывозились раненые.

Естественно, в первую очередь решались кадровые вопросы. Уже 27 августа 1942 года Сталин и Василевский подписали директиву об освобождении «как не справившихся с работой и не обеспечивших боевых

действий войск» командующего 46-й армией и его заместителя по тылу.

Новым командиром армии назначался генерал-майор артиллерии Константин Леселидзе, который прославился при обороне Тулы, где он командовал артиллерией 50-й армии. Именно тогда Василевский, докладывая Сталину, отметил, что Леселидзе командует артиллерией как дирижер оркестром. «Крестником» Берия стал еще генерал Андрей Гречко, вступивший в командование 47-й армии. На многие ответственные должности были назначены грузинские офицеры, которые хорошо знали эти места, быт и традиции населения.

Командир Анапской 414-й стрелковой дивизии, а в период битвы за Кавказ комдив 242-й горнострелковой Георгий Курашвили, еще в 60-е годы рассказывал мне о тех событиях, о которых тогда, в связи с делом Берия молчали, как вынужден был молчать в последующие годы Маршал Советского Союза, министр обороны СССР А.Гречко.

«Ситуация действительно была угрожающей, - вспоминал генерал Курашвили, - однако все очень быстро изменилось с приездом Берия. За короткое время он успел сделать столько, чего не смогли десятки и сотни секретарей партии, командиров воинских частей, производства. Прибыв в нашу дивизию, он беседовал чуть ли не с каждым воином, вселяя веру в победу, побывал на всех опасных участках обороны, давал советы. С собой Берия привел группу снайперов с бесшумными спецвинтовками, которые начали изготавливать в погранвойсках НКВД СССР с конца 1938 года».

Как пригодились снайперы в битве за Кавказ. Ведь один снайпер мог запереть на перевалах и отрогах Кавказа роту врага. Вместе с проводниками-сванами они заняли все ключевые точки и сыграли в битве за Кавказ важную роль. Кстати, о роли Сванетии, его жителей написано, к сожалению очень мало. А ведь из их числа было создано несколько истребительных рот, разгромлены отборные части немецкой горнострелковой дивизии как на перевалах, так и в Баксанском ущелье.

В битве за Кавказ фронт и тыл составляли одно целое. В те тревожные дни на тбилисском стадионе «Динамо» состоялся грандиозный митинг трудящихся Грузии, Армении и Азербайджана, выражалась готовность сделать все для победы над врагом. Несмотря на то, что теперь из центра доставляли лишь самолеты, танки и орудия, все остальное – минометы, автоматы, гранаты, патроны – производилось на месте. Повсюду строилась эшелонированная оборона, где работали десятки тысяч граждан. Многонациональный кавказский дом был един и сплочен в дни войны.

В Грузии были развернуты 72 эвакогоспиталя. Кстати, в одном из них добровольцем трудилась супруга генерала Леселидзе Нино Шецирули. Страна маленькая по территории смогла приютить сотни тысяч беженцев из оккупированных районов СССР, всех их надо было накормить, обустроить, найти для них работу.

А сколько было добрых дел грузинских деятелей науки и культуры. Верико Анджапаридзе, Михаил Чиаурели, Симон Джанашиа, Константин Мерабишвили, Акакий Хорава, многие другие внесли в фонд обороны свои сбережения. Очень помог в этом деле и Патриарх Грузии Калистрате Цинцадзе.

Уже в 1943 году, в год победы в битве за Кавказ, объем промышленности Грузии по сравнению с 1939 годом увеличился вдвое. Больше продукции стало давать сельское хозяйство.

Берия, нарком и заместитель председателя ГКО, второй раз побывал на Кавказе 7-31 марта 1943 года.

Именно тогда генерал Константин Леселидзе был назначен командующим 18-й армией, которой до января того года командовал Андрей Гречко. Эти два выдающихся полководца сыграли огромную роль в героической обороне Кавказа, а затем – в освобождении его от фашистов. Это произошло ровно 70 лет назад. 9 сентября началась завершающая стадия битвы за Кавказ – Новороссийско-Таманская операция, в результате которой была прорвана сильно укрепленная т.н. «Голубая линия» и 16 сентября был освобожден Новороссийск, по образному высказыванию Сталина – «ворота Закавказья». Полностью завершилась битва за Кавказ – одна из самых продолжительных в истории Второй мировой войны – освобождением Таманского полуострова от фашистов 9 октября 1943 года.

Долгие годы замалчивалась роль в битве за Кавказ целой когорты грузинских чекистов. Кто сегодня помнит наркома НКВД Северной Осетии Андро Зоделава, героически погибшего на первой линии фронта у г. Орджоникидзе 2 ноября 1942 года. Кстати, легендарный адмирал флота Советского Союза Иван Исаков наш земляк – он жил на улице Бесики. Кто сегодня знает о командующем Грузинском пограничного округа Несторе Лабадзе, первом грузинском советском генерале (вместе с Павлом Абрамидзе), возглавившем одновременно истребительные батальоны, которые ликвидировали десятки диверсионных групп. К концу битвы за Кавказ Нестор Лабадзе стал генерал-лейтенантом, кавалером 8 боевых орденов. Что сегодня скажет читателю имя генерал-майора госбезопасности Иллариона Гагуа, скончавшегося в Сухуми в 1951 году. Почти два с половиной года он после службы в НКВД Грузии находился в Москве, в должности первого заместителя коменданта Кремля, а перед войной возглавлял НКВД Абхазской АССР. Как мне рассказывал генерал Владимир Зарелуа, если бы не Илларион Гагуа и другие грузинские чекисты, фашисты превратили бы Абхазию в полный хаос.

Несмотря на старания лжепатриотов очернить историю Великой Отечественной войны, время все расставит на места. Подвиг советского народа, как и героизм фронта и тыла битвы за Кавказ – это святое на века. Народ Грузии, патриоты никогда не забудут имя командира генерал-полковника Константина Леселидзе – одного из главных участников битвы за Кавказ. Он с командиром Николаем Пуховым первый в СССР и единственный в Грузии был удостоен высших полководческих орденов Суворова, Кутузова, Богдана Хмельницкого первых степеней. В годы войны из семьи Леселидзе на фронтах сражались все четыре брата. Валериан погиб под Керчью в 1942 году, в далекой Карелии пал смертью храбрых Виктор, в 1944 году от фронтовой раны скончался Константин. В живых после войны остался лишь Давид. Двое из братьев Леселидзе – Виктор и Константин – стали Героями Советского Союза. Таких семей с двумя героями было в СССР всего девять...

В битве за Кавказ Героями Советского Союза стали Алексей Пирмисашвили, Владимир Канкава, Владимир Лурсманишвили, Николай Гогичаишвили, Унан Аветисян, Сергей Борзенко, Кафур Мамедов, Валентин Эмиров, Петр Барбашев, Хаджиумар Мамсуров, Иосиф Лаар и другие. Первую звезду Героя легендарный летчик Александр Покрышкин получил, сражаясь в небе Кавказа. В 1944 году 1 мая была учреждена медаль «За оборону Кавказа», которой были награждены около 600 тысяч человек.

Вечная слава участникам битвы за Кавказ, вечная слава!

Леван ДОЛИДЗЕ

АЛЕКСАНДР МЕЖИРОВ (1923-2009)

К 90-летию со дня рождения

Грузия занимала особое место в его жизни и поэзии. Он не только много писал о ней, переводил грузинских поэтов. Мало кто знает, что Александр Межиров мечтал жить и умереть в Грузии. Вот как об этом рассказал в своих воспоминаниях поэт Михаил Синельников: «Ночью из Штатов позвонил Александр Петрович Межиров. Говорили свыше часа, как в былые года. Но тогда звонки были с Красноармейской или из Перedelкина. Сейчас же он даже не в Нью-Йорке, еще дальше – в тихоокеанском Портленде, где преподает славистам курс «Малоизвестные русские поэты»... Александр Петрович обсуждал литературные и нелитературные дела, расспрашивал о знакомых. Вдруг сообщил, что Евтушенко, вернувшийся из Тбилиси, передал ему предложение Шеварднадзе поселиться в Грузии: «Межиров, говорил, что хочет здесь умереть... Пусть живет!» А.П. сознался, что несколько дней бредил старыми тбилисскими улицами. В частности, любимой улицей Дзnelадзе – как-то она сейчас называется, но дома, надо думать, на месте. Однажды вечером мы с ним прошли ее всю, и он рассказывал их историю и историю живших здесь... Мне так понятна и тоска русского поэта по Грузии, и неодолимая, видимо, привычка Грузии к русской поэзии! А.П. сообщил, что от предложения, к сожалению, откажется. Нет сил даже до Нью-Йорка добраться...»

СЛОВО НА КАХЕТИНСКОМ ПРАЗДНИКЕ

Я знаю цену этому вину.
Я в нем не захлебнусь, не утону.
Сквозь грань стекла, через прозрачный сок
Я вижу опаленную страну.

Мне слышен треск сгорающей лозы,
И женский плач летит во все края,
И в каждой винной капле вижу я
Залекшуюся капельку слезы.

Прошедший сквозь великую войну,
Я знаю цену этому вину,
Не как историк, а как винодел,
Который прожил в Грузии века,
На Тамерлана с яростью глядел,
А в этот день помолодел слегка.

БЕССОННИЦА

Хоронили меня, хоронили
В Чиатурах, в горняцком краю.
Черной осыпью угольной пыли
Падал я на дорогу твою.

Вечный траур – и листья, и травы
В Чиатурах черны иссиня.
В вагонетке, как уголь из лавы,
Гроб везли. Хоронили меня.

В доме – плач. А на черной поляне –
Пир горой, поминанье, вино.
Те – язычники. Эти – христиане.
Те и эти – не все ли равно!

Помнишь, молния с неба упала,
Черный тополь спалила дотла
И под черной землей перевала
Свой огонь глубоко погребла?

Я сказал: это место на взгорье
Отыщу и, припомнив грозу,
Эту молнию вырою вскоре
И в подарок тебе привезу.

По-иному случилось, иначе –
Здесь нашел я последний приют.
Дом шатают стенанья и плачи,
На поляне горланят и пьют.

Или это бессонница злая
Черным светом в оконный проем
Из потемок вломилась, пылая,
И стоит в изголовье моем.

От бессонницы скоро загину, –
Под окошком всю ночь напролет
Бестолково заводят машину,
Тарахтенье уснуть не дает.

Тишину истязают ночную
Так, что кругом идет голова.
Хватит ручку крутить заводную,
Надо высушить свечи сперва!

Хватит ручку вертеть неумело,
Тарахтеть и пыхтеть в тишину,
Вам к утру надоест это дело –
И тогда я как мертвый усну.

И приснится, как в черной могиле,
В Чиатурах, под песню и стон,
Хоронили меня, хоронили
Рядом с молнией черной, как сон.

ЗОЛОТО НА ГОЛУБОМ

Осень. Сказочный чертог,
 Всем открытый для обзора.
 Просеки лесных дорог,
 Заглядевшихся в озера...
 Где деревья в сентябре
 На заре стоят попарно,
 И закат на их коре
 Оставляет след янтарный.

Борис Пастернак. «Золотая осень»

Уютный шорох листьев под ногами, хрустальная хрупкость, зависшая в воздухе, надтреснутость звуков, солнечный свет, еще балующий мягким теплом, паутинное царство паучков-бокоходов, утренние и вечерние первые заморозки. И все это осень – она расставляет свои акценты, проникает в твои мысли, и словно дирижер, диктует настроение. Она привносит свою осеннюю нотку, дарит сказку и хочется, чтобы она длилась без конца...

Одной из трактовок Владимира Даля происхождения слова, обозначающего это время года, было: осень – осенять...

«Сентябрь – праздник, который всегда с тобой...» («Аквариум»)

Первый месяц осени – сентябрь, в русском фольклоре это вечер года, листопад, хмурень, летопроводец.

11 сентября Русская Православная Церковь отмечает день усекновения главы Иоанна Крестителя. В народе он именуется днем Ивана Постного: *Иван Постный пришел, лето красное увел*. На праздник готовят постную еду и поминают павших в боях воинов.

Запрещено устраивать пения и пляски в память о том, что Саломея, падчерица Ирода Антипы, танцем заполучила голову Иоанна Предтечи. У этого праздника есть еще одно название – Головосек, с чем и связана у крестьян примета не брать нож в руки, ведь в этот день была пролита невинная кровь.

14 сентября, когда почитают Симеона Столпника, Семена-летопроводца, начинается бабье лето, когда «день стоит как бы хрустальный и лучезарны вечера» (Ф.Тютчев).

В Древней Руси Семен-день считался сроком, когда производились взносы государственных податей, а также это было время судебных тяжб и разбирательств.

21 сентября – один из двенадцатых праздников – Рождество Пресвятой Богородицы или, как его еще называют, Малая Пречистая (Большая Пречистая отмечается в день Успения Богородицы 28 августа). В народе это праздник урожая – Осенины или Оспожники, когда устраивались празднества благодарения кормилице-Земле. После распространения христианства Мать-Земля у крестьян отождествлялась с Богомате-

рю. Иногда гуляния длились неделю – созывались гости, накрывались столы, начиналось пиршество...

Вслед за ним следует день осеннего равноденствия, он выпадает на 22, иногда на 23 сентября.

На Руси два дня Петра и Павла – большой да малый, летний да осенний. 23 сентября – день памяти Петра-Павла Рябинников. Кроме того это именины рябинового деревца. С этой поры ягоды наливаются, теряют горечь и можно приступать к их сбору. Как у древних скандинавов и кельтов, так и у славян рябина считалась магическим и ритуальным растением. Существует добрая примета – украшать дом веточками рябины, чтобы отогнать беду. *Без рябины осень скучна.* Красные кисти в осеннем лесу – это еще и птичья радость на зиму.

У Петра Вяземского есть поэтические строки: *Тобой, красивая рябина,/ Тобой, наш русский виноград,/ Меня потешила чужбина,/ И я землячке милой рад.*

Интересно, что первый в России виноградник заложили в XVII веке в Астрахани в период царствования Михаила Федоровича. И уже позже по приказу Петра Великого из Европы начали выписывать лучшие сорта винограда и, конечно же, специалистов в деле виноградарства. Фраза, приписываемая Плинию Старшему, «*in vino veritas*» и блоковская строчка «*истина в вине*» в сентябре особенно актуальна. Многие языковеды полагают, что русский эквивалент этой поговорки: *Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке.*

Сентябрь – время сбора винограда, когда съезжается большая семья и приступает к важнейшему действию – одному из самых главных и любимых в году. Процесс этот сложный и одновременно радостный – это долгожданный праздник крестьянской души и его кропотливого труда. В Грузии традиция «ртвели» древ-

нейшая. Собственно говоря, это особого рода философия, имеющая глубокие корни.

*Собирайтесь-ка, гости мои, на мое угощенье,
Говорите мне прямо в лицо, кем пред вами слыву,
Царь небесный пошлет мне прощенье
за прегрешенья,
А иначе зачем на земле этой вечной живу.*
(Булат Окуджава)

Вселенские бабьи именины: 30 сентября отмечают день памяти христианских святых Веры, Надежды, Любви и матери их Софии – мучениц, имена которых созвучны трем основным добродетелям в христианстве. В русской традиции в этот день женщины, прежде чем приступить к приготовлению праздничной еды должны оплакать себя, своих родных и близких.

У древних греков существовал миф о Пандоре – обладательнице ларца, где хранились все беды и болезни человеческие, и, которая, не сдержав свое любопытство, заглянула в него, выпустив их на свет. Выражение «*открыть ящик Пандоры*» означает совершение необратимого действия, ведущего к бедствиям. На дне ящика осталась только надежда – самое большое зло, которое даже Зевс не решился отпустить. В жестоком языческом мире надежда – зло. Христианство же привело человечество к милосердию и любви к ближнему, дало веру и надежду на Спасение и обретение Царства небесного.

*Сентябрь, не отводи твое крыло,
твое крыло оранжевого цвета.
Отсрочь твое последнее число
и подари мне промедленья это...*
(Белла Ахмадулина)

Алена ДЕНЯГА

▲ У дома на пр.Агмашенебели, 171

РУКОТВОРНЫЕ СОКРОВИЩА

Нынешний год для Латышского общества Грузии «Ave Sol!» начался с неприятной новости – с дома на пр.Агмашенебели, 171 исчезла мемориальная доска, которую в 2000 году открыли министр иностранных дел Латвии Индулис Берзиньш и латышская диаспора Грузии своему знаменитому соотечественнику художнику Юлию Страуме. Наши поиски ни к чему не привели, никто из рабочих, производящих ремонтные работы здания, ничего об этой доске не знал. Пришлось искать дальше. Когда мы нашли руководителя этих работ, он нас уверял, что все скоро будет возвращено на место. Но не так-то было.

Посольство Латвии и, в частности, посол, госпожа Элита Гавеле, начали интересоваться этим зданием, поскольку в марте этого года исполнилось 20 лет со дня восстановления дипломатических отношений между Латвией и Грузией, и были запланированы торжественные мероприятия. А первая дипломатическая миссия Латвии в 1920-1921 годах работала именно в этом здании, Юлий Страуме выполнял обязанности консула. Оказалось, что цветы возложить в этот день некуда, мемориальной до-

ски нет.

Когда мы приехали на место в следующий раз, доски на здании по-прежнему не было, мы открыли парадные двери и на лестничной площадке начали искать мемориальную доску. С большим трудом в куче мусора мы обнаружили, что искали, и увезли доску для реставрации. К юбилейным событиям 11 марта 2013 года доску вернули на место, и ее украсили цветами и флажками Латвийской Республики.

Юлий Страуме в этом здании жил и работал, но это были последние годы его жизни в Грузии. Он покинул ее в 1924 году, прибыл в 1907 году.

Почти в те же юбилейные дни из Латвии пришла очень хорошая новость – один из ковров, сделанный Ю.Страуме уже в Риге, признан сокровищем латвийских музеев. Портал DELFI.lv и Государственный музей искусства Латвии в этом году проводят проект «100 сокровищ музеев Латвии», группа экспертов изучает многолетнее наследие предметов искусства, представленное в музеях, и отбирает шедевры.

Ковер Страуме, который находится в Музее декоративного и прикладного искусства Латвии, занял почетное место среди сокровищ музеев под номером 43.

В 1999 году в Латвии отмечали юбилей художника – 125 лет со дня его рождения. Латышское общество Грузии «Ave Sol!» присоединилось к этим событиям после того, как с нами познакомилась автор книги «Юлий Страуме. Художник» Лайма Клявиня. Вместе с ней мы изучили грузинский период биографии Ю.Страуме, как оказалось невероятно интересный. А потом провели конференцию в музее, который он создавал – Госму-

зей народного и прикладного искусства Грузии. На конференции была принята резолюция с просьбой об открытии мемориальной доски Юлию Страуме в Тбилиси.

Летом того же года несколько членов Латышского общества Грузии вместе с представителями грузинского общества Латвии «Самшобло» продолжили юбилейные мероприятия в Риге, на совместном торжественном мероприятии в Музее декоративного и прикладного искусства Латвии наша делегация фотографировалась на фоне ковра, выполненного по эскизу Ю.Страуме. Когда я нашла эту фотографию в архиве нашего общества, то подумала, что работа Латышского общества Грузии тоже стала составной частью истории, и вместе с Юлием Страуме мы причастны к укреплению латышско-грузинских отношений.

Юлий Страуме не был знаменитым и признанным

▲ Юлий Страуме

при жизни. Когда читаешь его дневники и письма к жене, создается впечатление, что вся его жизнь была борьбой за выживание, он все время был в поисках рабочего места и заработка. Особенно это относится к рижскому периоду жизни. Где он только не работал – в школе учителем рисования, в тюрьме обучал заключенных ремеслу, в Дамском клубе знакомил с персидской техникой создания ковров, которую он хорошо изучил в Тбилиси, работая художественным руководителем мастерских при Кавказском кустарном комитете. Ковер, признанный сокровищем латвийских музеев, соткан именно в Дамском клубе Риги.

Юлий Страуме месяцами мог делать рутинную работу, по миллиметрам копируя узоры кавказских ковров. В Музее народного и прикладного искусства Грузии хранится почти 500 единиц этих образцов. И они в опасности, это ведь бумага, в лучшем случае ватман, что говорит об их недолговечности. Было бы полезно, если Министерство культуры или какая-то другая организация задумались о переводе этого богатства в

цифровой формат, ведь сегодня это уже не проблема. Нужно решение и воля. Может быть, и Посольство Латвии сможет что-то предложить.

И тут я подхожу к последнему событию, которое побудило меня соединить события этого года в один рассказ о Юлие Страуме (в будущем году исполняется 140 лет со дня рождения художника).

В мае 2013 года моим коллегой по Тбилисскому госуниверситету им. Ив.Джавахишвили Сандро Нонишвили был издан альбом «100 музеев Грузии», изданный на трех языках – грузинском, русском и английском. Я с трепетом открывала эту книгу и внимательно искала, где «наш» музей. Он находится под номером 11, и в тексте о нем три раза упоминается Юлий Страуме. Разве это не повод для гордости!?

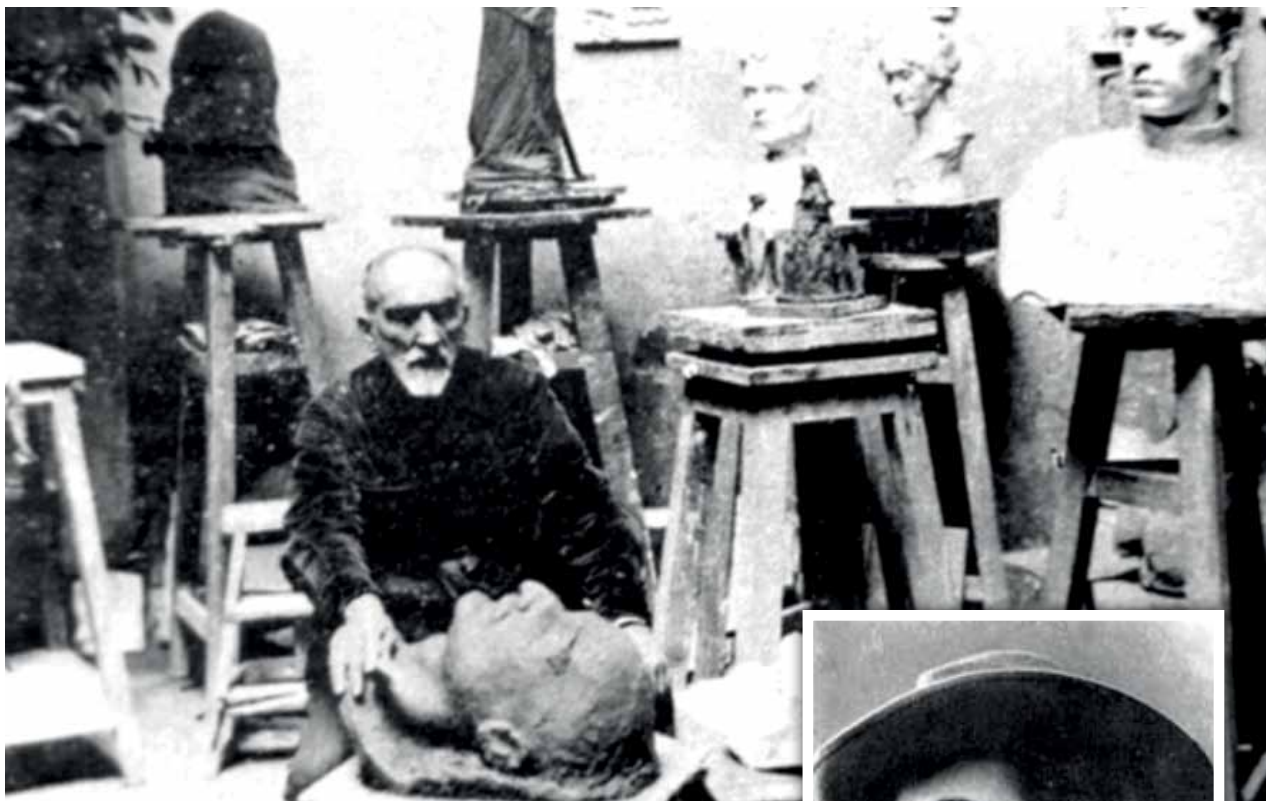
После отъезда Ю.Страуме в Латвию в 1924 году, о нем вспоминали в 1925 году, когда на Всемирной ярмарке народного искусства в Париже ковер «МИРИ», который был создан в кустарных мастерских Тбилиси при непосредственном участии художника, получил золотую медаль. Награду получил и второй ковер, созданный там же – «Надироба» («Охота»). Его создавали Ю.Страуме и Давид Цицишвили. А сегодня за коврами и ковриками в Латвии уже идет настоящая «охота» - Ю.Страуме стал модным.

В 2013 году есть еще одна причина вспомнить о Юлие Карловиче Страуме и Госмузее народного и прикладного искусства Грузии. Датой создания музея считается 1899 год. Но первая экспозиция официально была открыта 29 сентября 1913 года в парке Муштаид в здании, построенном для музея. Задачей его был сбор лучших образцов народного художественного творчества и кустарного искусства Кавказа. Особое внимание уделялось традиционным отраслям – ковроткачеству, ювелирному искусству, обработке материалов и национальным костюмам. Здесь же была красильная мастерская для окраски шерстяных, льняных и шелковых ниток, лаборатория по проверке качества красильных материалов. Музей одновременно представлял методико-практический центр развития кустарного промысла, с момента своего создания активно участвовал в международных выставках, демонстрируя образцы изобразительного искусства художников, которые не принадлежат к профессиональным, но их работы всегда пользовались большим успехом.

Для Юлия Страуме Вторая Всероссийская сельскохозяйственная выставка в Санкт-Петербурге в 1913 году стала триумфальной. Он по поручению сенатора Эмануэла Вотаци был ответственным за отбор образцов кустарного производства и создание экспозиции мастеров Кавказа на этой выставке. Специально для этой выставки под его руководством была создана коллекция серебряных ювелирных изделий, за которую он был награжден Золотой медалью. Губернатор Тифлиса за профессиональную работу при устройстве выставки наградил Юлия Страуме званием почетного гражданина Тифлиса. Копия документа о присуждении звания почетного гражданина Ю.Страуме и его супруге хранится в Архиве Латышского общества Грузии.

Мы надеемся, что осенью 2013 года в Тбилиси будет отмечаться столетие Госмузея народного и прикладного искусства Грузии, и намерены внести свой вклад в это событие. Эту статью я рассматриваю как заявку Латышского общества Грузии «Ave Sol!» на активное участие в будущих торжествах.

Регина ЯКОБИДЗЕ

ПАРИЖСКИЕ НАХОДКИ

▲ Яков Николадзе

Они пока немногочисленны, но надежда окрыляет: спустя десятилетия, я ищу следы пребывания и творчества в Париже тех, кто сегодня является гордостью и славой грузинского искусства: Яков Николадзе, Ладо Гудиашвили, Давид Какабадзе, Елена Ахвледиани, Кетеван Магалашвили, Шалва Кикодзе... По возвращении на родину они вспоминали парижский период своей жизни, но в силу определенных обстоятельств той эпохи – довольно скупо.

Мне не раз доводилось бывать в музее Огюста Родена (1840-1917). На сей раз я попала сюда со служебного входа и со вполне определенной целью: найти свидетельства деятельности выдающегося грузинского скульптора Якова Николадзе (1876-1951) в мастерской О.Родена, в 1906-1907 гг. Удивительно доброжелательно и радостно восприняли мое намерение сотрудники музея (директор – Катрин Шевийо): Вероник Матиусси, заведующая историческим архивом, и Элен Пине, научный директор фототеки музея.

Вопреки правилам музея, мне любезно предоставили ксерокопии всех документов, связанных с именем Я.Николадзе. Документов немного, но как бережно они хранятся (вплоть до визитной карточки Я.Николадзе!): письма молодого Якова Николадзе Родену, расписки с суммами за проделанные работы, вырезки из советских и французских газет с упоминанием Я.Николадзе. Здесь хранится также книга Фредерика В.Грюнфельда

«Роден. Биография» (Нью-Йорк, 1987 г., на английском языке). В ней автор рассказывает о молодом скульпторе из Тифлиса, помощнике Родена, и не раз цитирует его. Ф.Грюнфельд рассказывает о некоторых эпизодах творческого сотрудничества Я.Николадзе и Родена. О том, как Я.Николадзе приходилось нелегко выполнять поручения мэтра, но однажды ему довелось услышать от него похвалу: «Неплохо». Это звучало высшей оценкой в устах строгого, требовательного и даже подчас сурового француза. В другой раз мэтр сказал молодому ассистенту: «У вас твердая рука, вы преуспеете, вне всякого сомнения». Я.Николадзе жил в Париже по улице Фальгьер, №9 (в пятнадцатом округе Парижа), но работал в ателье Родена на вилле «Алмазы» в Медоне, в 9 км от Парижа. Чуть позже, по приглашению мэтра Я.Николадзе поселился здесь. Ему выделили отдельную комнату и предоставили стол и другие удобства. Я.Николадзе навсегда запомнил слова О.Родена: «Мысль рисует, а сердце лепит».

Впрочем, о жизни и работе у великого скульптора можно прочесть в книге Я.Николадзе «Год у Родена» (Тбилиси, 1977 г., второе издание). В ней автор рассказал о том, как он попал к 65-летнему мэтру через сестру жены председателя Общества русских художников Виктора Голубева, Дину Васильевну, и объяснил свое стремление так: «Я не вернусь в Грузию, пока не изучу в совершенстве скульптуру».

Влияние О.Родена на молодого грузинского скульптора было определяющим. Он не утратил свои творческие убеждения и самостоятельность, а наоборот, приумножил и развил их благодаря Родену, научившему его глубокому постижению мира человека. Все дубликаты материалов, подаренных сотрудниками Музея О.Родена в Париже, я привезла в Дом-музей Я.Николадзе в Тбилиси, к радости его куратора, внука Я.Николадзе, Гурама Николадзе. Вместе с Гурамом, сотрудниками Гос. Музея искусств Грузии Наной Шервашидзе и Мананой Челидзе мы засняли все хранящиеся в Доме-музее материалы, связанные с жизнью и творческой деятельностью Я.Николадзе у Родена.

Все это с большой радостью и благодарностью приняли сотрудники Музея Родена в Париже. По их словам, теперь они смогут восполнить вакуум в фонде Я.Николадзе. Благодаря Гураму Николадзе фонд пополнился и книгой Я.Николадзе «Год у Родена», и альбомом И. Урушадзе «Яков Николадзе. Жизнь и творчество» (Москва, 1968 г.), а также графической работой самого Гурама. Сотрудники Музея Родена были приятно удивлены тем, что Дом-музей Я.Николадзе в Тбилиси находится на улице, носящей с 1930-х гг. имя французского скульптора (названной так по просьбе самого Я.Николадзе), и тем, что рядом с ней находится и улица им. Я.Николадзе. Пришлось рассказать и о том, что Я.Николадзе заложил основы развития реалистической портретной скульптуры в Грузии и был народным художником СССР, академиком, профессо-

▼ Дом-музей Я.Николадзе на ул.Родена в Тбилиси

▲ Элен Пине, Анна Филатова, Вероник Матиусси и Ирина Дзуцова. Музей Родена. Париж. 2013

▲ Манана Челидзе, Нана Шервашидзе, Гурам Николадзе и Ирина Дзуцова. Дом-музей Я.Николадзе. Тбилиси

ром Тбилисской Академии художеств (1922-1951), воспитавшим целую плеяду молодых скульпторов Грузии, что в грузинском искусствознании творчество Якова Николадзе – это «первое слово грузинской пластики после многовекового молчания» (по словам академика Шалвы Ясоновича Амиранашвили), что его работы воспринимаются на уровне лучших произведений русской и европейской скульптуры конца XIX в. - начала XX в. В знак признания заслуг родоначальника школы грузинского ваяния правительство Грузии построило ему дом-мастерскую. Таким образом, мой рассказ и материалы, привезенные из Тбилиси в дар Музею Родена, стали своеобразным ответом на вопрос сотрудников музея при нашей первой встрече: «А насколько известен Яков Николадзе в Грузии?» Тогда я ответила, что Яков Николадзе для Грузии – это то же, что Огюст Роден для Франции.

Вероник Матиусси и Элен Пине рассказали о своих планах создания музейного проекта, в первую очередь, об издании книги Якова Николадзе «Год у Родена» на французском языке. Это радует, как и то, что в фондах музея работает над диссертацией на тему творческих взаимоотношений О.Родена со своими русскими ассистентами, в том числе с Яковом Николадзе, молодой специалист из России Анна Филатова.

Огюст Роден – фигура мирового масштаба в истории искусства. Надо надеяться, что творчество Якова Николадзе теперь будут лучше знать во Франции.

Ирина ДЗУЦОВА
Доктор искусствоведения

ПОВЕСТЬ ОБ АКТРИСЕ

Фатьма Мухтарова – легендарная личность. Ее жизненный путь пролегал от маленького городка на границе Белоруссии и Польши, где встретились ее родители – польская татарка Сара Хасеневич и азербайджанец из города Урмия, Аббас Рзаев, через Петербург, где изыбшая 10-летняя Катя, бродя по колодцам-дворам, коверкая русский язык, старательно пела под шарманку «Сухую корочку» - и дальше через всю огромную страну. Поволжье, Урал, Кавказ, где ей рукоплескали самые взыскательные ценители оперного искусства.

Линия ее судьбы в разные годы пересекалась с жизнью бакинских нефтяных магнатов и российских меценатов, генерала Врангеля и Сталина, Шаляпина и Собинова, Зимина и Козловского, Гусейна Сарбского и Муслима Магомаева... Ее обожали, ею восхищались, закармливали цветами и подарками.

Предлагаем фрагменты из книги «Повесть об актрисе» Светланы Курочкиной, бакинского журналиста и литератора, внучки певицы.

АФИША

В четверг 24 мая 1912 г. Проездом только один КОНЦЕРТ даст известная певица-шарманщица КАТЯ МУХТАРОВА. Весь сбор поступит на получение Катей Мухтаровой музыкально-вокального образования. Надеемся, что камышинская публика посетит концерт талантливой девочки, и тем самым даст ей возможность оставить улицу и получить музыкально-вокальное образование и стать впоследствии знаменитой певицей. НЕ ДАЙТЕ ПОГИБНУТЬ ТАЛАНТУ!

У входа в Саратовскую консерваторию оживленно. Яркий свет выплескивается из окон, освещая толпящихся на улице, «зажигает» драгоценности дам, погоны офицеров.

- Пардон, мадам, а что, эта маленькая девочка действительно прилично поет?

- Она, говорят, с Кавказа.

- Ах, просто восхитительно, дитя природы!

- Вот она, вот она... В карете, мой бог, посмотрите: бальное платье, белые перчатки, манто! Наши дамы постарались!

Околоточные надзиратели, не моргнув глазом, взяли под козырек, не подав виду, что только вчера утром прогоняли «концертанку» с площади, где она пела под шарманку.

Пристав Зубков бросился снимать с нее шубу. Полицейским, охранявшим вход, был отдан приказ: не впускать в помещение мать и отца девицы – они грозились, что разнесут все и вся, так как не могут потерпеть такого позора...

МУЗЫКАЛЬНОЕ ВСТУПЛЕНИЕ

Иногда отблески золотисто-алых закатов ранней бакинской осени добираются до стены за роялем, где висят бабушкины портреты в разных ролях. И тогда они выступают из мрака, освещенные ярко, будто работает театральный осветитель.

Сначала оживает Далила. Она стоит, закинув руки за голову, чуть придерживая легкое шелковое покрывало, которое вот-вот соскользнет с нее, и на сцене, перед затаившим дыхание зрительным залом, предстанет стройная полуобнаженная женщина ослепительной красоты. Потом предзакатные лучи освещают царицу Амнерис, гордую дочь фараона, точно сошедшую со старинной египетской фрески; здесь она во всем своем царском величии. А вот в яркую полосу предзакатного солнца попала Кармен. Это сцена из первого акта – и волосы ее разметались в беспорядке, глаза горят бешенством и яростью: это – ведьма. «Не боюсь даже черта!..» - словно кричит она. И тут же рядом Любаша – роскошные одеяния, парча и кружева, изящные украшения, а в глазах – отчаяние и безысходность женщины, чья несчастная судьба не раз заставляла многих зрительниц проливать горькие слезы.

Продолжая свою предзакатную игру, солнечные лучи выхватывают из сумерек сияющие, добрые, чуть с лукавинкой глаза. Это – не роль, это сама Фатьма Мухтарова.

Перед тем, как погаснуть совсем, последний солнеч-

▲ Фатима Мухтарова в ролях

ный луч вновь освещает Далилу, коварную обольстительницу Самсона. На большом цветном портрете Фатима вместе с Самсоном – Давидом Андгуладзе. Самсон в леопардовой шкуре, склоненная над ним Далила обвиняет его руками, глаза обоих светятся страстью...

Я знаю, что еще мгновение и все потускнеет, а затем погаснет. Но пока последний солнечный луч еще раз выхватывает из мрака сверкающие глаза, которые смотрят на меня из незабвенных времен расцвета своего таланта, молодости и красоты.

ИЗ ГЛАВЫ «ТИФЛИС»

Именно так называла бабушка этот город, который любила и считала своей второй родиной. В юности она не раз бывала здесь и пела в тифлисских дворах, на базарах, в духанах. Здесь хорошо платили, а народ был добрый и веселый. «Бывало, пою в духане, - вспоминала бабушка, - а хозяин нальет мне в стакан сухого вина и опустит туда серебряную монету: выпьешь – твое». Такое могло быть только в Тбилиси, городе многоликом, пестром и очень добром.

Приглашение на гастроли в оперный театр тогда еще малоизвестной зрителям актрисы происходило от директора театра Ивана Петровича Палиашвили, брата знаменитого композитора. Приехали всей семьей из вымирающего от голода Поволжья. «Приехали и не поверили глазам, - вспоминала бабушка, - в магазинах белый хлеб и мясо, не говоря уже о зелени и фруктах: ешь – не хочу. Первое время только и делали, что ели. Никак не могли насытиться».

На уверенную в себе гастролершу исхудавшая и более чем скромно одетая молодая женщина была мало похожа. А встречают, как известно, по одежке...

Ситуацию изменил спектакль «Кармен», первый в гастрольной программе. Уже после первого акта недоверие уступило место полному и безоговорочному признанию Мухтаровой. Партнером ее тогда был Ваносараджишвили. Он опустошил цветочную клумбу у театра, чтобы подарить цветы Кармен-Фатиме.

В своей книге «По трудному пути» актер и режиссер

Михаил Квалиашвили пишет о первых гастролях Мухтаровой: «Я помню очень хороших исполнительниц роли Кармен... но Фатима Мухтарова затмила всех. Она имела шумный и вполне заслуженный успех и сделалась любимицей тбилисской публики, которая всегда заполняла зал до отказа на всех спектаклях с ее участием. Совершенно исключительным партнером Мухтаровой в опере «Кармен» был Ваносараджишвили. Оба они – горячие, темпераментные, глубоко чувствующие образ и умеющие максимально выразить свои чувства, дополняли друг друга и своим исполнением поднимали накал развигтия спектакля до предела...»

Давид Андгуладзе и Сандро Инашвили также были достойными партнерами Фатимы.

В марте 1933-го не стало директора театра И.Палиашвили. В театре появился новый директор – Чкония, а главным дирижером стал Евгений Микеладзе, яркая и очень одаренная личность. К сожалению, он стал жертвой репрессий и погиб в 34 года, в расцвете своего дарования.

1935-1936 годы Мухтарова провела в Тбилиси, где пела весь сезон. Именно в этом театральном сезоне была поставлена опера Верди «Трубадур». В этой опере она исполняла трагическую роль старой цыганки Азучены. Партнерами ее были Давид Андгуладзе, Петре Амирашвили и Нина Валацци, с которой она впоследствии работала в Бакинской опере.

Двадцатилетие своей творческой деятельности Мухтарова отмечала в Тбилиси 15 февраля 1936 года. В юбилейную комиссию вошли композитор Глиэр, художник Бродский, актеры Козловский и Нежданова, дирижеры Мелик-Пашаев и Самосуд. Был издан красочный буклет. В программе юбилейного вечера были 1-й акт «Кармен», 2-й акт «Трубадура» и последний акт «Аиды».

Правительство Грузии, учитывая заслуги Ф.Мухтаровой на сцене, представило ее к званию «Заслуженная артистка Грузии». Но в правительстве не учли одного немаловажного обстоятельства: Фатима Мухтарова была иранской подданной и не имела права получать награды другого государства. Только в 1936 году, проработав на сценах многих театров Союза, Фатима вспомнила (и то в связи с награждением), что она гражданка Ирана. Вот при каких обстоятельствах Мухтарова стала, наконец, гражданкой СССР и получила свою первую заслуженную награду.

Со всех концов Союза шли поздравления с юбилеем от многочисленных поклонников и товарищей по сцене. Вспомнил о своей актрисе и Сергей Иванович Зимин: «Счастлив, что в моем театре начиналась ее творческая жизнь». Анна Ахматова написала в своем поздравлении: «Талантливейшей певице, артистке, женщине горячий привет. Живите. Радуйтесь, радуйте долгие годы». Гусейн Сарабский из Баку написал: «Да здравствует незаменимая Кармен и Далила! Яшасын Фатима!» В нашем семейном архиве сохранилась фотография того юбилейного вечера – море цветов, а в середине – виновница торжества и ее многочисленные друзья и коллеги.

Именно Тбилиси предназначено было сыграть в жизни актрисы особую, окрашенную грустью роль города, где она в последний раз вышла на сцену в прощальном концерте. Это было 12 ноября 1953 года. К тому времени бабушка не работала в театре. Живя постоянно в Баку и проработав непрерывно на сцене театра оперы и балета им. М.Ф. Ахундова 15 лет, она вынуждена была по настоянию руководства театра уволиться с работы. Переживая очень тяжело свой уход из театра, она буквально не находила себе места. Чтобы как-то облегчить душу, она решила съездить в Грузию к своей любимой подруге Зине Пугачевой. Находясь в Тбилиси, Фатима в один из дней решила навестить коллегу по искусству в оперном театре. Когда она вошла в здание театра, оркестр, репетировавший в зале, остановил репетицию и заиграл увертюру из «Кармен». Все, кто находился в театре, окружили

Мухтарову плотным кольцом, и началась задушевная беседа.

В Тбилиси уже многие знали о ее уходе из театра, и весь творческий коллектив оперы был шокирован этим. Вскоре на квартиру Зины Пугачевой пришла делегация из театра, во главе с представителями дирекции. Ей предложили дать прощальный концерт и завершить свой творческий путь на сцене грузинского театра. Фатьма растерялась; она не ожидала этого, и не знала, что ответить своим друзьям. Но гости не отступали, и, в конце концов, Фатьма согласилась.

И вот настал этот вечер 12 ноября 1953 года – ее последнего выхода на сцену. В Тбилиси было разноцветье теплой, южной осени: белые хризантемы и алые гвоздики, и Мтацминда в ярком осеннем наряде... Тбилиси словно прощался с Фатьмой, а она – с ним, столь близким ее сердцу.

Вечером театр не мог вместить всех желающих побывать на этом концерте, зал был переполнен. В программе вечера были: 1-й акт все той же «Кармен», 2-й акт оперы Чайковского «Черевички» и последний акт «Аиды». Когда на сцене появилась Кармен, зал взорвался аплодисментами. И вот зазвучала хабанера, ее четкий и упругий ритм, и голос Фатьмы, выдававший вначале волнение, но затем набравший ту живительную энергию, которую так любили зрители.

Второй акт «Черевичек»: актеры «в ударе», публика хохочет, когда Мухтарова-Солоха прячет в мешки своих воздыхателей. Театральное действие в самом разгаре.

И, наконец, в заключение прощального вечера последний акт из «Аиды» – сцена суда Радамеса, трагедия и отчаяние Амнерис, теряющей любимого... Но это плачет не только распрощавшаяся в отчаянии на полу Амнерис, это плачет сама Фатьма: ведь это ее последние минуты на сцене. И притихший зал понимает это и тоже прощается с Кармен, Солохой, Амнерис, прощается с милостью божьей Актрисой.

И вот настал момент, когда труппа театра вышла на сцену. Начались прощальные речи, подношение цветов, подарков; объятия и слезы, как на сцене, так и в зрительном зале. Фатьма подходит к самому краю сцены: сейчас она должна сказать всем самое сокровенное, чем переполнена ее душа: «Я благодарная вам всем. Благодарна за вашу любовь и понимание, за то, что был этот прощальный вечер, и я почувствовала тепло ваших сердец. Я никогда этого не забуду. Солнечная Грузия – моя вторая родина». Она низко поклонилась залу. И, когда под несмолкаемые аплодисменты стал закрываться занавес, Фатьма закрыла лицо руками, чтобы не видеть, как этот занавес, который столько раз открывался перед ней, теперь закроется навсегда.

Весть о том, что Фатьма Мухтарова дала прощальный концерт в Грузии, разнеслась по городам Союза. К нам домой посыпались телеграммы из Саратова, Свердловска, Ташкента, Перми, Казани, Ленинграда, Харькова, всех не перечислить. Содержание было одинаково: ее приглашали на прощальные гастроли. Но повторить то, что было в Грузии, не представлялось Фатьме возможным. Она уже простилась в лице грузинской публики со всеми зрителями тех городов, где ей доводилось работать. Она навсегда простилась с Его Величеством театром, и повторять такое в разных городах ей было не под силу. Привыкнуть к мысли о том, что кончена ее актерская жизнь, было невыносимо трудно. Именно тогда ей пришла идея о сжигении своих костюмов, свидетелей ее успе-

ха и торжества. В огне погибли покрывало Далилы, веер из страусовых перьев Марины Мнишек, детали одеяния царицы Амнерис... К счастью, уцелели костюмы Кармен, и то, как я предполагаю, лишь потому, что были заперты в сундуке, и не попали ей под горячую руку.

Но связь с Тбилиси не прерывалась. Из Тбилиси шли письма, приезжали друзья. А в 1967-м в Баку приехала группа работников Грузинского телевидения во главе с тележурналистом Ириной Рзаевой. Ира – бывшая бакиннка, дочь известного оперного актера Ягуба Рзаева, бабушкиного партнера по сцене. Она написала сценарий телефильма о Фатьме Мухтаровой и ее творческих связях с грузинской оперой. Большая часть съемок проходила у нас дома.

И вот настал долгожданный вечер, когда Бакинское телевидение транслировало грузинскую передачу о Фатьме Мухтаровой. В тбилисскую студию пришли многие друзья бабушки и коллеги по искусству, в том числе и Давид Андгуладзе и Михаил Квалишвили. В конце передачи они обратились с экраном к бабушке со словами любви и самыми добрыми пожеланиями. А она, забыв о расстоянии, которое их разделяло, отвечала им так, будто они были с нею рядом, в одной комнате.

И была еще одна встреча с Грузией, последняя... 21 октября 1972 года в Бакинском театре оперы и балета им. М.Ф. Ахундова, откуда хоронили бабушку. Был тихий и очень теплый солнечный осенний день. В театре собралось очень много народу, и вдруг появилась большая группа людей с цветами. Оказалось, что это вокалисты Закавказья. В Баку в эти дни проходил конкурс по вокалу, и его участники пришли на гражданскую панихиду. Совпадение это поразило меня. Надо же было случиться, что именно во время проведения этого конкурса не стало Фатьмы Мухтаровой. Будто сама судьба распорядилась так, что многие из знавших актрису оказались в эти дни в городе, где она заканчивала свой земной путь. И, конечно же, здесь была и грузинская делегация во главе с сыном Давида Андгуладзе – Нодаром. Потом, перед отъездом, грузинские делегаты пришли к нам домой, чтобы выразить свое сочувствие нашему горю и вспомнить то, о чем забыть просто невозможно.

ИЗ ВОСПОМИНИЙ ЛЕЙЛЫ УЦМИЕВОЙ

В 1953 году я гостила в Тбилиси у своих друзей – Р.Глезер (которая была известна всему Тбилиси как концертмейстер Грузинской филармонии) и Г.Гогичадзе – ее мужа, заслуженного артиста Грузинской ССР, баса грузинской оперы.

Отпуск подошел к концу, я собиралась уезжать, но днем Гоги, вернувшись из театра, сказал, что там висят афиши, извещающие о том, что 12 ноября Фатьма Мухтарова простится с публикой, и весь театр в большом волнении. Я решила задержаться, подумала еще, что вероятно такой же прощальный вечер будет и у нас в Баку, и интересно будет потом их сопоставить.

Я всегда, наезжая в Тбилиси, бывала в театре и видела, что публика хорошо посещает оперу, народу всегда бывало много, но такой публики и такого ее стечения я еще никогда не видела: в театре яблоку негде было упасть, весь цвет искусства, науки, любители музыки всех возрастов и профессий сидели на приставных стульях, стояли в ложах, на балконах, в проходах... Говорили, что Д.Андгуладзе, много певший с Мухтаровой, за два месяца до этого во время спектакля «Абесалом и Этери» в темноте, выходя на сцену при смене картин, упал и получил перелом таза и бедра, но в этот вечер он на костылях

пришел в театр. И когда Кармен появилась на сцене, весь зал поднялся на ноги, раздались аплодисменты, сцену забросали цветами. Мухтарова закрыла лицо рукой и заплакала. И за нею заплакал зал...

Говорить о ее пении в этом акте не приходится, там уж было не до пения никому. В «Черевичках» она несколько успокоилась, овладела собой, глаза ее загорелись (мухтаровские глаза!). Но все величие свое, усиленное еще трагизмом личных переживаний этого вечера, она представила в «Аиде». Партнером ее был Н.Белакнели, тоже артист уже в летах, но говорили, что даже в молодые годы он пел не так, как в тот вечер. Но и Амнерис не уступала своему Радамесу, голос ее звучал прекрасно, это был тот же взволнованный и волнующий голос Мухтаровой, может быть, еще более прекрасный, чем прежде; пела она всю сцену без скидок, не спуская ни одного звука, только моментами чувствовалось, что ей немного не хватает дыхания...

А потом началось чествование: артисты, кто, уже переодевшись, кто еще в костюмах, дирекция, дирижеры, оркестр – все вышли на сцену. Выносили корзины цветов, перевитые виноградом и лентами – я сосчитала: семь в человеческий рост, а обычных и сосчитать было невозможно. Дирижер В.Палиашвили зачитал адрес, в котором театр и общественность Тбилиси благодарили любимую артистку за ее искусство, за годы работы, подаренные театру, за общение с нею. Потом на бархатных и шелковых подушках понесли подарки. Она стояла в центре сцены у рампы, закутавшись в свое покрывало, придерживая его на груди скрещенными ладонями, поднимая вверх лицо, по которому текли слезы. А потом Фатима заговорила, и до сих пор я слышу ее голос: «Моя прекрасная, ласковая Грузия! Все лучшие дни моей жизни и карьеры были освещены и согреты твоим ласковым солнцем...»

Тут поднялось нечто невообразимое: если до этого все плакали, то тут просто в голос зарыдали, открыто – наравне женщины и мужчины, ну и я, конечно, со всеми вместе, и потому, что она говорила дальше, я не запомнила... Вышли из театра потрясенные, ни по дороге, ни дома, где нас ждали с расспросами, мы не могли вымолвить ни слова.

В театре, в одном с нами ряду сидели З.Кикалейшвили, Л.Гоциридзе и другие артисты. С каким волнением, с каким участием говорили они о Мухтаровой, вспоминая былые впечатления, интересуясь, как она живет и чем может и должен ей помочь тбилисский театр. После мне сказали, что на прощальном банкете ей была передана половина сбора от вечера и, кроме того, весьма крупная сумма сверх сбора, как подарок. Народный артист Азербайджана В.Никольский, когда-то тоже выступавший в Тбилиси, рассказал мне, что по возвращении Мухтарова позвонила к нему, описывала тот вечер, и сказала: «Я солнце привезла с собою оттуда...»

С удивлением я узнала, что наш оперный театр так и не попрощался со своей народной артисткой – более того, здесь удивились, узнав о тбилисском вечере. Кто-то реагировал на это с волнением и печалью, другие – с равнодушием и досадой. Театральные работники ходили ко мне, как к очевидице, расспрашивая о подробностях... И я снова рассказывала и снова плакала, и со мною вместе плакали мои слушатели. Г.Шароев сказал мне: «Фатима Мухтарова не ездила на гастроли за границу. Но оттуда приезжали специально слушать и смотреть Мухтарову...»

Позже Мухтарова жила в забвении, нигде не появлялась, хотя сначала я еще видела ее несколько раз в консерватории. Знаю, что некоторые молодые певцы и певицы ходили к ней на дом, и она никому не отказывала в советах. Но по-настоящему, офици-

ально, ее сценический опыт, умение и мастерство не были никак и нигде использованы. Публика тоже забыла свою любимую когда-то артистку, многие даже не знали, что она еще жива и живет в Баку, – новому поколению ее имя почти ничего не говорило. Почему так получилось, не знаю...

Два года спустя я шла к приятельнице по проспекту Нефтяников. Был летний день. Около магазина электротоваров на скамеечке сидели женщины: две, очень простого вида старушки судачили о чем-то, третья, в белой косынке на седых волосах, с маленькой собачкой на поводке, с интересом прислушивалась к их разговору. Я уже прошла было мимо, как вдруг что-то смутно возникло в памяти – я обернулась: женщина с собачкой, да, это была властительница наших дум и восторгов, это была Мухтарова!.. Ноги стали как деревянные. Я пришла к своим друзьям потрясенная, и долго не могла ни о чем говорить...

Недавно меня спросили, какая была Мухтарова, действительно ли это была певица такого высокого класса? Да была, хотя, возможно, не в том смысле, который сегодня вкладывается в это определение. Да, у нее был большой объемный голос красивого бархатного тембра, большого диапазона, которым она пользовалась с полной свободой. Но мы восхищались не только этой свободой виртуозного владения хорошей вокальной школой, а свободой самовыражения. А выражала она не себя, Фатьму Мухтарову, а героини, в роли которого она выступала в данный момент. И именно ее душу, сознание, чувства, мысли, томления, страдания, радость и торжество, отчаяние и нежность – все это она высказывала своим прекрасным голосом со всей страстностью и силой своего огромного темперамента – бурного, властного, повелительного. Поэтому ее образы так правдивы и живы, невозможно было остаться спокойным, глядя и слушая.

Бывало, ее упрекали, что она «вольничала» на сцене, но попросту не укладывался в какие-то рамки и нормы комплекс того богатства данных, которыми наделила ее природа: роскошный и всецело послушный ей голос, необычная и необыкновенная внешность, безупречное чувство сцены и глубина чувств и, наконец, божественный огонь, который взвивался пламенным факелом. Она просто всегда была на голову выше всех, кто находился вместе с нею на сцене и кто слушал ее в зале. На нее смотрелось только снизу вверх, недосыгаемо вверх.

«Фатима Мухтарова! Сколько яркого, самобытного заключает в себе это имя. Ее артистический дар можно сравнить, пожалуй, с самородком золота, драгоценным творением природы.

Мало кто из художников был отмечен таким великолепным сценическим обаянием, имел такую всепокоряющую сценическую внешность.

Кто хоть раз видел ее на сцене, тот никогда не забудет черные, завораживающие душу глаза Фатимы Мухтаровой, глаза, выражающие все самые сокровенные чувства человека: смятение души, трепет сердца.

Голос Фатимы всегда звучит в сердце ее слушателей, даже тех, кому хоть раз удалось ее слышать. Это поистине народная артистка вышла из народа, была признана им всецело, безраздельно и навсегда».

Народная артистка РСФСР, лауреат Государственных премий Вера Давыдова, народный артист Грузинской ССР, профессор Дмитрий Мчелидзе

Светлана КУРОЧКИНА

«КОЛГА» НА ВСЕ СЛУЧАИ ЖИЗНИ

Конкурс «Колга фото Тбилиси» в нынешнем году заметно разросся. Больше экспозиций как коллективных, так и индивидуальных, новые имена, креативный подход в выборе выставочного пространства. Принимали этот конкурс Музей современного искусства Зураба Церетели, музей «Карвасла», клуб «Андервиль», Арт-центр «Рубикон»... Удачно выбранные места проведения и музыкальное сопровождение (фортепиано, орган, а то и небольшой рок-концерт) подчеркивали идею композиции и содействовали ее осмыслению.

Американец Марк Аснин привез серию под названием «Дядя Чарли». Он начал снимать ее в начале 1980-х, во время учебы в фотшколе, и пополнял на протяжении 30 лет. Дядя Чарли – брат матери автора и его крестный, так что это – своеобразная летопись семьи и одновременно фотодокумент, запечатлевший этапы становления Аснина, как художника. «Мой дядя, - рассказывает Марк Аснин, - родился в нездоровой среде (дед был гангстером) и так и не смог из нее вырваться. Конец жизни он провел у окна, взирая из своего укрытия на внешний мир, и понимая, что там нет для него места. Это история о несбывшихся надеждах, упущенных возможностях, разочаровании и поражении, а также о том, что в любых обстоятельствах нужно искать зернышко счастья». Из США приехал и фотограф-документалист Винсент Чيان, преподающий в Парсонской новой школе дизайна в Нью-Йорке. В Тбилиси он провел ворк-шоп на тему «Искусство фоторепортажа» и представил серию «Мы катаемся на коньках». Перехав 20 лет назад в Бруклин, Чيان был очарован его

латиноамериканским говором и особым стилем жизни. Бруклинские подростки – заядлые скейтбордисты, виртуозно выполняют десятки сложнейших трюков, а на роликах скользят по любой поверхности – горизонтальной, диагональной и вертикальной. Сочетание молодости, драйва, скорости подкупило фотомастера, он подружился с тинейджерами, снимая все важные события их жизни. Чيان вел эту хронику в течение девяти лет. Ребята помогли ему – делали комментарии к собственным снимкам, записывали для фотомастера короткие интервью. Герои снимков выросли, устраивались на работу, влюбились, женились, обзаводились детьми...

Еще один американский фотохудожник, чью выставку довелось посетить – Бенедикт Фернандес. Его называют в числе лучших фотографов улицы нашего времени. Фернандес увековечил на пленке известные социальные явления и события, историю своей страны, создал собственный дневник протестных акций 60-х годов. Снимал лидера движения за права чернокожих Мартина Лютера Кинга во время выступлений и в кругу семьи, митинги бедняков, демонстрации противников вьетнамской войны... Фотография, по его убеждению, должна обладать побудительной силой, не просто отражать социальные явления, а влиять на них. Он интересуется жизнью разных социальных групп и знакомит зрителей с их миром, бытом. Стальные кони байкеров, беспросветная нищета (1970) общины в Аппалачах, Нью-Йорк, щеголяющий шиньонами, фраками и благотворительными вечерами...

Международная выставка «Китайские истории» объединила работы 30 авторов, ее цель – найти связующее звено между современным и древним Китаем. Фотохудожница Элайн Линг из Торонто ищет вдохновение в образцах древних культур, замысловатым подношениям духам предков посвятил свою широкоформатную работу «Если в раю пойдет дождь» Курт Тонг (Гонконг, Лондон). Снимки, привлекающие внимание к различным социальным проблемам, представил Стефен Чоу (Сингапур, Пекин), за серию «Черта бедности» он получил Гран-при Международного фестиваля Galerie Huit Open Salon в Арле. О проблеме образования в Китае рассказал готовившийся целый год проект «Следуй за ним» пекинца Ван Квинсона, который известен ироничными и юмористическими работами на тему потребительской культуры. Метью Слит из Мельбурна исследует роль красного цвета в китайской культуре. А выставка «Арестованный взгляд» испанца Манеля Эскюза относится к началу его карьеры фотографа в 70-х годах, работы, в которых много тайны, сделаны на родине мастера.

Призом имени основоположника грузинской художественной фотографии Александра Роинашвили в этом году награжден известный спортивный фотокорреспондент Александр Которашвили. В номинации «Лучший момент» победил белорус Андрей Ленкевич с работой «Без названия». За лучшую документальную серию – о детском рабстве в Гаити – награжден российский фотограф Влад Сохин, живущий в Сиднее. В номинации «Концептуальный фотопроект» лауреат – Дона Джей Ван (Сан-Франциско) с работой «В природе». А лучшим репортажем признан «Скрытый Гонконг» Кая Лиофельбана из Германии. Специальным призом отмечены работы Дины Огановой из серий «Ломисоба» и «Мысли о Грузии».

Медea АМИРХАНОВА

ჩხაიძის ჩხავერი

მუხრანის ჩინური

კახური მუსკატი

სვინის ციცქა

ცაბერის ცოლიკაური

პრემიუმ კლასის
იზვიათი ქართული
ღვინის კოლექცია

2012

Special collection of
Premium Quality
Georgian Wine

კახური ტრადიციული მეღვინეობა

www.ktw.ge

"Books that u read and films
 that you see doesn't exist, only ^{exist} exist

what you do A.E.

MELO
 IRISH

EEQA

1512-2972

federico fellini